

Самые счастливые люди на земле

Посвящается нашим родителям

ИССАКУ И ЗАРОУТИ ШАКАРИЯНАМ,
СИРАКАНУ И ТИРУНИ ГАБРИЛЕЯНАМ, которые дали нам наследство среди
наисчастливейших людей на земле.

Авторы

Демос Шакариян

Оглавление

Вступление

Весть из-за горы

Соединенная Пасифик Авеню

Часовая бомба

Человек, который переменял свои мысли

Рука, ухваченная за небо

Голливудский Бовл

Время испытания

Клифтонская Кафетерия

Нога на столе

Мир начинает обращаться

Золотая цепь

Вступление

Был серый декабрьский день 1960 года, когда мы заехали нашим, большим автомобилем на предпоследнюю стоянку перед Президентской Гостиницей в Атлантик Сити.

Несколько минут позже избитый Кадиллак с Калифорнийским номером повернул в стоянку рядом с нами, из которого вышел большой мужчина в широкополой шляпе.

Он протянул свою мозолистую руку и сказал:

"Меня звать Демос Шакариян".

Он перешел на другую сторону автомобиля и открыв дверь для красивой черноволосой женщины, сказал: "А это моя жена Розалия".

Мы в свою очередь представились им и сказали, что мы репортеры журнала, с назначением расследовать говор языками, добавляя очень торопливо, что мы приехали "только посмотреть".

И мы насмотрелись. Президентская Гостиница на той неделе была сценой районной конференции организации, называемой: Интернациональное Общение Коммерсантов Полного Евангелия, которой Демос был основателем и президентом. Тысячи людей приехали в Атлантик Сити на эту конференцию со всех мест восточного побережья.

Некоторые из них хотели только повстречаться с этим фермером с загорелым лицом в широкополой шляпе, а другие хотели обменяться переживаниями о том, что Святой Дух сотворил в их жизни, а еще некоторые, подобно нам, только посмотреть - немного с опасением и больше с недоверием.

Будем осторожны с нашими чувствами, мы предостерегали один другого, как например: выкрики, поднятие и взмахи руками, исступленные свидетельства - этот устарелый способ приводить людей в возбуждение.

Мы были осторожны, ... но ничего подобного не случилось. С передней стороны гостиного зала Демос руководил собраниями со сдержанными чувствами, как будто прислушиваясь к голосу, которого мы не слышали. Вместо нами ожидаемого беспорядка, воздержание и приличный порядок присутствовал на конференции.

Вооружившись против удара, которого не случилось, у нас не было защиты против любви, которую мы пережили на этой неделе со многими сотнями других, начав наше собственное хождение в Духе.

Прошло 15 лет после этого памятного декабря. За это время, следуя за движением Пятидесятников, мы побывали во многих частях света, потому что здесь мы находим хорошие свидетельства, возбуждение, перемену жизни и реальность церковной жизни в наши дни. И с течением времени мы стали замечать интересное явление.

С кем бы мы ни говорили, чья вера была оживлена: мужчины и женщины, дети и старшие люди, Римские католики и Меннониты - все они начинали свой рассказ от этой необычайной группы деловых мужчин и молочного фермера из Дауни (Downey), Калифорнии, по имени Демоса Шакарияна.

Как это может быть, мы спрашивали себя, чтобы этот застенчивый, не красноречивый человек со сдержанной приятной улыбкой, который, кажется, никогда не торопился и который, кажется, не знает сегодня, что будет делать завтра, чтобы он имел такое влияние на миллионы людей?

Мы решили провести с ним интервью и узнать об этом.

Нам легче было прийти к этому решению, нежели его осуществить. Демос мог быть в Бостоне или в Бангкоке или даже в Берлине и Демос не отвечает на письма. Но в течение последних четырех лет мы имели с ним несколько встреч. Демос и Розалия приехали на восток посетить нас.

Позже мы встретились в Швейцарии в шале нашего приятеля.

Мы вместе работали в Монако и в Пальм Спрингс.

Мы беседовали в автомобиле, на аэродромах, в армянских ресторанах. Самое приятное время мы провели в их доме в Дауни, Калифорнии, в маленьком домике, который они построили в 1934 году и в котором родились их первые дети.

Дом отца Демоса стоит рядом с его домом, но он пустой со дня смерти его отца. Он гораздо красивее и имеет больше комнат, но для Демоса и Розалии с их домиком связано больше воспоминаний.

И так постепенно мы стали разгадывать тайну Демоса.

Часть этой тайны его родные привезли с собой из Армении. Этот древний христианский народ больше других пострадал за свою веру. Из этого страдания выросла прозорливость.

Прозорливость эта больше веяной расы или народности.

Все мы нуждаемся в знании этого секрета и когда мы его знаем, как говорит Демос, неважно, что бы в мире нас ни окружало, мы будем наисчастливейшими людьми на земле.

Ноябрь, 1975 Джон и Элизабет Шерил.

Весть из-за горы

Однажды ночью мы с моей женой Розой проезжали через Лос Анжелес по пути домой.

Весьма неожиданно у меня появилось желание съехать с главной автострады и проехать мимо дома, где жил когда-то мой дед Демос по приезде в Америку.

После нашего сорокадвухлетнего супружества с Розой она привыкла к таким моим внезапным импульсам и хотя уже был час ночи, она не сказала и единого слова, когда я свернул с дороги и поехал в часть города, называемой Лос Анжелес Флетс.

Квадратный штукатуренный дом под номером 919 на Бостонской улице был уже снесен. Мы посидели некоторое время в автомобиле, смотря вокруг на новые городские постройки, заменившие развалившиеся дома. Затем я повернул машину, и мы направились на автостраду.

Мысли о моем дедушке путешествовали со мною в эту теплую калифорнийскую ночь.

Я знал, почему я ночью свернул с дороги. Я это сделал благодаря пророчеству, которое мы с Розой слышали в начале этого вечера. Мы были на собрании Коммерсантов Полного Евангелия в городе Беверли Хилс, на котором кто-то предсказал, заверяя, что слова эти были от Бога, о грядущем великом преследовании христиан во всех частях света, включая Соединенные Штаты Америки.

Что мы могли сказать о таком предсказании? Что сделали мои предки с такой вестью столетие тому назад? Такое же самое пророчество было дано тогда и все, что было предсказано, исполнилось в жизни моего деда, моего отца и в моей жизни лишь потому, что мы серьезно отнеслись к нему.

Был второй час ночи, когда я въехал во двор в Дауни. Свет луны не располагал меня ко сну. Я обычно поздно иду спать, к неудовольствию Розы, поэтому она ушла спать.

Я же подвинул старое кресло ближе к окну в общей комнате, уселся в нем и в темноте позволил моим мыслям уйти в далекое прошлое.

Я никогда не знал деда Демоса, так как он умер до моего рождения. Но я сотни раз слышал рассказы про него. Я знал каждую деталь в этих рассказах. И теперь, смотря на апельсиновый сад, залитый серебристым светом луны, мне казалось, что я вижу отдаленный расстоянием и временем другой край. Для армянина не составляет трудности увлечься мечтами. Мы ветхозаветный народ. Для нас прошлое и настоящее очень сильно переплетено в нашем мышлении и то, что случилось столетия или тысячелетие тому назад, для нас оно так реально, как бы случившееся сегодня.

Я так часто слышал описание маленькой деревни Кара Кала, что для меня не составляло трудности мысленно видеть ее, расположенную на скалистом подножью горы Арарата. На этой горе, как сказано в Библии, остановился ковчег Ноя. В моих мыслях я видел каменные постройки, хлев и навесы, и однокомнатный домик, где жил мой дед Демос. В этом домике родились пять дочерей деда, но у него не было и одного сына, что считалось у армян, как и у израильтян, бесславием.

Я представляю себе, как дедушка шел в молитвенный дом со своими пятью дочерьми.

Хотя большинство армян по вероисповеданию православные, дедушка и многие другие в Кара Кала были пресвитерианами. Я мысленно вижу его, идущего вдоль по улице к молитвенному дому, в это особое воскресенье с высоко поднятой головой, несмотря на внутреннее переживание.

Меня удивляет, что дед, даже нуждаясь в этой необыкновенной весте, не скоро принял ее, хотя она и просачивалась к нам через горы около пятидесяти лет. Весть эта была принесена русскими. Дедушка любил русских, но он был слишком уравновешенным, чтобы поверить в рассказы о чудесах. Наконец русские приехали караваном крытыми возами. Они были одеты, подобно нашим людям, в длинные рубахи с высокими воротниками, опоясанные поясками с кисточками, женатые мужчины с бородами. Армяне не имели трудностей понимать русских, так как большинство наших людей говорили по-русски. Наши армяне слушали рассказы

русских "о излиянии Святого Духа", как называли русские, на сотни тысяч православных русских людей.

Русские приехали с подарками, с дарами Духа, которыми они хотели поделиться. Я слышу моих дедушку и бабушку, беседующих между собою до поздней ночи, после одного из таких посещений. Я допускаю, что наверно дедушка сказал, что все, о чем говорили русские, они говорили по Писанию.

"Я имею в виду исцеления, которые в Библии. А также и языки. И пророчество. Лишь одна трудность в том, что не по-армянски", что было бы доказательством подлинности. Верное. Практическое.

А бабушка всегда с тяжелым сердцем могла ответить: "Ты сам знаешь, что если говоришь о пророчестве и исцелении, то это говоришь о чудесах".

"Да".

"А если бы мы таким образом получили Святого Духа, думаешь, что мы могли бы просить чуда?"

"Ты намекаешь, чтобы просить сына?"

И бабушка, возможно, заплакала. И я определенно знаю, что в одно ясное майское утро 1891 года бабушка плакала. С течением времени некоторые семьи, проживающие в Кара Кала, приняли благовестив от русских пятидесятников. Шурин дедушки Магардич Мушеган был одним из них. Он был крещен Святым Духом и часто посещал Шакариянов на их ферме, беседуя о найденной радости в его жизни.

В этот особый день, мая 25-го 1891 года, бабушка и с нею другие женщины, в углу однокомнатного домика занимались рукоделием. Бабушка пробовала шить, но ее слезы падали на работу, лежащую на ее коленях.

По другой стороне комнаты, ближе к окну, где было светлее, сидел Магардич Мушеган с открытой Библией на коленях и читал.

Вдруг Магардич закрыл свою Библию, встал, перешел через комнату и стал перед бабушкой. Его густая черная борода тряслась от волнения.

"Гулисар", сказал Магардич, "...Господь только что проговорил ко мне!"

Бабушка выпрямилась и говорит: "Да, Магардич?"

"Он открыл мне нечто для тебя", сказал Магардич. "Гулисар, ровно через год от сегодняшнего дня у тебя родится сын".

Когда дедушка вернулся с поля, бабушка встретила его на пороге с чудной пророческой вестью. Довольный, желающий верить, все же скептически настроенный, дедушка ничего не сказал. Он только улыбнулся, пожал плечами и отметил число на календаре.

Шли месяцы, и бабушка опять забеременела. За это время все в Кара Кала знали о пророчестве и с нетерпением ожидали его исполнения. И точно через год после пророчества, мая 25-го 1892 года бабушка родила мальчика.

Посещение нас Святым Духом было нашим первым личным опытом. Все в Кара Кала соглашались, что выбор имени для мальчика был правильным: его назвали Исааком, потому что, подобно долгожданному сыну Авраама он был сыном обетования.

Я уверен, что дедушка был весьма довольным и счастливым человеком, когда со всей семьей он шел в молитвенный дом каждый воскресный день после рождения Исаака.

Все же мой дедушка имел в себе жилку гордости, как и все армяне. Он был неуступчивым, чтобы безоговорочно принять все то, что он пережил в связи с обетованиями, упоминаемыми в Библии. Может быть, предсказание Магардича было лишь удачным случаем.

А потом одного дня все сомнения дедушки исчезли раз и навсегда.

В 1900 году, когда Исааку было всего восемь лет, а его младшей сестре Хамас четыре, пришло известие, что сотни русских верующих едут через горы к нам в крытых телегах. Все были весьма рады гостям. У жителей Кара Кала был обычай с приездом гостей устраивать праздник. Несмотря на то, что дедушка не соглашался с проповедью полного Евангелия,

которое проповедовали русские, все же он считал их приезд и посещение временем для славы Божьей и настаивал, чтобы празднование происходило на равнине перед его домом.

Дедушка гордился своим отборным стадом. Услышав о приезде русских, он пошел к стаду, и выбрал наилучшего и на жирнейшего молодого бычка для приема гостей. К сожалению, этот отборный бычок, после проверки оказался с недостатком. Он был слепым на один глаз.

Что делать? Дедушка знал учение Библии. Он знал, что в жертву Богу нельзя приносить животное с недостатком. Не так ли сказано в Книге Левит 22-ой главе 20-ом стихе? "Никакого животного, на котором есть порок, не приносите; ибо это не приобретет вам благоволения".

Что за дилемма! В целом стаде не было другого равного по качеству и весу животного, чтобы накормить сотни гостей. Дедушка осмотрелся вокруг себя для уверенности, что его никто не видит. А если бы зарезать этого бычка на мясо, а голову с бельмом спрятать? Так он и решил сделать.

Он завел слеповатого бычка в коровник, зарезал его, а голову положил в мешок и спрятал в темном углу под кучей зерна.

Дед только что успел закончить свою работу с подготовкой мяса, как раздалось тарахтенье возов, въезжавших в Кара Кала. Что за приятное явление! Спускаясь по пыльной дороге, ехал знакомый караван возов, запряженных четверками потных лошадей. Возле кучера на первом возу сидел стройный, внушительный, белобородый старец, проводник и пророк всей группы. Дед с маленьким Исааком вышли на дорогу, чтобы приветствовать гостей.

По всему селению шла быстрая подготовка к празднику. Молодой и жирный бычок уже жарился на вертеле над жаркими углями. В тот же вечер, томимые ожиданием и голодом, все собрались вокруг длинных дощатых столов. Перед ужином надлежало помолиться.

Эти русские верующие никогда не начинали молиться, даже перед едой, пока не получат, как они называли "помазания". Они ожидали перед Господом, пока, по их понятию, Дух не сходил на них. Они верили, к немалому удивлению дедушки, что они буквально чувствовали сошествие и присутствие Духа. И когда это случалось, они поднимали вверх руки и начинали прыгать (радеть) от радости.

На этот раз, как и всегда, русские ожидали на помазание от Духа. Немедленно, как и ожидалось, один за другим они начали подпрыгивать. Все шло своим порядком. Скоро последует молитва над пищей и дальнейшее празднование. Но к великому удивлению моего деда, старец внезапно поднял вверх руку, не в форме благословения, а как знак задержки всего происходящего. Посмотрев на деда своим пронзительным взглядом, высокий белобородый старец отошел от стола, не сказав и единого слова.

Глаза дедушки весьма внимательно следили за старцем, когда он перешел через двор и направился в конюшню. Через несколько минут он вернулся. В своей руке он держал мешок, который дед спрятал под кучей зерна. Дед от страха начал трепетать. Как мог этот человек знать, что сделал дедушка!

Никто его не видел. Русские еще не въехали даже в село, когда он спрятал эту голову.

Теперь старец положил мешок открытым перед дедом, чтобы все видели голову с бельмом на глазе.

"Сознаетесь ли вы в чем-нибудь, брат Демос?" спросил русский.

"Сознаюсь", сказал дед, полный трепета. "Но как вы могли знать это?"

"Бог открыл мне," - прямо ответил старец. "Вы все еще не верите, что Бог говорит со Своими людьми сегодня, как когда-то в прошлом. Дух дал мне это слово знания, чтобы ты и твоя семья поверили. Вы противились силе Духа. От сегодняшнего дня вы больше не будете противиться".

В этот вечер перед своими соседями и гостями дедушка исповедал свой задуманный обман. Со слезами на глазах, которые обильно текли по его лицу и бороде, дед просил прощения. "Покажите мне", говорил он старцу, "как я могу исполниться Духом Божиим".

Мой дедушка склонился на колени, и старец возложил на его голову свои мозолистые руки. Внезапно дедушка начал молиться радостной молитвой, которую ни он, никто другой из присутствующих не понимали. Русские эту молитву называли "языками - и принимали как знак сошествия Святого Духа на говорящего. В этот же вечер и моя бабушка была "крещена Духом".

Событие это стало началом великой перемены в нашей семье и в жизни одного известного жителя Кара-Калы. Человек этот был известен во всем районе как юноша - пророк, хотя уже во время события с головой быка юноше-пророку было пятьдесят восемь лет.

Его звали Ефимом Герасимовичем Клубникиным и у него было замечательное прошлое.

Он был русским по происхождению, из семьи первых пятидесятников, пришедших из-за границы и поселившегося на постоянное жительство в Кара Кала. С раннего детства Ефим проявлял дар молитвы, часто долго постился и молился целыми часами. Все в Кара Кала знали, что, когда Ефиму было одиннадцать лет, он слышал Божий голос во время одного из своих молитвенных бдений. В это время он провел в молитве семь дней и ночей и видел видение.

Явление это само по себе было весьма необыкновенным. Разумеется, как иногда ворчал ДЕД, всякий, кто так долго не ел и не спал, мог видеть видения. Но чем Ефим был занят во время этих семи дней, не так легко объяснить. Ефим не мог ни читать, ни писать. Сидя в своем маленьком домике в Кара-Кала, он видел перед собой в видении чертежи с самым красивым почерком. Взяв карандаш и бумагу, он семь дней сидел за грубым дощатым столом, которым семья пользовалась для еды и усердно переписывал виды и формы букв и диаграмм, проходящих перед его глазами.

Когда он закончил свои записи, они были показаны грамотным людям в деревне.

Оказалось, что этот неграмотный мальчик писал по-русски, и что в этих записях были некоторые инструкции. Он писал, что в указанное время в будущем для всех христиан в Кара Кала угрожает страшная опасность. Он предсказал время невыразимых переживаний для всего округа и brutального убийства сотен и тысяч мужчин, женщин и детей. Придет время, предупреждал он, что всем в округности нужно будет бежать даже за море. И хотя он в своей жизни никогда не видел учебника географии, юноша-пророк нарисовал карту, точно указывающую куда христианам следует бежать. К великому удивлению взрослых, вода, точно указанная на карте, не была близко лежащим Черным морем, Каспийским морем или даже отдаленным Средиземным морем, но далеким, невообразимым Атлантическим океаном.

Вне всякого сомнения, что земля по другую сторону океана, ясно указанная на карте, была восточным побережьем Соединенных Штатов Америки.

Но беженцам не следует селиться там, гласило пророчество. Они должны ехать до западного побережья новой земли. Там, писал юноша-пророк, Бог их благословит, и они будут преуспевать и их наследие будет благословенным народом.

Немного позже Ефим написал второе пророчество. Но все, что о нем было известно, то это то, что оно было написано на более отдаленное время, когда опять нужно будет спастись бегством. Ефим просил своих родителей запечатать это пророчество в конверте и повторил указания, полученные в видении на это время. Ему было сказано, что только будущий пророк, избранный Богом для этого дела, сможет открыть конверт и прочитать пророчество для церкви. А если кто решится открыть конверт преждевременно, тот умрет.

Многие в Кара Кала с большим недоверием отнеслись к таким выдумкам маленького мальчика. Все же где-то должна быть разгадка этому "чудесному" писанию. А может быть он секретно научился читать и писать лишь для того, чтобы пошутить над жителями деревни.

Другие, наоборот, убедились, что Ефим, юноша-пророк и его предсказания были правдивыми. Всякий раз, когда свежие новости политических беспорядков достигали этих спокойных холмов около горы Арарата, жители открывали пожелтевшие от времени страницы пророчеств и опять читали их. Трудности между турками мусульманами и

христианами армянами достигали в это время большой напряженности. В августе 1896 года четыре года до того, как у дедушки произошел случай с бычком, турецкая толпа вырезала больше чем шесть тысяч армян на улицах Константинополя.

Прошло много времени с тех пор, как дано было это пророчество и Константинополь был очень далеко от Кара Кала. Верно, пророчества в Библии были сказаны десятка и столетия до их исполнения. Но многие в Кара Кала, в том числе и мой дедушка, верили, что подлинны пророческие дары прекратились со времени составления

Библии. Немного позже, в начале 19-го столетия, Ефим объявил, что приближается время для исполнения слов, которые он написал около пятидесяти лет тому назад.

"Мы должны спастись в Америку. Все, кто останутся здесь, погибнут".

Некоторые семьи пятидесятников в Кара Кала начали собирать свои унаследованные пожитки, приобретенные их предками с незапамятных времен. Ефим и его семья были первыми из числа выезжающих. Остающиеся в Армении сопровождали уезжающих насмешками. Скептически настроенные и не доверяющие, включая христиан, не верили, что Бог может дать такое детальное указание для людей современного века. Но предостережения эти оказались правдивыми. В 1914 году настало время невыразимых ужасов для Армении. С беспощадной аккуратностью турки начали кровавую расправу выселения двух третей армянского населения в Месопотамскую пустыню. Свыше одного миллиона мужчин, женщин и детей погибли в этом смертном походе, включая и жителей Кара Кала. Других полмиллиона были вырезаны в деревенских погромах, которые позже заимствовал Гитлер для уничтожения евреев.

"Мир не вмешался, когда турки уничтожали армян. Он лишь напомнил своим наблюдателям, что он не вмешается и теперь".

Немногим, кому удалось спастись из окружения, рассказывали о великом геройстве захваченных. Они говорили, что турки иногда предоставляли христианам возможность отречься от веры, взамен спасения жизни. Они обычно запирали христиан в конюшню или сарай и зажигали. "Если вы желаете признать и исповедовать Магомета, вместо Христа, то мы откроем вам дверь". Во всех таких случаях христиане избирали смерть и с хвалебными гимнами на устах погибали в пламени. Кто послушался предупреждения юноши-пророка и бежал в Америку, с ужасом слушали эти рассказы.

Дедушка Демос был первым из уезжающих. После его опыта с русским старцем он больше не сомневался в верности пророчества. В 1905 году он продал ферму, которая была семейным наследством из поколения в поколение, за очень низкую цену. Из остальных вещей он взял лишь то, что можно было понести на плечах, включая в эту тяжелую ношу дровами разжигаемый медный самовар. Забрав свою жену и шесть дочерей: Шушан, Эстер, Сирун, Мага, Ерхан, Хамас и гордость своей жизни - тринадцатилетнего Исаака, он отправился в Америку.

Они приехали всей семьей в город Нью Йорк весьма благополучно. Помня пророчество, они в нем не остались. Согласно писанным указаниям они отправились через удручающую видом новую землю, пока не доехали до города Лос Анжелеса.

Здесь, к своей великой радости, они нашли небольшую, но постепенно растущую армянскую часть города и некоторых друзей из Кара Кала. С помощью этих друзей дедушка занялся поисками квартиры. "Флетс" была самой дешевой частью Лос Анжелеса, но и здесь только в сожительстве с другими двумя новоприбывшими семьями дедушка мог поселиться в квадратном, штукатурном домике за номером 919 на Бостонской улице.

Все средства от продажи наследственной земли ушли на пароходный билет через океан, на переезд через американский континент и на аренду квартиры. Дедушка немедленно отправился в поиски работы, но все старания найти работу были безуспешны.

Материальный кризис 1880 годов давал себя еще чувствовать здесь в Калифорнии.

Никакой возможности найти работу не было, а в особенности для новоприезжих и не знающих языка страны. Каждое утро дед выходил к месту найма на работу и каждый вечер он приходил домой более усталой походкой, чем предыдущего дня.

Раз на неделю все заботы отлагались в сторону, а это было время воскресного богослужения. В доме на Бостонской улице была большая передняя комната, которая употреблялась для общественных собраний. Собрания эти проводились в таком виде, как когда-то в молитвенном доме в Кара Кала.

Центральное место в молитвенном доме занимал большой стол, на котором лежала открытая Библия. По сторонам стола сидели мужчины, согласно их возрасту старшие ближе к столу, а позади их младшие, а затем мальчики. По другую сторону комнаты, как и всегда, сидели женщины, также согласно их возрасту. Старцы носили полные черные бороды, хотя иногда молодой мужчина, к удивлению всех, отращивал только усы. Было также принято, чтобы собрание, (если не все дни недели), то в воскресный день - мужчины были одеты в светлые рубахи, а женщины в длинные вышитые платья и вручную вязание шарфы, унаследованные поколениями.

Что за утешение и духовную поддержку получал дедушка от такого общения с этой группой христиан! Они все были убеждены, что Бог может говорить с ними непосредственно через Библию. Озабоченный потребностью работы, дедушка обычно склонял свои колени на маленьком восточном коврик, который он привез с родины и просил у Бога "откровения". Затем все собрание начинало молиться вполголоса, часто на незнакомом эстетическом языке, называемом "языками". Под конец молитвы один из старцев, подойдя к Библии, клал наугад свой палец. Им казалось, что указанное место или стих соответствовал их нужде. Может быть, место в Библии было о Божьей верности или о грядущих днях молока и меда, как предсказывал когда-то юноша- пророк. Во всяком случае, маленькая армянская церковь терпеливо ожидала этих дней и переживала прекрасные моменты христианского общения.

Однажды случилось нечто весьма приятное. Случилось, что дедушка со своим шурином Магардичем Мушеганом, (с тем, который предсказал рождение Исаака), шли в Лос Анжелесе по улице Сан Педро в поисках работы в платных конюшнях. Проходя мимо улицы Азиза, они внезапно остановились. Вместе с запахом лошадей и упряжи они услышали ясные звуки голосов, славящих Бога на "языках". До этого они даже не слышали, чтобы в Соединенных Штатах были люди, поклоняющиеся Богу, как они.

Они быстро направились к перестроенной конюшне, откуда доносились звуки и постучали в дверь. К этому времени дедушка уже знал несколько английских слов.

"Можем ли мы войти?" Спросил дед. "Конечно!" Дверь широко отворилась. Затем последовали объятия, поднятие рук к Богу с благодарением, пение и славословие Бога.

Дедушка и Магардич вернулись на Бостонскую улицу с вестью, что пятидесятница пришла через море даже в эту далекую землю. Никто не знал в то время, что улица Азиза станет славным именем.

Здесь в этой отремонтированной конюшне шло пробуждение, которое даст вспышку проявлению духовных даров в разных местах света. В этой новой группе верующих дедушка видел подтверждение Божьего обетования сделать что-то новое в прекрасной

Калифорнии.

А что было это новое, он не дожид, чтобы видеть. Наконец дедушка получил долгожданную постоянную работу, которая так трагически оборвала его жизнь.

Одного дня в 1906 году он пришел домой в приподнятом настроении.

"Ты нашел работу", сказала бабушка.

"Да, нашел".

Вся семья немедленно окружила деда, когда он рассказывал эту добрую вест. В штате Невада, рядом с Калифорнией, пояснил дед, нанимают на работу на железной дороге.

Улыбка на лице бабушки моментально исчезла. Она уже слыхала про Неваду. Место там было пустынное при температуре свыше 45 градусов. Рабочие там падали мертвыми от жары, выполняя тяжелую работу прокладки рельсового пути.

"Но вы забыли", сказал с упреком дед, "что я фермер и привык работать на солнце.

Кроме этого, Гулисар, мать моего сына, что другое мы сможем сделать?"

Скоро после этого дед созвал старшин церкви и получил от них традиционное благословение на путь. Завернув перемену белья в одеяло, он немедленно отправился в пустыню. Через недолгое время почтальон еженедельно приносил почтовый перевод по адресу на Бостонской улице.

В один летний вечер пришла телеграмма, которой бабушка всегда страшилась. В ней было сказано, что в один жаркий день дед упал мертвым во время работы. Его тело будет доставлено семье поездом.

После смерти деда мой отец Исаак приступил к выполнению семейных обязанностей, к которым он не был вполне подготовлен. В 14 лет он стал главой семьи. Несколько месяцев мой отец продавал газеты на одной из главных улиц города Лос Анжелеса. Он зарабатывал около 10 долларов в месяц, что было весьма большой материальной помощью при жизни дедушки, но недостаточной для пропитания матери и шести сестер. Даже такое событие, как землетрясение в Сан Франсиско в 1906 году, когда он продал шесть связок экстренных газет в течение одного часа, не было достаточным, чтобы поставить лишний литр молока на стол.

Ни в коем случае отец не хотел взять и одного цента не заработанных честным трудом денег. В начале столетия в Америке были в ходу еще золотые монеты, которые своим размером равнялись пятаккам. Однажды покупатель газеты второпях положил в руку отца монету и получив три цента сдачи быстро направился вдоль по улице. Отец был готов опустить монету в карман его синего фартука, на котором поперек было написано: Лос Анжелес Тайме, но взглянув еще раз на "пятачок" он заметил, что это был пятидолларовый червонец.

"Господин!" крикнул отец, но покупатель уже был на расстоянии доброго квартала.

Отец приложил газеты гирей и быстро побежал за покупателем в догонку. В это время мимо проезжал трамвай. Отец вскочил на трамвай, уплатил проезд из своего небольшого заработка и начал искать покупателя газеты. Он его нашел после того, как сошел с трамвая.

"Господин!" Наконец человек повернулся в сторону отца. "Господин, это не пятак", сказал он медленно по-английски. Отец протянул ладонь, на которой лежала сверкающая на солнце монета.

Я часто думаю об этом человеке, который взял обратно свои деньги почти без благодарности. Если бы он видел голодные лица, ждущие вечера у двери 919 на Бостонской улице, он сказал бы мальчику задержать эти деньги.

Десяти долларов в месяц было недостаточно для пропитания всей семьи.

Вечером после работы отец обходил наемные места в поисках работы, как когда-то делал его отец. Но если не было работы для мужчин, то для мальчиков было еще меньше. Наконец отец услышал, что фабрика упряжи нанимает на работу людей. Здесь заработная плата была весьма низкой, всего пятнадцать долларов в месяц, но даже эта сумма была больше выручки от продажи газет, поэтому отец принял эту работу.

Одного дня в 1908 году, когда отцу было всего шестнадцать лет, вернувшись с работы он был поражен словами бабушки.

"Исаак, у меня есть такая добрая весть", сказала бабушка.

"Нам не помешает добрая весть", ответил отец через платочек, которым он часто прикрывал свои уста. Мелкая кожаная пыль на фабрике падала на его легкие и вызывала постоянный кашель.

"Я нашла работу", сказала бабушка. Отец не мог поверить своим ушам. Никто из армянских женщин не шел на заработки.

В старом свете мужчины заботились о содержании семьи, он напомнил бабушке из кухни, вымывая кожаную пыль из своих волос.

"О Исаак, разве ты не видишь, как эта забота действует на тебя? Ты стал похож на шкварку в жарком. Я вчера слышала твой острый разговор с твоей сестрой Хамас".

Отец устыдился, но настаивал на своем. "Вы не пойдете на работу".

"Я уже работаю в доме очень приятной семьи в Холен-бек Парке. Стираю, глажу и делаю небольшую чистку дома".

"Если так, то я пойду собираться". Отец проговорил эти слова в полголоса и вышел из кухни.

Он направился в свою комнату, а бабушка пошла вслед за ним. Она стояла у двери и смотрела, как он укладывал свои немногие вещи в узел. "Так как вы теперь работаете, то во мне больше не нуждается дома", сказал он.

На другой день бабушка сообщила своим хозяевам в Холенбек Парке, что она больше не придет на работу.

Кашель отца, захваченный в фабрике упряжи, ухудшался. Его состояние здоровья не поправилось даже после того, как в следующем году его сделали старшим рабочим и освободили от работы. Бабушка рассказывала мне, как она проводила бессонные ночи, слушая кашель моего отца. Когда она, наконец, убедила его пойти к доктору, доктор подтвердил все то, что вся семья уже знала, что если отец не оставит работы в фабрике, то он не доживет до двадцати лет.

Перед ним теперь стоял вопрос, каким другим способом он сможет зарабатывать на содержание матери и сестер? И в данном случае, как и во многих других трудных переживаниях семьи, отец обратился к общине.

Армянские пятидесятники не собирались больше в передней комнате на Бостонской улице. По мере того, как мужчины находили то там, то сям работу, они немедленно принялись за постройку своего молитвенного дома. Это было небольшое деревянное здание на Глез улице, размером 20 на 10 метров, со скамьями без спинок, которые можно было отодвинуть к стенке, когда радость в Господе нисходила на общину, чтобы радеть в Духе. В переднем конце помещения всегда стоял традиционный стол.

Я себе часто представляю моего отца, идущего к столу, подобно тому, как и его отец во многих случаях ходил к столу. Он склонял свои колени на темно-красном коврике и высказывал свою нужду Богу. Вокруг него и позади стояли старцы, включая Магардича и его сына Арама Мушегана, о котором говорят, что он был таким сильным, что сам поднимал телегу, на которой чинили колесо. В этом случае Арам положил свой палец на Библию и прочитал странные, но прекрасные слова:

"Благословен ты в городе, и благословен на поле. Благословен плод чрева твоего, и плод земли твоей, и плод скота твоего, и плод твоих волов, и плод овец твоих".

Поле? Удивился отец! Скот? И прекрасные слова из 28 главы Второзакония продолжались:

"Пошлет Господь тебе благословение в житницах твоих и во всяком деле рук твоих; и благословит тебя на земле, которую Господь, Бог твой дает тебе". Слушая чтение, отец пришел к убеждению, что лишь одним в своей жизни он хотел заниматься, о чем он ежедневно мечтал у закройной машины. Он хотел заниматься скотоводством и свежим, зеленым огородничеством. Но для начала такого предприятия нужно было много денег, чтобы купить землю, напоминал он себе, когда ближе приходил к такому решению. А теперь при помощи

Божьих обетования, звучащих в его ушах, он сделал свое решение. Отец заявил в фабрике расчет и через две недели был без работы.

Внимание отца было захвачено некоторыми наблюдениями. Он начал замечать, что фруктовые и овощные продукты в лавочках по всему городу были не только дорогими для пропитания семьи, как его, но и весьма плохого качества, очевидно сорванных незрелыми. А

что бы случилось, думал он, если бы я собирал их свежими и зрелыми, прямо с огорода и сада и продавал их в городе от дома к дому.

Вот таким образом отец начал свою торговлю овощными и фруктовыми продуктами.

На юге и на востоке от Лос Анжелеса были расположены малые фермы-огороды.

Владельцами многих из них были армяне. Они выращивали самые наилучшие сорта сочных фруктов и овощей. У отца было небольшое сбережение денег, которое он ежемесячно откладывал на приданное своим сестрам и за эти деньги сделал две покупки. Он купил плоскодонную телегу и двухлетнюю рыжую лошадку, прозванную.

Джеком. На следующий день отец поехал своей лошадкой и возком к маленькой железнодорожной станции, называемой Дауни. В то время Дауни не была пригородом, а отдельным маленьким городком на расстоянии 20 километров от Лос Анжелеса. Отец провел добрую часть дня в этой поездке - по три часа в каждом направлении, но ему нравилась каждая минута этого дня. Он дышал свежим чистым воздухом, укрепляющим его легкие. Мечтаниям отца не было предела. Он думал: придет время, и я стану фермером. Я даже заведу своих коров. Я стану молочником, и моя молочная ферма будет наилучшей во всей стране.

Но еще нужно много поработать. В этот первый день в Дауни отец ехал от фермы к ферме, собирал салат в одном месте, грейпфрут в другом, апельсины и морковь еще где-нибудь - где только он находил фрукты и овощи зрелыми и свежими. Он нагружал свой воз наилучшим товаром и возвращался в Лос Анжелес. Лошадка - Джек равномерно постукивала своими копытами по мостовой города, а отец выкрикивал свои товары. "Свежая клубника, сладкие апельсины! Только что собранный свежий шпинат!" Все продукты были свежими, цены умеренные и когда он вторично подъезжал, то домохозяйки уже ожидали его. Так прошел целый год. Отцу было девятнадцать лет. Он отрастил модные для того времени усы. Вскоре он возместил деньги, которые сберегались на приданное сестрам и еще больше добавил к ним.

Обосновавшись в торговле, и поправив свое здоровье отец начал думать об обустройстве своей семьей.

Он уже заметил девушку, на которой хотел бы жениться. Это была черноглазая, черноволосая, пятнадцатилетняя девушка, по имени Зароуги Ессиян. Лично с Зароуги он еще не был знаком. По обычаю армян юноша и девица не имели права говорить между собой о супружестве до согласия по этому делу между родителями.

Отец мой только знал, когда он проезжал мимо дома Ессиян на шестой и Глез улице, его сердце трепетало в груди.

Так как отец моего отца был покойным, то один из старцев церкви сделал формальную просьбу руки Зароуги для отца. Для семьи Ессиян он сделал следующее объяснение намерений моего отца: как только он соберет необходимую сумму денег на задаток, он продаст свою торговлю овощами и купит землю для обустройства молочным хозяйством. После этого молодой человек заявил, что только.

Калифорнийские небеса будут пределом его стараний. Итак, отец женился. Скоро после того они с матерью смогли купить в Дауни несколько гектаров земли, на которой росла кукуруза, эвкалиптовые деревья и было место для пастбища. А что было радостней всего, то это то, что у них было три дойных коровы. Отец и мать своими руками построили небольшой домик из необработанных досок. Мать всегда говорила, что чистить и убирать этот домик было весьма легко, потому что сор всегда падал в щели между 30 сантиметровыми досками пола и вода стекала на землю под полом.

Сидя и размышляя в старом кресле в передней комнате, я заметил, что небо стало розоветь за оранжевым садом. А мысли мои не переставали блуждать в прошлом.

Июля 21-го 1913 года, прежде чем мои родители закончили постройку своего дощатого домика в Дауни, у них родился первый ребенок. Не так, как дедушке пришлось долго ждать сына, первым ребенком моих родителей был сын. Они называли меня Демос.

На столе около меня стоял большой медный самовар, который дедушка на своих плечах принес из Кара Кала. На нем отражались первые лучи утреннего света. Я повернулся, чтобы посмотреть на его помятые бока, блестящие золотом на рассвете. Я подумал, что, назвав меня по дедушке, разгадали ли мои родители тайну и ту далеко простирающуюся роль моей жизни, которую пророчество сыграло в моей жизни.

Соединенная Пасифик Авеню

Хотя мои родители поселились в Дауни, когда мне было восемь месяцев, но они не переставали посещать маленький молитвенный дом на Глез улице. Отец говорил, что их армянские церкви были им источником духовной силы. Двум ремеслам научил меня мой отец почти в одно время. Как только мои руки были достаточно крепки, он научил меня доить коров и как только, становясь на апельсиновый ящик я мог достать головы Джека, он научил меня надевать упряжь. Немного позже, я припоминаю случаи, когда я сам запрягал Джека в легкую повозку и мы всей семьей, (к этому времени у меня уже было две сестры: Руфь и Люся), мы направлялись в церковь.

Поездка эта занимала три часа в каждую сторону, а богослужebное собрание с обеденным перерывом продолжалось пять часов и каждая минута проведенного времени мне весьма нравилась. Я любил наблюдать мускулистых фермеров и поденщиков, которые поднимали свои руки вверх, когда Дух побуждал их, с лицами поднятыми к небу до такой степени, что их бороды равнялись параллельно столу. Мне нравились их сильные, глубокие голоса, поющие армянские псалмы.

Даже проповеди были захватывающими в этом маленьком деревянном помещении на Глез улице, потому что в них таилась та прошлая живучесть. Проповедующие часто напоминали, что Армения одна из старейших христианских стран в мире и больше всех других пострадала за свою веру. Недавняя турецкая резня была последней из жестоких попыток турок уничтожить маленькую, упрямую страну Армению.

Постоянные рассказы этих исторических событий вошли в плоть и кровь нашей жизни.

"В 287 году", начинал свой рассказ проповедник, "молодой святой Георгий раздумывал вернуться ли ему в его дорогую Армению". Георгий впал в немилость перед царем и был выселен из страны, но в ссылке он услышал христианское учение.

Наконец рискуя своей жизнью, он решил вернуться на родину и поделиться доброй вестью со своими соотечественниками.

Царь очень скоро узнал о его возвращении, схватил его и бросил в глубокую темницу в замке и приказал морить голодом. Но перед этим сестра царя, слушая проповеди Георгия, стала сама верующей. Проповедник в собрании рисовал перед нами картину молодой женщины, крадущейся по сырым ступеням в смрадную темницу с булкой хлеба или кувшином козьего молока под развевающимся плащом. Четырнадцать лет она смогла таким образом сохранить жизнь святого Георгия.

Внезапно весьма ужасная болезнь постигла царя. В беспмятстве он бросался на землю и ревел как зверь. Когда же он приходил к памяти, то просил своих врачей вылечить его, но те не могли помочь ему.

"Человек по имени Георгий может помочь тебе", сказала ему его сестра.

"Георгий умер давным-давно", возразил царь. "Его кости давно сгнили под этим дворцом".

"Он жив", нежно ответила сестра и рассказала царю о ее четырнадцатилетней заботе о Георгии.

Скоро после этого Георгий был приведен из тюрьмы к царю, его волосы были белыми как снег на горе Арарате, но со светлым умом и в добром настроении духа. Именем Иисуса Христа он запретил демону удручать царя и в тот же момент царь излечился.

В 301 году царь и Георгий занялись обращением в христианство всей Армении. На пути домой, в этой длинной дороге, я заново переживал этот рассказ. Я видел терпеливого Георгия в темнице, брошенного на многие годы, но никогда не потерявшего веры и надежды, ожидая Божьего избавления.

Когда последняя из шести дочерей моего отца вышла замуж, то бабушка перешла жить с нами в маленьком дощатом домике. Я помню ее очень хорошо, беловолосую маленькую

женщину. Ее темные глаза светились гордостью ее единственного сына. У нее было лишь одно сожаление, как она говорила, что дедушка Демос не дожил видеть Шакариянов опять на их собственной земле. Бабушка Гулисар умерла в этом маленьком домике, счастливой и насыщенной днями женщиной.

Прежде чем я достиг десятилетнего возраста, наше молочное предприятие было весьма успешным. Из трех коров оно выросло в тридцать, потом в сто, а затем в пятьсот и из первоначальных 4 гектаров земли стало в 70. Отец мечтал теперь завести наибольшую и наилучшую молочную ферму в Калифорнии. Если все это зависело от труда, то мечта эта могла стать реальностью, так как отец умел трудиться и поощрял к усердному труду всех нас.

Кроме меня, как работника, у нас был рабочий барак, заселенный мексиканскими американцами, которые рядом с нами работали в коровнике, что дало возможность отцу и мне научиться говорить по-испански.

Трудно сказать, кто находил больше удовольствия в рассказах, которые они рассказывали нам о Мексике или воспоминания отца о жизни в Армении. Они не могли наслушаться о Ефиме, юноше-пророке или о том, как Магардич Мушеган предсказал рождение отца. Всякий раз, когда нанимались у нас новые рабочие, отец должен был рассказать об этом наново.

Отец очень часто рассказывал о похоронах Ефима в 1915 году, которые были самыми многочисленными в районе Лос-Анжелеса Флетс. Ефим не посещал церкви на улице Глез, где богослужения проходили по-армянски, а русскую, где говорили по-русски, несколько кварталов дальше от армянской. В день этого великого погребения не только эти две общины сошлись вместе, но устранив свои возражения против "диких занятий пятидесятников" пришли армянские и русские православные люди, потому что многие из них приехали в Америку в результате его пророчества.

"А что слышно о втором пророчестве?" спрашивали мексиканские американцы. "То, которое еще должно исполниться?"

"Оно еще хранится у Ефимового сына".

"А если его открыть, то что, можно умереть?"

"Разве только вы предназначены для этого Богом".

"Кто, вы думаете, будет этим человеком?"

Никто не имел ответа на эти вопросы.

Где-то в это время, когда умер юноша-пророк, я пережил несчастный случай, который причинил мне много неприятности. Я даже сам не припоминаю, как я повредил себе нос. В десятилетнем возрасте, работая на ферме, мальчик не раз ушибается. Когда я заметил, что я не мог так хорошо слышать, как другие ученики в пятом классе, мать моя отвела меня ко врачу.

"Я могу сказать вам, Зароуги, в чем состоит трудность", сказал доктор, "но не знаю, как этому помочь". У Демоса поломан нос, и он сросся неправильно. Оба носовых и слуховых канала забиты. Мы можем попробовать их оперировать, но такая операция не всегда удачная".

И в моем случае операция не была удачной. Казалось, что каждый год я ходил в госпиталь на операцию, и каждый год ушные проходы продолжали закрываться. В школе я всегда сидел в первом ряду, чтобы лучше слышать учителя.

Никогда в моей жизни не было момента, когда бы (Иисус не был моим близким Другом, но я особенно почувствовал Его близость в эти месяцы ухудшения моего слуха. Мне казалось, что Он теперь ближе ко мне, чем когда либо раньше. Я не мог больше участвовать в групповых играх мальчиками в школе. "Не принимайте Демоса, он плохо слышит".) Поэтому я часто проводил мое время в одиночестве.

Меня это не очень беспокоило. Моим любимым занятием на ферме было полоть кукурузу. Здесь я мог отходить в поле и беседовать с Господом. В двенадцатилетнем возрасте

темноватые кукурузные ряды казались мне зелеными соборами, с зелеными опущенными листьями, как сводами крыши. Здесь я мог поднять мои руки вверх в молитве, как наши старцы поднимали в собраниях и молиться: "Иисус! Исцели мой слух. Не дай мне слушать врачей, которые говорят, что мой слух не поправится..."

О, как хорошо я помню каждую деталь воскресного дня в 1926 году, когда мне исполнилось тринадцать лет. Я припоминаю, как я проснулся и оделся в моей комнате на втором этаже нашего нового дома. У отца тогда было одна тысяча голов дойных коров и он смог построить двухэтажный дом в испанском стиле с белыми штукатуренными стенами и красной черепичной крышей. Одеваясь в церковь, я чувствовал себя как-то странно. Это странное чувство было в добром направлении.

Мне казалось, что всем моим телом я переживал высокое духовное настроение. Я сошел вниз по длинной извилистой лестнице к завтраку, напевая гимн. Мои родители и сестры уже были за столом. К этому времени в нашей семье еще добавилось три девочки. Самой меньшей из них Флоренс было всего два года, остальные из них, четыре старших, возбужденно щебетали о нашей еженедельной поездке в город. Я пробовал участвовать в разговоре, но скоро замолк. Как можно говорить с бормочущими?

Наша старая лошадка Джек больше не возила нас 20 километров каждое воскресенье в церковь. Год перед тем, как Джеку исполнилось 16 лет, отец выпустил его на пастбище доживать остальные годы на хорошо заслуженный отдых. Вместо Джека у нас теперь была длинная черная машина марки Студебекер с полотняной крышей и ящиком запасных осей под задним сиденьем, для езды по ухабистым фермерским дорогам.

В это воскресенье маленькая церковь гудела от возбуждения. Здесь не было и единой души, которая не помнила бы случившегося на прошлой неделе. Мать одной женщины в общине выехала из Армении к своей дочери в Америку. Прошло два месяца, и о ней не было никакого известия, поэтому ее дочь весьма убивалась горем. Когда церковь молилась о ней, тетки Эстер муж, дядя Георгий Степанян, внезапно поднялся со своего места и направился к двери. Он долго стоял и смотрел на улицу, как бы видя дальше горизонта. Наконец он заговорил: "С вашей матерью все обстоит хорошо", сказал он. "Через три дня она будет в Лос Анжелесе".

Ровно через три дня старушка приехала.

Атмосфера ожидания была весьма высоко поднята. Каждый ожидал в какой форме выразится следующее Божье благословение. Возможно, что кто-нибудь исцелится.

Возможно, последуют новые указания...

Когда я об этом думал, нечто странное стало твориться не с кем-то другим, а со мной.

Еще сидя на задней скамейке с другими мальчиками, я почувствовал нечто, подобное тяжелому шерстяному одеялу, ложившемуся на мои плечи. Я оглянулся и удивился, что ко мне никто не прикасался. Я пробовал двинуть рукой, но мои руки мне не покорялись, как будто бы я двигал ими в воде.

Внезапно мои челюсти задрожали, как бы от холода, хотя "одеяло" казалось теплым.

Мышцы позади моего горла сжались. У меня появилось сильное желание сказать Иисусу, что я люблю Его, но когда я открыл мои уста, чтобы сказать это - из моих уст выходили слова, которых я не понимал. Я знал, что они не армянские и не испанские или английские, но они текли из моих уст, как будто бы я пользовался ими всю мою жизнь. Я повернулся в сторону мальчика, сидящего со мной рядом, а он с улыбкой смотрел на меня.

"Демос получил Духа", закричал мальчик и все присутствующие в церкви повернулись в мою сторону. Кто-то спросил меня о чем-то и хотя я понял вопрос, но отвечал я ему новыми радостными звуками. От радости вся церковь начала петь и хвалить Бога, а я поклонялся Богу моим новым языком.

Позже, на пути домой, всякому, кто заговорил ко мне, я отвечал новым языком.

Поднявшись на второй этаж, я вошел в мою комнату, закрыл дверь, а необъяснимые звуки все еще продолжали течь из моих уст. Надев ночную рубашку, я закрыл свет и в это время сознание Божьего присутствия излилось на меня еще больше прежнего.

Мне казалось, что невидимая одежда оставалась на моих плечах весь вечер и становилась для меня невыносимо тяжелой, хотя и приятной. Я свалился на ковер на полу и лежал совершенно беспомощным, бессильным подняться и лечь в кровать. В этом переживании я не чувствовал страха, но приятное, освежающее чувство, как бы перед сном. Мне казалось, что время, проведенное мною в комнате, стало вечностью и из этой вечности услышал голос. Я очень хорошо опознал этот голос, потому что я часто слышал его в моем зеленом, кукурузном соборе.

"Демос, можешь ли ты сесть?" прозвучал ко мне голос.

Я попробовал, но моя попытка была безуспешной. Какая-то невыразимо крепкая и бесконечно нежная сила держала меня там, где я находился. Я знал, что я был крепким мальчиком. Возможно не таким силачом, как Арам Мушеган, но все же сильным для тринадцатилетнего мальчика. Но мои мускулы не были сильнейшими новорожденного теленка.

Тот же самый голос проговорил ко мне опять. "Демос, долго ли ты будешь сомневаться в Моей силе?"

"Нет, Господь Иисус".

Вопрос этот повторился трижды. Три раза я дал на него ответ. Затем внезапно сила, которая была вокруг меня, казалось мне вошла в меня. Я почувствовал прилив сверхъестественной силы, которая, казалось мне, уносила меня из дома в небеса.

Мне казалось, что я смотрю с неба на землю с пронизательностью Бога и вижу нужды человечества с точки зрения Бога. И все это время я слышал Его голос, который шептал моему сердцу: "Демос, сила является наследственным правом всякого христианина. Прими эту силу, Демос".

И внезапно сила сошла на меня. Я мог слышать пение птиц за окном.

Я поднялся, полный удивления. Что, я могу слышать? Ведь уж долгое время я не слышал пения птиц.

Я вскочил на ноги, полный жизни и начал одеваться. Было уже после пяти часов утра, и мы с отцом должны уже быть в коровнике, чтобы с половины шестого часа начать доить коров. В это чудесное утро, приоткрыв мою дверь, я слышал жарящиеся яички на кухне.

Звон тарелок, пение птиц, топот моих ног на бегу вниз по лестнице, выложенной красной клеенкой — это были звуки, о которых я даже не думал. Я ворвался в кухню.

"Папа, мама, я слышу!"

Мое исцеление не было полным. Когда мы с матерью опять пошли к врачу, он сказал, что у меня 90 процентов нормального слуха. Почему у меня осталось 10 процентов глухоты, я не знаю и это меня не весьма беспокоит. Я припоминаю, что в тот же понедельник утром, когда мы закончили доить коров, я ушел в мой зеленый собор.

Кукуруза уже была высокой и готовой к жатве. Я сел между рядков, сорвал кочан кукурузы и начал кушать белые зернышки, наполненные сладким молочком.

"Господи," - сказал я, - "я знаю, что если Ты исцеляешь людей, то это для того, что Ты хочешь использовать их для Своего дела. Укажи мне, Господи, труд, приготовленный для меня".

В начале, когда другие мальчики в моем классе мечтали стать бейсбольными звездами, я мечтал стать пророком. Я был немного старше летами юноши-пророка, когда он видел видения.

Время шло, но я не получил этого чудного дара. Пророчество будет занимать важное место в твоей жизни, как будто говорил мне Господь, но ты не будешь пророком.

Однажды со мной произошло нечто, что внушило мне мысль: не буду ли я исцелителем.

Моей младшей сестре Флоренс было шесть лет, когда она упала в коровнике и расшибла себе правый локоть. Врач костоправ был уверен, что Флоренс сможет свободно пользоваться рукой. Но локоть остался согнутым и неподдающимся разгибанию. Когда был снят гипс, тогда началась терапия. С большим трудом она могла пользоваться своей рукой и более 10 или 20 процентов ничего нельзя было ожидать. В одно воскресенье, после этих сведений, в церкви я почувствовал особую сенсацию и теплоту, как бы тяжелое одеяло облегало мои плечи. Я не нуждался в том, чтобы спрашивать от кого это и что мне делать. Я почувствовал необходимость перейти через комнату и молиться об исцелении руки моей сестры Флоренс.

Во время пения гимна я тихонько поднялся с места и перешел на женскую сторону. Я склонился к Флоренс, которая сидела на последней скамейке с большой гипсовой повязкой на правой руке. Теплота одеяла пошла вниз по моим рукам и пальцам.

"Флоренс", я сказал вполголоса, я буду молиться об исцелении твоего локтя". Ее большие черные глаза внимательно посмотрели на меня. Я положил мои руки на гипсовую повязку. В сущности, я почти и не молился. Я стоял и чувствовал огненный поток, текущий через мои руки в локоть моей сестры Флоренс.

"Я чувствую", прошептала Флоренс. "Что-то горячее". Этим все закончилось. В одну секунду сенсация прекратилась, и я вернулся на свое место. Вряд ли кто заметил происходившее, между нами.

Через несколько недель сняли гипс с локтя. За ужином в тот вечер мать рассказала нам, как специалист положил свою руку на белую поморщенную кисть руки сестры и сложив с другой кистью нежно пробовал немножко разогнуть локоть. Протянув всю руку назад и вперед, затем широкими кругами с локтя, на его лице появилась приятная улыбка.

"Вот так, - сказал врач. "Да, да!" Гораздо лучше, чем я ожидал. Много лучше! Гм, почти как и не был локоть разбитым".

Итак, в кукурузном поле того лета я спрашивал у Господа, если дар исцеления был моим даром и призванием. И вновь я получал ответ: "Конечно Я хочу, чтобы вся Моя церковь совершала это служение. Ты увидишь много прекрасных исцелений и некоторые из них твоими собственными руками. Но, Демос, у Меня есть для тебя особое призвание".

В семнадцатилетнем возрасте в высшей школе я был второкурсником. Мне надлежало быть старшим, но я утратил два года по причине моей глухоты. В то время отец мой купил другую ферму. У нас теперь хватало места поставить наш силос, и были средства, чтобы завести машины доить коров. Отец начал и другие торговые предприятия. Большой трудностью для нас и наших соседей молочников была доставка молока с фермы в разливочную фабрику.

Отец занялся поставкой молока. Заметив, что цены в Лос Анжелесе на ветчину были высокими, отец начал разводить свиней. Потом он занялся упаковкой мяса. "Господь благословил тебя во всех делах твоих рук..." Казалось, что всякое предприятие, которое Исаак, сын обетования предпринимал, было обречено на успех.

Успех этот был еще очевидным и потому, что это было время застоя ранних тридцатых годов. К этому времени отец назначил мне в управление мое небольшое стадо. Припоминаю учителя, который помог мне завести бухгалтерию и с завистью сказал, что мой заработок тридцатью коровами гораздо больше заработка большинства учителей высшей школы в Дауни.

Наш дом стали наведывать политические деятели, торговцы, районные руководители и моя мать, застенчивая маленькая, эмигрантская женщина из Армении, вынуждена была еженедельно принимать гостей и устраивать обеды для сильных и знатных. Она была прекрасной поварихой и ее долмас, куфтас и катас скоро стали известными по всей южной Калифорнии.

Но что особенного осталось в моей памяти о кулинарных способностях моей матери, то это то, что она прилагала к этому особое старание, кто бы ни был гостем.

Бродячие путники были честными гостями в нашем доме, и к ним у нас было такое же отношение, как и к майору города Дауни. Они ели с наилучшей посуды, серебряными вилками и ножами и на красивых скатертях. Если горячие блюда не были готовы, то мать готовила мясо, овощи и домашнее печенье, и все время спрашивала на своем ломанном английском языке: "Садитесь! Садитесь! Не торопитесь, кушайте!"

Между тем, я все больше и больше интересовался одним адресом. При всякой поездке, которую я делал в интересах наших торговых дел в Ист. Лос-Анжелес. Я всегда находил причины, чтобы проехать мимо Сиракана Габриеляна выстроенного дома под номером 4311 на Юнион Пасифик улице, в надежде увидеть внезапное появление его дочери во дворе. Не то, чтобы я мог заговорить к ней, или она со мной, как обычно говорят молодые люди с девушками, разве оба уже были обручены, но такого еще не случилось в армянской колонии. Но лишь обычное сознание, что я был вблизи нее, наполняло меня невыразимой радостью.

Я ожидал каждого воскресного дня, когда Роза Габриелян будет сидеть с другими девушками на женской стороне церкви, наикрасивейшая девушка в комнате, которую исподтишка все мальчишки провожали своими глазами.

Имя ее отца на армянском языке означало Сладкосердечный, что мне очень нравилось. Подобно тому, как и мой отец, Сиракан Габриелян начал с ничего. Он собрал сто долларов, за которые купил лошадь и телегу. Вместо торговли овощами и фруктами, он занялся перевозом отбросов и мусора. Город Лос Анжелес весьма нуждался в таком обслуживании в начале столетия и очень скоро он мог купить вторую и третью лошадь и телегу.

Сиракан и его домашние были православными армянами. Они жили недалеко от церкви на Глез улице. Слушая еженедельные радостные звуки, которые доносились к ним через открытые окна, они решили расследовать причину такого веселия. Через недолгое время они присоединились к общине. И за это он почти поплатился своей жизнью. Переход из православия в пятидесятничество многие армяне считали предательством их старой веры. Переход одного из своих единоверцев в эту презираемую веру и группу был для них равносильен смерти.

Поэтому они решили похоронить его.

Однажды, когда Сиракан подъехал к городской свалке мусора своей телегой, группа православных ожидала его. Они связали ему руки и ноги и понесли его в яму, которую выкопали ему в песке. Они бросили его в яму и прикрыли мусором толщиной в метр, когда неожиданно подъехала повозка пятидесятников и началась всеобщая свалка, в результате которой он был освобожден.

Я всегда любил слушать подобные рассказы. Мне в особенности нравился его рассказ о женитьбе. Когда ему исполнился двадцать первый год, его отец, будучи вдовцом, решил поехать в Армению, чтобы там выбрать себе жену. Мать Сиракана умерла несколько лет до этого. Его торговые дела шли очень хорошо, поэтому он попросил своего отца, чтобы тот одновременно выбрал и ему жену.

Отец Сиракана был успешным в обоих случаях. Для своего сына он выбрал тринадцатилетнюю девушку, по имени Тирум Мардеросян. Чтобы ускорить приезд в Соединенные Штаты они были сочтаны в Армении заочно, а затем девушка отправилась в далекий путь к своему мужу, которого никогда не встречала. Через несколько недель турки атаковали эту часть Армении и две невесты были последними, выехавшими живыми из этой деревни.

Приезд Тируми в Лос Анжелос был одним из самых странных, когда - либо пережитых молодой женой. Сиракан не надеялся приезда своего отца и обеих невест до следующего дня. Приехав с городской свалки, он встретил в передней комнате своего дома стоящую, перепуганную, небольшую девочку. В один миг он сообразил, что это наверно его жена, а он, приехав с работы, был покрыт пылью и грязью с ног до головы.

"Будь здесь", сказал он ей. "Будь вот здесь", как будто бы бедная девочка собиралась уходить куда-то в другое место. А сам он бросился к задней части дома и через полчаса

вышел убранный, зачесанный Сиракан "Сладострастный" Габрелиян и произнес свою формальную приветственную речь немного успокоенной молодой женщине.

Приближалось время и для родителей Розы, чтобы в недалеком будущем выбрать ей жениха. Я не имел никакой возможности обратиться к ним непосредственно и просить руки их дочери. В нашем случае это должны были сделать ее и мои родители между собой.

Как я боялся в тот вечер, когда я затронул этот вопрос перед моими родителями. А это случилось одного июньского вечера в 1932 году, когда мы всей семьей сидели вокруг стола за ужином. Для прохлады дверь была открыта на веранду.

"Папа, вы знаете, что мне уже девятнадцать лет", начал я разговор.

Отец вытер свои усы и отрезал себе еще кусок говядины.

"И", - продолжал я, - "я уже заканчиваю высшую школу. Я помогаю выплачивать ферму.

Вам было девятнадцать лет, когда Вы женились".

Все мои сестры перестали кушать. Мама опустила свою вилку. "Есть ли у тебя намеченная девушка?" спросила она. "Да", сказал я. "Армянка ли она?" "Да".

"Христианка ли она?" "О, да".

"Она..." начал я. "Она... Роза Габрилеян".

"Ааа..." сказала мать.

"Так вот что", сказал отец,

"Ооо..." сказали все мои сестры в один голос.

И так начался этот сложный, веками старый обычай сватанья и женитьбы. Хотя семьи и встречались каждый воскресный день в церкви и были близкими друзьями, сперва нужно было назначить официальную встречу.

Это деликатное дело всегда поручалось в руки осторожно выбранного посредника.

После долгого рассуждения между собой, (со мной, конечно, не советовались), мать и отец согласились, что самым подходящим лицом для этого осторожного дела будет Рафаил Яноян, муж отца сестры Сирун. Весьма удачно, я подумал себе. Из шести мужчин, которые женились на шести сестрах моего отца, дядя Яноян был моим любимым. Он владел большим складом железного лома, куда я в четырнадцатилетнем возрасте заходил с его разрешения подбирать автомобильные части, из которых я строил мой автомобиль. Дядя Яноян имел ежедневные встречи с Габрилеянами в интересах их работы.

Я помню, как я бежал навстречу его автомобиля, когда он въезжал в наш двор, после официального посещения Сиракана Габрилеяна. Но дядя Яноян не очень торопился открыть порученное ему дело. Он вошел в переднюю комнату нашего дома со всею важностью, принял чашку крепкого сладкого чая и долго ложечкой размешивал сахар.

"Ну, что, Рафаил", торопливо начал отец.

"Да, Исаак", ответил дядя Яноян. "Я назначил свидание. Габрилеяне будут очень рады встретиться с Шакариянами двадцатого числа сего месяца".

Согласились встретиться. Хорошо, что не отклонили моего предложения без внимания, а это значило, что Роза, во всяком случае, согласна сделать выбор на мне. Моя голова плавала от мыслей.

Наконец наступило двадцатое июля. Я закончил мою работу в коровнике в урочное время и начал собираться. Я принял ванну, затем душ, потом еще ванну. Я чистил мои зубы, пока, казалось, эмаль не начала слезать с зубов. Я полоскал мой рот листерином и лаворином (два сорта воды для полосканья рта).

Я чистил мои загрязненные фермерской работой ногти, пока щетина не начала выпадать из щетки.

Я слышал, как отец выводил Пэкарда из гаража. Еще один прыжок по лестнице, чтобы затереть царапину на моем ботинке и помазать царапину на моем лице после третьего бритья.

"Демос!" Позвал отец у подъезда. "Что ты пробуешь быть красивой Розы?"

Вклинившись между моими сестрами на заднем сиденье, мне казалось, что эти двадцать километров между Дауни и Ист Лос Анжелос никогда не были такими длинными. Наконец мы подъехали на Юнион Пасифик к номеру 4311. По тропинке, посыпанной гравием, мы прошли мимо Тируны Габрилеяновой ровных рядков базилики, петрушки и других кулинарных прятностей. Передняя дверь широко отворилась и все они: Сиракан, Тируна, старший брат Розы Эдвард, дяди, тети и кузины без числа встречали нас. А позади всех стояла Роза в летнем платье ее имени.

Я не имел большой возможности взглянуть на Розу, так как все собранные внезапно рассыпались, по армянскому обычаю, в свои замкнутые группы: мужчины по одну сторону большой передней комнаты, а женщины - по другую. Иногда я мог бросить взгляд на Розу, которая сидела с моими сестрами и мне так хотелось знать, о чем они говорят. Роза была одних лет с моей сестрой Люсей. Я думал: буду ли я когда говорить с Розой так нормально и свободно, как говорила с ней моя сестра Люся.

Не принял я участия и в разговоре, весьма серьезном разговоре, который шел между моим отцом и Сираканом Габрилеяном, усевшихся в сдвинутых поближе легких креслах. Что они говорили, казалось, было удовлетворяющим обе стороны, так как при выходе у двери Габрилеян сказал отцу: "я передам это Розе".

И через две недели дядя Яноян вручил важный ответ: Роза желает выйти за меня замуж.

Затем наступили пять традиционных вечеров празднования в доме невесты в честь ее согласия. Это были весьма радостные вечера пения, угощения, речей и обоюдного поздравления, потому что, по армянскому обычаю, не две особы, а две семьи вступали в брачный союз.

Один вечер Роза дала концерт на пианино и сердце мое билось от удовольствия, когда я следил за ее пальцами, легко скользящими по клавиатуре... В свое время я учился играть на скрипке, но перестал по обоюдному согласию, моему и учителя и с большим одобрением всех окружавших нас. Флоренс унаследовала скрипку и музыку, и она играла для удовольствия собранных семей, хотя ей было всего 8 лет, а ее гибкая рука легко извивалась вокруг сверкающей скрипки.

Не обошлось в один вечер и без традиционного подарка от жениха невесте, обозначающий новую родственность. Это были ручные часы с алмазными камнями.

Опять-таки и этот подарок выбрали мои родители. На мою долю лишь выпала честь перейти через комнату, где сидели женщины и надеть часы Розе на руку. В создавшейся тишине, когда взоры всех были на мне, мои пальцы одеревенели. Сперва я не мог открыть маленький замок, затем я не мог его замкнуть. Я в это время подумал о тракторе под навесом, где я мог любую часть машины разобрать и сложить не задумываясь. Наконец Роза протянула свою руку и закрыла замочек.

Затем наступило время для наших старейшин решить, где и когда быть свадьбе.

Церковное помещение на улице Глез, по мнению всех, было очень малым, чтобы вместить сотни желающих быть на браке, кроме православных друзей, которым прийти в церковное помещение было равносильно смерти. Было решено, что свадьба будет в доме жениха, по старому обычаю, за которой последует большой пир. По армянским обычаям пир является центральным событием свадьбы и будет устроен на большой теннисной площадке на задней части дома.

Что же касается времени свадьбы, Габрилеяне настаивали, что свадьбы нельзя отпраздновать раньше года. Времена меняются, говорили они. Моя мать выходила замуж в 15 лет, а мать Розы в 13.

Мы должны подождать пока Розе исполнится 16 лет.

Все это время, когда велись переговоры и делались решения о нашей будущности, мы с Розой еще не обмолвились ни единым словом. Традиционно это время наступило сейчас же после формального обручения, на которое приглашались более далекие родственники и друзья для знакомства.

После четвертого вечера я не выдержал. Выбросив традиции на ветер, я встал на свои ноги. «Госпожа Габрилеян, - обратился я через ряд голов, - могу ли я поговорить с Розой?»

Перепуганная на минуту Тируна Габрилеян посмотрела на меня без слов. А затем кивком головы, как бы спрашивая, до чего дошло молодое поколение, она подвела Розу ко мне в другую комнату, поставила два прямых стула посреди комнаты, и, оставив нас одних, вышла.

Впервые в нашей жизни мы очутились одни. После долгих приготовлений, что сказать, я внезапно потерял дар речи. Я готовился сказать наилучшую речь, выражавшую мои чувства лучшим армянским языком, потому что Сиракян Габрилеян был весьма возбужден «голливудским безумием» и не позволил бы пользоваться английским языком под его крышей.

Я намеревался сказать Розе, что она самая прекрасная девушка в мире, и что я буду всю свою жизнь стараться сделать ее счастливой. Но, увы, я потерял слова моей речи и сидел, как онемелый глупец. Наконец, к моему ужасу, я пробормотал:

«Роза, я знаю, что нас сводит Бог».

К моему удивлению ее сияющие темные глаза наполнились слезами.

«Демос, - шепнула она, - всю свою жизнь я молилась, чтобы тот, за кого я выйду замуж, сказал мне эти слова прежде всего.»

Через 3 недели наступило официальное обручение, с вручением кольца невесте. Мы пошли с Розой в ювелирный магазин выбрать кольцо, конечно, конечно, в сопровождении многих членов семьи. Я все еще помню имя продавщицы, госпожа Эрхарт. Она рассказывала о своей дочери Амелии, которая недавно сама улетела за океан. Я заметил, как Роза с особым желанием смотрела на одно колечко с алмазом, но моя мать выбрала ей другое. Мы никогда не задумывались о том, почему она это сделала.

Обручальное событие было застольным обедом на 300 человек в бакалейном магазине Габрилеянов. После этого я имел право посещать Розу, когда только я хотел, что было почти каждый вечер, когда я не работал.

По исходе длинного года, моя мать, Роза и мои сестры, все чаще и чаще ходили за покупками. По старому обычаю семья жениха покупала невесте приданое. На выбор сумочки и шляпки проводилось много времени. Роза выбрала любимое каштанового цвета платье и такие же туфли. Среди армянских женщин только замужние одевались в темные платья. Роза думала, что будет выглядеть на 5 лет старше, если оденется в темное платье.

Наша свадьба состоялась августа 6-го, 1933 года. С самого утра все племя Шакарияна уехало в Ист Лос Анже-лос, чтобы "привезти домой невесту". Так как свадебный пир был назначен на вечер, поэтому Габрилеяне приготовили дневную закуску всего из пяти блюд, лишь для развития аппетита, по армянскому обычаю.

Затем обе семьи отправились в Дауни, с караваном двадцати пяти цветами убранных машин.

Дома, забор вокруг теннисной площадки утопал в гирляндах цветов из роз.

Остальную часть дня я припоминаю лишь отрывками. Я помню подпрыгивающую, длинную, светло-рыжую бороду пастора Перумеяна, когда он вел армянское богослужение. При свете электрического освещения, проведенного между пальмовыми деревьями, кельнеры в белых халатах разносили на больших подносах шиш-кабаб и традиционный финиково-миндальный пилав, который мать готовила целыми днями.

Я припоминаю, что всех гостей было 500 человек и, кажется, что каждый из них написал по-армянски поэму, которую необходимо было прочитать вслух и аплодировать.

К одиннадцати часам вечера у меня кружилась голова от переутомления, а в глазах Розы были слезы, так как белые туфли теснили ее ноги с самого утра.

Когда мы, наконец, прощались с друзьями и семьями в приемной линии, мы с Розой были уверены, что мы счастливы навсегда и что мы обвенчаны в полном армянском значении этого слова.

Часовая бомба

Был обычай, который мы с Розой выполнили без слов - чтобы молодожены прожили несколько первых лет своей супружеской жизни с родителями жениха. Лишь одна темная тень падала на наш большой, испанского стиля штукатурный дом, это состояние здоровья моей сестры Люси. В одиннадцатилетнем возрасте она имела повреждение груди при аварии в школьном автобусе, после чего она постоянно жаловалась на трудности с дыханием. Хирургия не помогла и, казалось, не помогала и молитва для полного выздоровления. "Боже, почему это?" Не раз я спрашивал себя.

"Почему Ты исцелил локоть для Флоренс и не исцеляешь Люси грудь?"

Мы с Розой жили у моих родителей, когда родился наш сынок Ричард в октябре 1934 года. Мы немедленно начали строить наш собственный дом рядом с отцовским.

Следующих несколько лет были весьма решающими в нашем молочном предприятии.

Даже в годы депрессии наше дело росло свыше ожиданий отца, когда он еще работал в фабрике упряжи или когда наша лошадка Джек тянула возок, нагруженный овощами.

Мы уже владели наибольшим молочным предприятием в Калифорнии, а у отца были еще мечты стать наибольшим молочным предприятием в мире. Нам сказали, что нигде в мире не было молочного предприятия, где бы доилось три тысячи коров.

Мечта отца стала нашей целью.

Вместе с этой мечтой были еще и другие. Мы увеличили наш транспортный состав. У нас уже было триста грузовых машин, а если мы добавим еще двести машин, то мы сможем обслуживать весь штат Калифорнию. Мы сможем пользоваться нашими грузовиками и для доставки силоса, отвозить свиней и коров в бойню и мясную фабрику. Нашим мечтаньям не было предела. Да, в Америке для практического и трудолюбивого армянина не было предела в его достижениях.

И возможно, что мы могли бы достичь еще большего успеха. Я занялся моим особым проектом "Поручение номер три", - увеличением нашего молочного дела на одну треть, до трех тысяч голов. Мы купили 15 гектаров земли и начали постройку загона, силоса, коровника новейшего образца, разливочную, где молоко текло от коров прямо в бутылки без прикосновения к нему человеческой руки.

Время от времени я все еще тревожился мыслью: имеет ли Бог для меня то же самое жизненное назначение, в котором я был так уверен в возрасте мальчика.

Фактически, жизненная реальность была такова, что Бог не был центром моей жизни.

Мы все еще ездили по воскресеньям на богослужebные собрания на Глез улице с маленьким Ричардом, подпрыгивающим на заднем сиденье автомобиля. Когда же я честно проверял себя, я знал, что торговые предприятия были главным средоточием моих мыслей и сил. Для меня ничего особого не составляло начать мой рабочий день в семь часов утра и закончить в одиннадцать вечера.

В 1936 году я начал новое предприятие - фабрику химического удобрения и в связи с этим я просиживал целыми ночами за моим письменным столом.

Даже когда я молился, мои молитвы вращались около цен люцерны или горючего, расходуемого грузовыми машинами. Например: мне необходимо было сделать очень важное решение, которое предстоит перед каждым молочником - выбор породы коров.

Племенной бык, даже в тридцатых годах, стоил около 15 тысяч долларов. Но, несмотря на такую цену и выбор племенного быка был всегда рискованным делом.

Трудности состояли в том, что никто не был уверен, что племенные качества животного передадутся его потомкам. Быка, с такими племенными качествами, можно найти всего одного на тысячу.

Во время аукционного гула я обычно молился: "Господи, Ты сотворил этих животных, и Ты видишь и знаешь каждую клеточку и состав их. Укажи мне, которое из этих животных купить". Много раз я покупал захудалых, маленьких бычков - телят в ограде и наблюдал их развитие в породистых, призовых быков.

Я всегда приходил в коровник с моей пятидесятнической верой. Много раз я клал мои руки на беспокойного теленка или на корову в тяжелых родах и наблюдал удивление ветеринара, когда молитва совершала то, чего он не мог сделать.

Да, я верил. Это так. Доверие на имя нашей компании было равносильным доверию на

Бога и мы на Него уповали каждый день. Только мне казалось, что слишком много получал от Бога времени и очень мало отдавал Ему.

Вот почему однажды меня удручило пророчество, которое было сказано для Розы и для меня.

Мильтон Хансен красил свой дом в такое время, когда никто не интересовался покраской своего дома. Высокий, тонкий, светловолосый норвежец имел больше бед, чем мог их снести, но, несмотря на это, был самым радостным человеком, которого я когда-либо встречал. Мы всегда знали, когда он шел нас посещать, потому что на пути он на всю улицу пел гимны своим громким голосом.

Одного вечера мы с Розой и Мильтоном сидели в нашей небольшой передней комнате.

Внезапно Мильтон поднял вверх свои длинные руки и начал трястись. Среди пятидесятников Мильтон придерживался особого обычая, когда сходил на него Дух.

Он закрывал свои глаза, поднимал вверх руки и говорил громким ораторским голосом. Мы "с Розой были "избранными сосудами", прогремел он, и что мы ведомы Богом "шаг за шагом".

"Помышляйте о Божьем", продекламировал Мильтон. "Вы пройдете через ворота города, и никто не затворит их перед вами. Вы будете говорить о святом с главами правительств всего мира". Я взглянул на Розу и заметил, что она была удивлена не менее меня. Важный представитель? Путешествовать по всему свету? Ни Роза, ни я не были дальше Калифорнии. И с трехлетним дитем, и в ожидании следующего ребенка, наши надежды и мечты строились вокруг нашей маленькой семьи.

Мильтон, очевидно, заметил выражения на наших лицах недоумения. "Не вините меня, друзья", сказал он своим обыкновенным приятным голосом. "Я только повторяю, что сказал Господь. Я сам не вполне понимаю это".

Возможно, что я скоро забыл бы это пророчество, если бы не произошел второй удивительный случай. Несколько дней позже, импульсивно я зашел на собрание посреди недели в той части города, где я еще ни разу не был. В конце собрания был сделан призыв выйти наперед к кафедре. Быть может потому, что у меня было сознание в необходимости улучшения моей христианской жизни, я вышел наперед и преклонил мои колени у перил. Пастор церкви проходил возле молящихся и возлагал на них руки. Когда он подошел ко мне, он вскрикнул громким голосом на всю церковь:

"Сын Мой, ты Мой избранный сосуд для особого служения. Я тобой управляю. Ты, во имя Господне, посетишь многих высоких, власть имеющих людей в мире. Когда ты приедешь в город, двери откроются, и никто из людей не сможет их закрыть".

Я поднялся с колен с некоторой озабоченностью. Какое невероятное совпадение.

Проповедник этот не знал ни меня, ни Мильтона Хансена. Подлинно ли Сам Бог говорил ко мне? И такая непонятная речь. "Помышляйте о Божьем". Так сказал

Мильтон. Я был уверен, что это здравое наставление. И я знал, что ум мой, сколько бы я ни старался, был занят делами Шакариянова дома.

В следующем году в нашей семье произошли два особых события. Первое - это рождение нашей дочери Геральдины в октябре 1938 года, а второе - смерть моей сестры Люси следующей весной в возрасте двадцати двух лет. Она была в возрасте моей Розы, самая прекрасная из всех моих сестер, весьма чувствительная и великодушная девушка. Ее мечтой,

неслыханной в то время среди армянских девушек, было стать учительницей. Витиер Колледж, который она посещала, закрылся в день ее погребения, неслыханная до этого времени честь. И впервые, через несколько лет, я опять начал задумываться и спрашивать себя этот важный вопрос: для какой цели нам дана жизнь? Какое значение она имеет?

Я смотрел на собравшихся в церкви после похорон друзей и семьи на традиционный обед на улице Глез и размышлял о этих вещах. Смерть среди армян всегда была сигналом для сбора всех родственников, от самых близких, до самых далеких кузин и их семей. После похорон традиция требовала застольного формального обеда - поминок. В Армении, где родственники жили отдаленными на сотни километров, для обратного пути домой через крутые горные тропинки, нужно было хорошенько подкрепиться. Здесь же в Калифорнии, похоронный обед стал священным обедом семейного единства.

Я сидел в конце длинного стола рядом с отцом. Стол стоял в главном зале церкви.

Я смотрел на мать, которая сидела в другом конце стола. Около нее сидела Роза, на ее коленях сидела маленькая Гери и около нее рядом четырехлетний Ричард.

Дядя Магардич Мушеган умер несколько лет раньше, но рядом с Ричардом сидели сын Арам и Арама сын Хари. Шесть моих теток, сестер отца, были так же здесь со своими мужьями и семьями. Четверо моих сестер: Руфь, Грейс и Роксана были здесь со своими мужьями и детьми. Даже Флоренс в пятнадцатилетнем возрасте по армянскому обычаю уже считалась совершеннолетней женщиной. А за остальными столами вокруг нас сидели племянницы, двоюродные и сватья без числа.

И все мы были состоятельными и зажиточными. Это были крепкие, гордые люди, мужчины с крепкими насыщенными желудками, а женщины в шуршащих, черных, шелковых платьях. Я даже думал о пророчестве, по которому все, находящиеся в этом помещении, приехали в эту обильную страну.

"Я благословлю тебя всяким благословением". Бог дал Свое обещание еще в Кара Кала и теперь, смотря вокруг себя я видел, что Он исполнил Свое слово.

Но в том пророчестве была еще одна часть: "Я соделаю твое наследие благословением другим народам". Выполнили ли мы эту часть пророчества? Где мы были благословением другим? Отчасти. Все эти люди были хорошие соседи, хорошие рабочие, хорошие работодатели. Но... этим заканчивается все.

"Нет, это не все", я сказал Розе, когда мы ехали обратно домой в Дауни. "Я чувствую, что Бог желает, чтобы мы делали что-то больше народам вокруг нас. Я только не знаю что".

В течение нескольких следующих месяцев я начал обращать очень серьезное внимание на людей, с которыми я ежедневно работал. А их было очень много. Не только наши скотники, но поставщики зерна, шофера грузовых машин, поставщики бутылок. И я сделал большое открытие.

Никто из этих людей не говорил о Боге.

Прошло некоторое время, пока я осознал все это. Бог был так реален для меня, как Роза и мои дети. Он был частью всякой минуты каждого дня. Конечно, в моем подсознании была мысль, что на свете есть люди, которые не знают Бога. Вот для этой цели и собирались миссионерские пожертвования, куда-то на Тихоокеанские острова.

Но здесь в Лос Анжелесе, где стояли церкви на каждом углу, чтобы здесь были взрослые неверующие люди - мне не приходило на ум. А теперь, когда я пришел к этому сознанию, что я смогу сделать?

Во время одной вечерней молитвы весьма потрясающаяся сцена представилась в моем уме. Сцена эта происходила в Линкольн Парке, большом, открытом месте, где было много зелени и деревьев, километров пятнадцать от Дауни. Здесь мы часто собирались на семейные пикники. По воскресным дням, в особенности к вечеру, здесь могло быть около четырех тысяч людей, рассеявшихся на одеялах по траве. Но в картине, которая внезапно представилась мне, я видел себя на платформе, как бы выше и посреди всех этих людей. И я говорил им об Иисусе Христе.

На следующее утро, после хорошего ночного отдыха вместо того, чтобы выйти из моей памяти, это странное явление оставалось со мной. Завязывая галстук, я сказал об этом Розе. "Дорогая моя, я представляю себе необыкновенное явление, что я стою на возвышенности и говорю к людям..."

"...В Линкольн Парке!" Закончила она вместо меня.

Я отвернулся от зеркала, пальцами затягивая мой галстук.

"Я была занята той же самой мыслью", сказала она, "Она преследует меня. Все это казалось мне таким не реальным, что я даже не хотела говорить тебе".

Обменявшись взглядом, мы стояли в нашей солнечной спальне, мало думаю о том, как часто мы будем переживать эти явления. В это время, все происходившее с нами, казалось нам странным совпадением, не имеющим никакого значения.

"Роза, ты меня знаешь. Если мне говорить к более, нежели двум человекам, я становлюсь косноязычным и даже забываю мое имя. Я, медленно думающий и говорящий, молочный фермер. Я никогда не смогу высказать словами, какое значение имеет для меня Христос.

Но Роза не хотела отстать от этой мысли.

"Помнишь, мы просили Бога указать нам, чем мы могли - бы служить Ему. А что, если это Его ответ? Как это могло случиться, чтобы мы оба имели такую странную мысль и в одно и то же время?"

Я сверился в городской управе и узнал, к моему облегчению, что Линкольн Парк предназначен только для общественного пользования и поэтому никаких частных предприятий в нем производить нельзя.

Но Роза, занявшись своим личным расследованием этого дела, обнаружила пустой участок земли через улицу против парка. Земля эта принадлежала человеку, который разводил страусов и здесь же он намеревался продавать их. Его торговые дела не были слишком успешными, и он с большим удовольствием согласился арендовать нам часть участка в воскресные дни после обеда.

Не вполне отдавая себе отчета в том, что происходило, я обнаружил себя вовлеченным в это странное дело. Мне нужно было с самого начала разрешить несколько практических деталей, которые меня пугали. Необходимо было заручиться разрешением полиции, построить платформу и взять в аренду громкоговоритель. Роза намеревалась пригласить из церкви несколько девушек для пения.

Что же касается речей, я утешал себя, что в моей жизни я слышал так много проповедей и это поможет мне разговориться, а остальное время займут девушки пением.

С приближением первого воскресенья я начал пробуждаться по ночам вспотевшим.

Мне снился один и тот же сон, что я стоял на страшно высокой платформе, кричал во весь голос и размахивал руками. Но к моему великому ужасу я видел перед собой всего несколько человек, с которыми днем я вел торговые дела.

А если так случится в действительности? А если кто из моих покупателей или продавцов окажется здесь в парке? Что они подумают? Вот здесь я, успешный, молодой, деловой человек, имеющий доступ в разные общественные организации, с хорошей репутацией, благодаря своему здравому суждению и поведению. А что случилось бы, если бы молва распространилась, что я стал каким-то религиозным фанатиком? Все это не только повредило бы моей репутации, но репутации моего отца, который отдал на это всю свою жизнь.

Наконец наступило первое воскресенье в июне 1940 года, день на который мы назначили наше выступление. Мы подъехали к участку возле страусовой фермы после утреннего богослужения в церкви и расставили громкоговорители. День был теплым и безоблачным и Линкольн Парк был переполнен народом. Почему не пошел дождь на этот день, думал я, когда Роза повторялась, что сегодня хороший день. Вот Роза и три девушки из церкви начали петь знакомый гимн "Что за Друга мы имеем". Пение закончилось. Я ступил три ступеньки

и поднялся на платформу, сгреб микрофон и прочистил мою глотку. К моему ужасу мой голос громом загредел в громкоговорители. Я отступил шаг назад.

"Друзья..." начал я. Опять мой голос заревел в громкоговорители вокруг меня. Я спотыкаясь проговорил еще несколько предложений, думая только об механическом эхе моего голоса, а затем в отчаянии дал знак девушкам продолжать пение.

Я начал замечать, что то там, то сям в парке люди начали поднимать с травы свои одеяла и я подумал, что мы определенно гоним их из парка. Но к моему удивлению, большинство из них подходило ближе к нам, усаживаясь кто где мог, чтобы лучше видеть и слышать. Имея перед собой публику, я овладел собой. Я обратно подошел к микрофону, выбрал одного человека в толпе в желтой рубашке, впялил в него мои глаза и направил на него всю мою проповедь.

Вдруг я слышу ясный, из далека доносящийся женский голос:

"Дорогой, не будет ли это Демос Шакариян?"

Мои глаза начали поиски в толпе. Вот она там в толпе, указывала на меня, около продуктовой корзинки, а около нее, жмурясь, как близорукий, сидел мужчина, у которого мы на днях купили наэлектризованный забор.

"Не может быть, чтобы это был Шакариян", сказал он, после некоторого молчания.

Порывшись в кармане своей рубашки, он вынул очки.

"Что ты скажешь? Да, это он, Шакариян!"

Воротник рубашки резал мне глотку. Микрофон стал мокрым и скользким в моих руках.

Я услышал плач и подумал, не плачу ли я. Я глянул вниз, а там возле моей маленькой платформы стоял человек в желтой рубашке, со слезами, текущими по лицу.

"О, вы правы, брат, вы правы!" Плакал он. "Бог был так добрым ко мне".

Я с удивлением посмотрел на него. К счастью, Роза не растерялась и пригласила его взойти на платформу. Он взял запотевший микрофон из моих рук и в длинной речи рассказал о своих материальных успехах и личных неудачах. Небольшая группка людей перешла улицу и окружила платформу.

"Такой и мой опыт", сказал другой человек, который поднялся три ступени на платформу. Я забыл о громкоговорителе и о человеке, который продал мне забор. Я думал лишь о чуде, которое сотворил Господь в Линкольн Парке. Когда мы укладывали в конце собрания наши вещи в ящик, шесть душ вручили свою жизнь Господу в этот вечер.

Три месяца подряд: июнь, июль и август в 1940 году мы держали такого же порядка собрания по воскресеньям. Мы начинали на участке против парка в два часа дня и продолжали до пяти или шести вечера. Мы скоро установили обычай. Иногда на собраниях появлялось несколько крикунов и несколько успокоителей, поддерживающих нас. В среде наших друзей был один человек, которого Господь недавно избавил от рабства алкоголю. Некоторые из них подходили к платформе, правда, немногие, может быть четыре, десять, двенадцать. С некоторыми из них мы старались поддерживать общение, а о других мы не знали, какая перемена произошла в их жизни.

Если внешние результаты этих воскресных собраний после обеда трудно было определить, то внутренние, в моем случае, были весьма ясны. Я шел на собрания с опасением о моем личном достоинстве, а уходил из собраний с сознанием, что я ничто, и у меня нет достоинства. На мои опасения, что кто-то из моих знакомых увидит меня, Господь ответил тем, что каждое воскресенье после обеда приходили люди, с которыми я на неделе имел торговые дела.

Бог как будто бы говорил: ты унизил себя перед этим человеком. Еще одним стало меньше для тебя заботиться о том, чтобы сохранить твое достоинство.

Позже, когда я встречался с моими знакомыми в Львином клубе или в клубе Кивание, обычно в начале обеда, то была или странная тишина или взрыв смеха. Не больше.

Никакой торговой катастрофы не случилось, которую я себе неясно представлял. К концу лета я выучил урок, которого_ никогда не забуду: "Что люди думают о нас", это большей частью пугало нашего собственного себялюбия.

Того же лета мы пережили сопротивление нашей активности со стороны, с которой мы с Розой меньше всего ожидали, со стороны церкви на Глез улице. Старейшины церкви на Глез улице почему-то посчитали наши собрания в парке своего рода "прогулкой", летней затеей молодежи. И так как эти собрания продолжались каждый воскресный день, то старшее поколение в церкви запротестовало против них.

В августе, на утреннем воскресном собрании, один из старейшин выступил и от имени всей церкви, предупредив нас относительно собраний в Линкольн Парке.

"Это неправильно", заявил он, потрясая своей седой бородой от волнения. "Это не армянский обычай!"

И мне сразу стало ясно, что он был прав. Я представил себе Армению, маленькую, обороняющуюся страну, которая столетиями льнула к единой правде, выдерживая порабощения и преследования. Всегда окруженная сильнейшими, неверующими народами, находя свою силу во внутреннем сосредоточии.

Если бы нам с Розой было сказано смотреть на людей, то мы решили бы теперь быть самостоятельными. Первый раз в нашей жизни мы столкнулись с генерацией наших родителей. Людей, которых мы видели прошлым летом в Линкольн Парке на одеялах, было гораздо больше, чем мы их себе представляли и во многом больше нуждающихся.

В сентябре дни стали холоднее, толпы народа уменьшились в парке, и мы решили прекратить наши собрания. Молочное предприятие занимало все больше и больше моего времени, так как я готовился к новому способу продажи молока. Почему, я спрашивал себя, не начать доставку молока по дороге Рилаенс номер три? Мы сможем продавать наш продукт на один цент дешевле на литре молока, чем берут поставщики на дом или продают в лавочках.

Чтобы осведомить об этом публику, мы сделали Большое Открытие, с присущей ей рекламой. Объявления в газетах, объявления по радио, летучки по почте. А в молочной - плакаты, музыка и известные развлекатели. Торговое дело началось очень хорошо и так продолжалось с успехом. Немедленно мне пришла в голову мысль начать такие пункты по всему Калифорнийскому штату. Это сделает нас богатыми.

Но самым удачным предприятием, создавшим богатство Шакариянов, было наше новое мукомольное дело.

Вряд ли я мог представить себе, что ситуацию эту можно сравнить с часовой бомбой.

Казалось, что мукомольное дело было натуральной необходимостью в развитии молочных продуктов. Молочная корова съедала в сутки девять килограммов зерна и 15 килограммов сена. Если помножить это на три тысячи коров, которых мы в недалеком будущем надеялись иметь, то получалась невероятная цифра зерна и сена на каждый день.

Все прошлые годы мы покупали зерно из местной мельницы. Затем мы мешали зерно сами по формуле, которую мы установили, дающей наилучшее качество молока.

Результаты были настолько хороши, что соседние молочники часто спрашивали отца:

"Исаак, не мог ли бы ты продать нам твою смесь?"

"Почему нет", отвечал отец.

Нам казалось, что это будет следующим логическим 4 шагом в нашем предприятии.

Мы сможем покупать зерно в большом количестве и таким образом уменьшаться расходы в нашем молочном деле. С возрастающей потребностью мы сами будем молотить и таким образом еще больше уменьшать наши расходы. Одновременно мы сможем иметь небольшой доход от продажи зерна другим молочникам.

Итак, с большими ожиданиями мы начали наше новое предприятие. Мы приобрели мельницу недалеко от одной нашей фермы с тремя двадцатиметровыми элеваторами,

применяемые раньше для хранения кукурузного силоса. Мы их освободили, вымыли и укрепили новым слоем цемента.

Я предвидел прекрасную будущность для нашего нового дела. Южно-Пасифик железнодорожная линия проходила мимо этих элеваторов. До этого зерно всегда разгружалось из товарных вагонов в элеваторы весьма сложной системой грузовых машин, буравом и вручную лопатой. В первый год нашей мельничной операции я усовершенствовал систему перегрузки зерна в элеваторы способом огромных вакуумов. По старой системе три человека работали целый день, чтобы выгрузить сорока тонный вагон зерна. По новой системе один человек производил эту работу в два с половиною часа. Мы сократили наши расходы на 80 процентов и произвели немалое движение в индустрии.

Я любил посещать мельницу. Гуденье машин, шум вакуумов, постукивание колес товарных вагонов и даже мучная пыль, которая ложилась на крышу моего черного Кадиллака - все это опьяняюще действовало на меня.

И все же, хочу сказать, что это новое предприятие было для меня большой ловушкой.

Я начал заниматься новыми товарами. Товары эти бешено колебались в ценах. Те, кто занимается торговлей овса, пшеницы, ячменя, могут заработать и потерять огромные суммы денег в несколько часов. На Вол Стрит в Нью Йорке только специалисты занимаются этим делом. Но фермер, который имеет дело с физическим зерном, также до некоторой степени спекулирует, хочет он этого или нет.

А это случается таким образом: Я, например, покупаю зерно первого июля, с условием доставки на следующую осень. Я плачу за зерно цену текущего месяца, зная, что цена на продукт, возможно, к времени доставки переменится. Если я уплатил за зерно в июле по два доллара за пятьдесят килограммов, а к осени цены снизились до одного доллара и пятьдесят центов, то я потерпел урон. А если цены поднялись до двух долларов и пятьдесят центов, то я заработал. Чтобы быть хорошим мельником, необходимо было делать большую закупку зерна, предвидя повышение цены, или не покупать, зная, что цены понизятся.

Теорию этого дела я уже знал зимой 1940-41 года. Мне еще предстояло научиться на практике.

Человек, который переменил свои мысли

С приходом следующей весны, когда люди стали выходить в парки, мы с Розой опять начали говорить о собраниях. "Но не только в воскресенье после обеда", сказала она. Люди только заинтересуются, а мы должны складываться и уходить домой и ничем не быть занятыми целую неделю".

А если бы держать эти собрания по вечерам? Каждый вечер. Если бы мы могли где-нибудь разбить палатку и держать собрания независимо погоды.

"На церковной земле!"... мы сказали в один голос и улыбнулись, так как это опять вышло случайно. Церковное помещение на Глез улице уже было слишком малым для растущего армянского общества, поэтому не так давно церковь купила участок пустой земли на углу Гудрич бульвар и Каролина Плейс на восточной стороне Лос Анжелеса, с намерением построить новый молитвенный дом.

Мы приложили старания, чтобы получить разрешение от старейшин воспользоваться местом. Все подозрения и преграды прошлого лета появились опять на смуглых, морщинистых лицах старейшин. Кто эти странные люди, в которых мы так заинтересованы? Почему армянская пятидесятническая церковь должна быть вовлечена в это?

Мы объяснились, что этим будет занята не только наша церковь. Наше желание, чтобы все пятидесятнические церкви в округности поддержали это собрание. Наша церковь может предоставить место для палатки, другие церкви помогут певцами и распорядителями мест. Мы все будем трудиться вместе.

Но при слове вместе их лица стали более натянутыми. Вместе? С Четырехугольной церковью и с Божьими собраниями, и с верующими Пятидесятнической святости, с их сомнительным вероучением? Почему в этих, так называемых церквях, мужчины и женщины сидят рядом вместе? И эти старейшины продолжали свои рассуждения о второстепенных вещах, а мы с Розой сидели тихо, даже забыв о нашем летнем проекте.

На деле случилось так, что веяние пятидесятницы, которое повеяло из России в Армению около столетия тому назад, свелось и превратилось теперь в деноминацию, не гнущуюся, как и прочие другие. Почти всегда было так. Чрез всю историю всякое свежее излияние Духа скоро превращалось в руках человека в новое противоречие.

Великое пробуждение на Азиза улице нашего города, начатое в свободе и радости, разбившие многие преграды, теперь в 1940 году затвердело в нескольких самостоятельных церквях, не могущих общаться друг с другом, тем более свидетельствовать миру.

Трагедия всего этого состояла в том, как мы видели с Розой, что верующие обладали так многим. Каждая маленькая группа, в своих стенах переживала присутствие Божьей силы для исцелений, поучений, а окружающий мир, с которым я соприкасался шесть дней в неделю, не знал о существовании этой силы.

"В таком случае вам нет надобности быть вовлеченными в это дело", я убеждал старейшин. "Я позабочусь о палатке, зачищу участок и сделаю все необходимое.

Разрешите мне воспользоваться только землей".

В конце беседы стало ясно, что все мои убеждения не имели на них влияния, за исключением моего отца, который был на моей стороне. Имя Исаака Шакарияна имело вес в церкви. Если Исаак за это, как бы ни было дело рискованным, наверно оно удастся.

Мы получили разрешение и скоро об этом пожалели. Мы узнали, что разбить палатку не то, что построить платформу. Заарендовать палатку было самым легким делом.

Сделать ее "местом публичного пользования", в связи со многими предписаниями как для постоянного здания, было нелегким делом. Мне необходимо было получить разрешение от районного правления, пожарного отделения, полиции, санитарного управления, освещения и всякий раз объясняться, что я хотел делать и для чего.

Лишь после всего, когда я получил полную руку разрешений, я мог приступить к разбивке палатки. Затем все электрические провода подлежали проверке, проходы и выходы

соответствовать особым стандартам, мусорные ящики и переносные уборные установлены по всем правилам, цистерны с водой на грузовых машинах расставлены для поливки пыли на дорогах. Немало труда вложено и для того, чтобы осведомить людей об этих собраниях. Мы начали объявлять по радио, в газетах, размещать плакаты в окнах магазинов - другими словами, я использовал все, чему научился, когда начал развозить молоко.

Все эти заботы были связаны с финансами и временем. Под конец даже отец выразил свое неудовольствие моими хлопотами. Я пропускал мою работу в конторе неделями, напоминал мне отец. Ему не было надобности даже говорить о том, что он и я думали.

Фабрика удобрений, которая была моим первым независимым проектом, была материально не прибыльной.

Целых пять лет я старался поставить это предприятие на прочном финансовом основании, и для этого я должен бы теперь приложить все мои усилия и старания. В то же самое время я не мог отказаться от мысли, что эти палаточные собрания не были необходимыми и важными.

Вечерние палаточные собрания начались в июле и продолжались шесть недель каждый вечер. Еще год до этого я определенно узнал, что я не проповедник. Мое сердце было преисполнено близостью и реальностью Бога, но уста мои не были способны выразить эти чувства словами. Хари Мушеган, мой молодой кузин, был в этом отношении иным. Подобно своему отцу Араму и дедушке Магардичу, он имел повелительную позу, зычный голос, что побуждало людей сидеть и слушать. Ему было всего двадцать лет, но он был лучшим проповедником, чем я когда-либо надеялся быть, поэтому мы пригласили его быть нашим спикером.

Люди слушали и приходили обратно. С каждой неделей толпы увеличивались. Пять пятидесятнических групп, которые весьма осмотрительно объединились, чтобы продолжать эти собрания, постепенно загорались искрой энтузиазма. Их пастора сидели на платформе, Роза играла на пианино и их хоры служили пением.

По вечерам, когда не было хора, пела Флоренс ее сладким, высоким, профессионально тренированным сопрано. Флоренс закончила среднюю школу и готовилась осенью поступить в Виттиер колледж. С моей стороны я старался помочь, где только мог. Я руководил собраниями, был на телефоне, устраивал транспортирование и вел бухгалтерию.

К немалому удивлению всех, в наших книгах мы вели приход и расход. После каждого вечернего собрания пасторский комитет подсчитывал сборы, которые увеличивались с каждым собранием. Обстоятельство это нас весьма удивило, так как мы не убеждали людей жертвовать. Происходило нечто ироническое. Когда я спрашивал счетовода о финансах нашей фабрики удобрения, наши приходы уменьшались и становились с каждым днем хуже.

Добровольными сборами мы покрывали расходы объявлений по радио, в печати, аренду палатки и у нас еще оставались деньги. Большую часть моих расходов я не записывал, никогда не надеясь получить их обратно. Вдруг у меня появилась новая идея. Почему не открыть счет в банке на имя пяти церквей и вкладывать туда остающиеся деньги?

В половине августа мы сняли палатку, и добровольцы зачистили место. Сотни людей впервые услышали о реальности Бога через проповедь Евангелия. Некоторые из них сделали решение стать христианами. Фабрика химических удобрений в Дауни окончательно закрыла свои двери.

Как оказалось позже, та небольшая сумма денег, положенная в банк, имела позже весьма хорошие последствия. Чтобы прийти к общему согласию по этому вопросу, пастор Форсквер церкви позвонил по телефону пастору пятидесятнической Божьей церкви. Старейшину церкви Божьей Ассамблеи некоторые видели вместе за обедом со старейшиной армянской пятидесятнической церкви. Оба они вошли в дверь и сидели вместе во время богослужения в пятидесятнической церкви Святости, на одной из улиц Лос Анжелеса.

Рано утром, в один из сентябрьских вторников, я сидел за моим рабочим столом, стараясь привести в порядок обломки моего развалившегося предприятия удобрений.

Сперва я с трудом слышал звонок телефона, который был у меня под рукой и пока я поднял трубку, прошло несколько секунд. Я моментально опознал голос Розы.

"Довней госпиталь", говорила она. "Чем поскорей".

"Кто? Что?" Растерявшись, спрашивал я.

"Флоренс", повторяла она. "На пути в Виттиер, сегодня утром. Ты помнишь, как туманно было сегодня утром. О, Демос, она наверно никак не видела грузовой машины".

Всё еще не вполне понимая случившегося, я добежал до моего автомобиля и быстро проехал несколько кварталов до Дауни госпиталя. Все мои остальные родственники уже были там, в этом маленьком, одноэтажном, деревянном госпитале. Флоренс теперь находится в операционной комнате, сказал мне отец. Но доктора очень мало могут помочь ей. Отец с трудом мог говорить, и муж моей сестры Руфи рассказал мне подробности случившегося.

Несчастный случай произошел в половину восьмого утром. Густой, утренний, серый туман двигался с Тихого океана. По всей вероятности, Флоренс не заметила остановки, и ее легковая машина столкнулась с ремонтной грузовой машиной, наполненной горячим асфальтом, рассыпав горячий асфальт по всей дороге. Шофер грузовой машины не потерпел повреждения, но Флоренс от столкновения вылетела из своей машины и упала в горячую асфальтовую массу.

Пешеход вытащил ее из смолы и замотал в свою одежду, но все это было сделано после того, когда вся кожа на ее спине уже сгорела.

По причине таких страшных ожогов врачи не могли сложить ее поломанные кости.

Наконец ее перевели в отдел особого досмотра и нам, по одному, разрешили подходить к двери ее комнаты, чтобы взглянуть на нее. Наш семейный доктор Хэйвуд шел с нами по коридору и тихо плакал вместе с нами. Доктор Хэйвуд был весьма опытным врачом. Он способствовал приходу Флоренс в этот мир семнадцать лет тому назад. Он лечил ее во время кори, коклюша и других детских болезней. А теперь он только мог сказать матери, положив руку на ее плечо:

"Она сильная и молодая, Загоури", повторял он. "У нее сильная воля к жизни".

Когда подошла моя очередь подойти к двери, я с трудом мог поверить, что это Флоренс. Она лежала на высокой больничной кровати - Флоренс, с лицом феи и ангельским голосом, юная и наиболее одаренная во всей семье. Теперь подвешенная на блоках, в кровати особого, боль успокаивающего раствора. Глаза ее были закрыты и из ее груди вырывались непрерывные стоны.

"Господи, Боже!" Молился я. "Не дай ей страдать! Облегчи ее боли!"

Мне казалось, что на насколько минут она переставала стонать. Или мне лишь казалось? "Удали ее боли", я молился опять.

Мы приехали с Розой домой, чтобы покормить Ричарда и Гери. Когда я опять вернулся в госпиталь после обеда, Флоренс рыдала от боли, будучи, по всей вероятности, в бессознательном состоянии. Опять я стал у двери и молился; опять вопли утихали. Целый день и весь вечер, когда усиливались боли, казалось, что мои молитвы облегчали ее страдания. Даже врачи и медсестры заметили это.

"Демос", сказал доктор Хэйвуд, ты можешь заходить в комнату, когда тебе угодно.

Даже внутривенное кормление проходит легче в твоём присутствии.

Меня одели в белый халат, надели маску и хирургическую кепку, и дали стул у ее кровати. В течение следующих пяти дней я старался провести каждую возможную минуту у кровати. С приходом сознания увеличивались ее боли. Казалось, что ни уколы, ни другие какие медикаменты ей не помогали. По словам медсестры Флоренс засыпала только во время моего пребывания в комнате.

Почему так случилось, я не имел представления. Сидя в ее комнате, я часто задумывался о том, что случилось одиннадцать лет тому назад, когда Флоренс разбила свой локоть. Я знал в то воскресное утро в церкви, что локоть будет исцелен. Мне казалось, что какая-то странная

связь существовала между нами, а теперь исцеления не последовало после моей молитвы. Временное облегчение боли наступало, но это не избавляло ее от той опасности, в которой она находилась.

Приближался кризис. Рентгеновский снимок, снятый сейчас же после несчастного случая, показал, что ее левое бедро и почечная лоханка были разбиты при падении на мостовую. Затем снимок показал фрагменты и костевые щепки, движущиеся по направлению к жизненным органам в животе. Каждый день снимался новый снимок, и я вместе с доктором рассматривали, как иглоподобные осколки кости двигались глубже в брюшную полость.

Через шесть дней после несчастного случая, когда ожоги еще не позволяли произвести операцию, наша церковь назначила день поста и молитвы. Начиная с полуночи вся церковь воздержалась от пищи и воды. В понедельник, в семь часов вечера, продолжая пост, вся церковь собралась во вновь построенном молитвенном доме по Гудрич бульваре в Восточном Лос Анжелесе, чтобы закончить суточное бдение для исцеления Флоренс, "единодушно вместе", как читаем в (Деяния 2:1).

Лишь только мне не пришлось там быть. У меня было особое дело в этот вечер в городе Мейвуд, в семи километрах от Дауни. Несколько месяцев подряд мы слышали об одном человеке по имени Чарлз Прайс. В прошлом доктор Прайс был пастором большой церкви конгрегационалистов в городе Лоди, Калифорнии. Он был крайне современным проповедником, с такими же современными церковными планами, включая лужайку, для игры в шары. Доктор Прайс пришел однажды в палаточное собрание, вооруженный записной книжкой и карандашом, чтобы записать все неразумные пятидесятнические заявления Мисс Макферсон, а затем предупредить позже свою церковь. В половине собрания он опустил записную книжку и карандаш в карман и со слезами, текущими по лицу и руками, поднятыми выше головы, он славил Бога на незнакомом языке.

С того вечера служение Др. Чарлза Прайса радикально переменялось. Он назвал свою новую проповедь "полным Евангелием", что значило, что с этого времени он не упустит и единой части из Нового Завета, чтобы о ней не проповедовать. Он в особенности приобрел известность в том, что настаивал на исцелениях, о которых читаем в Библии и как они были нормальным явлением церкви во все века.

Случилось, что Др. Прайс держал свои палаточные собрания теперь в Мейвуде.

Подъезжая к месту собрания я смутился. Все автомобильные стоянки были заняты на километр от палатки, и когда я вошел в громадную палатку, все места были заняты и толпы людей стояли на траве возле палатки.

Др. Прайс проповедовал с платформы, которая была украшена полосами белой и красной ткани. Он был мужчиной средних лет, с песочного цвета волосами, в пенсне, которое блестело от верхнего освещения. Он закончил свою проповедь и призвал нуждающихся в исцелении пройти наперед для молитвы. Сотни желающих двинулись со своих мест в проходы. Я посмотрел на часы. Было девять часов вечера. Но мысль о том, что моя церковь находится на коленях перед Богом, задержала меня. Медленно длинные очереди людей продвигались вперед. Десять часов. Половина одиннадцатого. Одиннадцать. Распорядители мест старались закрыть собрание. "Доктор Прайс будет здесь завтра вечером, сестра..." "Доктор Прайс будет рад помолиться с вами завтра вечером, брат".

Др. Прайс собирал свои вещи: Библию и бутылочки с маслом, которым он помазывал больных. "Сэр!", крикнул я.

Он повернулся в мою сторону и прижмурился от яркого света.

Я быстро пробежал мимо распорядителя мест. "Др. Прайс, меня звать Демос Шакариан, моя сестра попала в автомобильную аварию, и врачи в Дауни госпитале имеют весьма малую надежду на ее выздоровление. Мы бы очень желали, если бы вы смогли посетить ее". Все это я высказал в одно дыхание.

Др. Прайс закрыл свои глаза, и я заметил усталость на его лице. Он продолжал неподвижно стоять некоторое время. Затем внезапно открыл свои глаза и сказал: "Я приду".

Я поторопился выйти раньше его, пробираясь через редующие толпы, волнуясь всякий раз, когда кто-нибудь останавливал его. Др. Прайс заметил мое беспокойство.

"Не беспокойтесь, молодой человек", сказал он. "Ваша сестра исцелится сегодня вечером".

Я посмотрел на него. Как он мог сделать такое вежливо смелое заявление? Конечно, я подумал, он не видел рентгеновского просветления и поэтому не имел представления в каком серьезном положении находится моя сестра.

Мое маловерие, очевидно, выразалось на моем лице, потому что, когда я завел машину, он сказал мне: "Я хочу сказать тебе, молодой человек, почему я так уверен в исцелении твоей сестры". Годы тому назад, продолжал он, в 1924 году, скоро после одного случая в собрании Мисс Макферсон, он приехал в Канаде в один небольшой городок - Париж, Онтарио. Проезжая через город он почувствовал сильное побуждение повернуть налево. Таким образом Др. Прайс был приведен к небольшой методистской церкви. Здесь, ему казалось, следовало остановиться.

Без всякого осознания почему он это делал, Др. Прайс нажал кнопку звонка у двери дома, где жил пастор церкви и представился ему. Он сказал, что он благовестник Евангелия и что хотел бы провести ряд собраний в его церкви. К великому удивлению Др. Прайса проповедник сказал, что это возможно.

Среди посещавших эти собрания Др. Прайс обратил особое внимание на весьма хроющую молодую женщину, которую муж ее приносил каждое собрание и клал на подушку на передней скамейке. Познакомившись с ними Др. Прайс узнал, что их звали Луис и Ева Джонстон и что они были из Лаурел, Онтарио. Ева Джонстон была прикована к постели и в постоянных болях более десяти лет, по причине ревматической горячки.

Др. Прайс смотрел на эти высохшие и искривленные ноги; правая нога в ужасной форме подогнутая под левую. Они обращались к двадцати различным врачам в Торонто, пробовали разные электрические лечения: рентгеном, горячими массажами, хирургией, а уродование увеличивались с каждым годом. Во время проповеди Др. Прайс получил уверенность, что Ева Джонстон будет в этот вечер исцелена. Он имел эту уверенность потому, что всякий раз, когда он глянул на нее, он чувствовал физическую теплоту, окружающую его, подобно теплому одеялу, падающему на его плечи.

Дрожь пробежала по моему телу, когда я припомнил мой подобный опыт, когда моя сестра Флоренс разбила себе локоть. Я с трудом мог смотреть наперед и править автомобилем.

Др. Прайс объяснял мне сенсацию веса и теплоты как Божьего присутствия. Он сказал собранию, что они увидят особое чудо. Спустившись с платформы на низ, он возложил свои руки на голову женщины и начал молиться. На глазах всего собрания спина женщины выпрямилась, кривые ноги выровнялись и видимо выросли несмотря на то, что она не ходила уже десять лет. Ева Джонстон поднялась на свои ноги и начала ходить, почти подпрыгивать во всю длину прохода. Др. Прайс все время поддерживал связь с Джонстонами. Ее исцеление было постоянным.

"А сегодня", продолжал Чарлз Прайс, "ми увидим еще одно чудо, потому что, когда ты заговорил ко мне, это "одеяло" пало на мои плечи опять. Я чувствую его теперь на моих плечах. Бог во всем этом".

Я с трудом сделал глоток и некоторое время не мог открыть моих уст, чтобы произнести слова. Прошло одиннадцать лет с тех пор, как я имел подобное переживание, и я не слышал от других о подобном.

Была половина двенадцатого часа, когда мы приехали в Дауни. Передняя дверь в маленьком, тридцати двух местном госпитале уже была закрыта, и мы вынуждены был позвонить. Наконец вышла медсестра. "Я очень рада, что вы приехали", сказала она". Флоренс чувствует себя очень плохо".

Я попросил разрешения Др. Прайсу войти со мной в комнату больной. Его одели в стерилизованный халат и маску. Затем нас двое вошли в комнату Флоренс.

Она лежала в своей кровати целебных мазей, успокаивающих боли, почти спрятанная в разных трубочках и подвесах. Я представил ей Чарлза, и она ответила слабеньким кивком.

Др. Прайс вынул из кармана пузырек с маслом и вылил немножко на свои пальцы.

Затем он протянул руку через подвесы вокруг кровати и коснулся концами пальцев чела Флоренс. "Господи, Иисусе", сказал он, "мы благодарим Тебя за Твое присутствие. Мы благодарим Тебя за исцеление сестры".

Своим сильным, но нежным голосом он продолжал молиться, но я больше не слышал его слов. Необыкновенная перемена атмосферы в это время произошла в комнате.

Казалось..., что становилось все больше и больше тесней. Воздух в комнате становился гуще и мы, как бы стояли в воде.

Внезапно Флоренс на своей высокой кровати повернулась. Др. Прайс быстро отступился, так как большая подвесная стальная гири качнулась мимо его головы.

Флоренс повернулась в одну сторону так далеко, как только позволяли ей стальные провода, затем в другую. Все подвесы в комнате размахивались и вертелись, когда Флоренс качалась в кровати взад и вперед. Я чувствовал, что мне следует остановить ее, так как доктор не раз сказал, что ее раздробленное бедро должно быть неподвижным. Но я не двигался с места, охваченный и обвитый этим пульсирующим воздухом.

Из груди Флоренс вырвался глубокий стон, но был ли это стон боли или стон особых чувств, я не мог сказать. В течение двадцати неопишуемых минут Флоренс продолжала поворачиваться и метаться в своей проволочной тюрьме, и мы с Др. Прайсом всякий раз старались уклоняться размахивающихся подвесов. Я ожидал каждую минуту медсестры с требованием объяснения что случилось и что мы делали, так как комната проверялась каждые десять минут. Но никто не проходил и, как будто мы трое были посланы с потустороннего мира и времени в этот мир, наполненный теплым, всё наполняющим присутствием Бога.

И все это так быстро сменилось на обыкновенную больничную комнату. Флоренс тихо лежала на постели. Подвесные гири перестали качаться. Она долгое время смотрела на меня.

"Демос", шептала она, "Иисус меня исцелил".

Я наклонился ближе к ней! "Я знаю", сказал я.

Когда медсестра через несколько минут позже вошла в комнату, Флоренс спала крепким сном...

На следующее утро после того, как я отвез Др. Прайса домой в Пасадину, я еще спал, когда позвонил мне Др. Хэйвуд.

"Придите немедленно, чтобы посмотреть на рентгеновские снимки", сказал он мне.

В рентгеновской комнате была толпа, когда я пришел. Повешенных на светящуюся ширму было восемь негативов. Первых семь показывали раскрошенное и нарушенное левое бедро и впадину. В некоторых местах кость была совсем размята и костные осколки разбросаны на каждом предыдущем снимке. На восьмом негативе, заснятом в это утро, был виден таз в его нормальном виде. Обе стороны снимка были одинаковы - левое бедро в таком же виде, как и правое. Лишь маленькие черточки, подобные волоскам, показывали, что как будто много лет тому назад кость была поломана.

Флоренс пролежала в госпитале еще месяц, пока ожоги на ее спине заживали. В ночь перед выпиской из госпиталя ей снился весьма странный сон, в котором она видела двадцать пять стаканов воды, которые стояли на столе для ее питья. "Я уверена, что это годы, которые назначены мне прожить на земле", сказала она Розе и мне, когда мы на следующий день приехали взять ее домой. "Я уверена, что Бог дарует мне еще двадцать пять лет на земле служить Ему".

Рука, ухваченная за небо

Декабрь 1941 года. Соединенные Штаты вступили в войну. После атаки на Перл Харбор, Лос Анжелос в одну ночь стал круглосуточным центром оборонной активности.

Целыми днями автострады были забиты оливково-зелеными, военными грузовиками.

По ночам город спешил производить свою работу в темноте, а мы перед рассветом доили наших коров при закрытых окнах. Небольшая Северо-Американская самолетная фабрика около нас в Дауни выросла в громадную фабрику, огороженную колючей проволокой, куда въезжали и выезжали легковые и грузовые машины круглые сутки. К ужасу Розы и к великому удовольствию нашего семилетнего Ричарда, фабрика межевалась почти с нашим двором.

Так как молочное предприятие считалось необходимой индустрией, молочники не призывались в армию. Но очень скоро многие из наших рабочих и поставщиков очутились на военной службе или работали в фабриках на оборону. Я разделял мое время между загоном телят и коров, так как здесь у нас не хватало рабочих рук. Я также уделял время для различных комитетов по рационам горючего, зерна, шин, частей для грузовых машин, без чего мы не могли существовать.

Самым трудным в это время был уход за животными и забота о их здоровье, так как не хватало медикаментов, и не всегда была хорошей вентиляция. Мы с отцом всегда применяли сперва молитву, когда болезнь угрожала животным и часто это была наша первая и единственная защита.

Все эти военные годы мы с Розой были попечителями летних палаточных собраний, по программе, которую мы разработали в Восточном Лос Анжелесе. Нашей заботой было найти одаренных спикеров и включить их в труд с нашими дарованиями; найти церкви и объединить их для труда; заарендовать оборудование и разработать детали.

Затем, после покрытия главных расходов, вложить оставшиеся средства от сборов в банк на имя церквей, чтобы, закончив наши собрания, не закончить нашего сотрудничества.

В нашей церкви некоторые из старейшин все еще рассуждали вслух о том, какая нам польза от этой "постоянной беготни". Но когда Флоренс вышла наперед без малейшего прихрамывания в июле 1942 года и спела преславный гимн перед началом собрания, мы с Розой знали, что все старания в нашей жизни не могут выразить в достаточной мере нашей благодарности Богу.

Особым источником радости в те годы было укрепление нашей дружбы с Чарлзом

Прайсом. Я любил слушать его красноречивые проповеди, которые он в особом стиле усовершенствовал под руководством Вильяма Дженингса Браяна. Но еще приятнее было наше личное общение. Почти каждую неделю с 1941 по 1946 год он посещал нас в Дауни и мы встречались в его любимом итальянском ресторане. Мы обычно усаживались в задней комнате и проводили полдня, слушая самого мудрого человека, которого я когда-либо знал.

"Др. Прайс", спросил я в одно время. "Наверно то, чем вы заняты сейчас является самым прекрасным в мире. Видеть тысячи людей, захваченные вашим словом, обращающихся к Господу, исцеляющихся и чувствующих силу Божью, действующую через вас!"

Др. Прайс перестал накручивать спагетти на свою вилку и, поморщившись, посмотрел на меня.

"Нет, оно не так", наконец сказал он. "Все это... похоже на войну". Он провел рукой по комнате. Только в комнате мы не были военными.

"Где солдаты полагают свою жизнь? На первой линии фронта, там, где они ближе к врагу.

"Демос, то же самое и в евангелизации. Это война, такая же смертельная, как та на Гвадалканале. Проповедник, который атакует врага на его территории, находится под обстрелом. Он иногда терпит ранение, Демос. Некоторые из нас теряют жизнь".

Он улыбнулся улыбкой, присущей его характеру.

"Иногда люди пробуют сделать мне комплимент, сказать мне о моем красноречии. Для меня это не имеет особого значения. А вот вчера вечером женщина сказала мне, что ее семья молится обо мне каждый день. Демос, вот это замечательная вещь, которую всякий проповедник хотел бы слышать".

Я кивнул головой в знак согласия, под впечатлением его искренности. Но всей реальности того, о чем он говорил в эти сороковые годы, я совершенно не понимал.

Случилось это почти незаметным, благодаря военному времени, бюрократии и недостаткам. Первоначальные три коровы моего отца превратились в три тысячи коров, и мы стали наибольшим независимым молочным предприятием в мире.

Вместе с этим у нас было наибольшее количество неприятностей, так я думаю, проводя часами время на телефоне в поисках то бутылок для молока, то цемента для починки пола в коровниках. Даже приобретение в достаточной мере фуража для такой численности животных становилось трудным с каждым днем. В поисках сена я вынужден был объезжать всю Имперскую долину.

Немалая часть моей дороги проходила через пустыню. Горячие июльские дни сменялись на весьма жаркие дни в августе. 1943 году большая перемена произошла и с дорогой, которая однажды была здесь заброшенной и безлюдной. Там, где стояло несколько солнцем обожженных домиков на моем последнем посещении, теперь стояло целое поселение палаток. Движение по дороге за военными грузовиками было очень медленным. И так было на всем пути. Финиковые фермы и пыльные поселения рвались по швам от присутствия военных. Никто ничего не говорил и мало знал о происходившем, но было ясно, что где-то на поверхности нашей бедной земли готовилась пустынная военная кампания.

Вернувшись с такой поездки домой, я говорил с Розой. "Так много молодых людей и все они скучают в невыносимой жаре".

Городок Индио, на расстоянии сорока километров на восток от Пальм Спрингс, был особенно в моих мыслях. Улицы этого города были переполнены солдатами, свободными от исполнения служебных обязанностей, так что с трудом можно было пройти городом. Сидя в автомобиле, при медленном движении через город, я видел их группами у трех или четырех ресторанов и одного на весь город театра. Они укрывались где-нибудь в тени при 49 градусной температуре. У них не было никакого занятия и не было куда идти.

И я подумал: А если бы начать здесь палаточные собрания!

"Больше собраний, Демос", спросил меня мой отец. Мы с Розой только что закончили поддержку шестинедельных собраний пробуждения в Оранжевом районе.

Роза так же имела свои опасения. "Демос, ты работаешь по шестнадцать часов в сутки в молочном деле. Во время собраний пробуждения ты почти не ложишься спать. Что доброго ты делаешь, убивая себя?"

"Роза, а если эта мысль приходит от Бога, а не от меня?" Она посмотрела на меня, оторвав свой взгляд от детского костюмчика, который гладила. "Если так, то сделаем и это".

Я быстро поднялся с дивана и сказал, что я немедленно позвоню Др. Чарльзу Прайсу.

Хотя он весьма занятый наперед, но может быть у него найдется свободной неделка или две.

Роза подняла другой костюмчик Гери с кучи покропленного белья. Она никогда не говорила много, разве только она имела что-то сказать мне.

"Роза".

Молчание.

"Что-нибудь не так?"

"Демос, любя и уважая Др. Прайса, я чувствую, что он не подходит говорить к солдатам. Нам нужен кто-нибудь помоложе, кто-нибудь... я не знаю кто. Кто-нибудь, кто может играть на гитаре".

Мне казалось, что Роза ошибалась. "Посмотри на толпы народа, которые Др. Прайс привлекает", я заметил. "Посмотри на исцеления, которые происходят. Видишь, как стало с Флоренс".

Роза опять молчала. Я сейчас же позвонил Др. Прайсу, забыв наш первый урок, которому мы научились, когда начали собрания в Линкольн Парке, а именно: что мы согласились с Розой вместе искать и определять волю Божью.

Др. Прайс весьма сочувственно отнесся к положению солдат в пустыне и сказал, что он постарается реорганизовать программу своих обязанностей. И он это сделал.

Требования увеличить нашу меру поставки молока занимали теперь большую часть моего времени. Скоро после этого Др. Прайс заболел, а у меня были трудности найти ответственного человека среди военных, чтобы получить разрешение для устройства этих собраний. Врач запретил Др. Прайсу временно продолжать его служение и мой интерес к этим собраниям тоже прошел. Я чувствовал, что упустил Божью возможность и Божьего мужа для такого особого и важного служения. Я еще сделал несколько нерешительных попыток найти кого-нибудь провести эти собрания, и опять с этого ничего не вышло.

Газеты той осени были переполнены сведениями с фронтов. Американские потери были весьма велики. Со всякими новыми сообщениями весьма мучительные вопросы тревожили меня. Сколько этих молодых людей, которых я встречал здесь в этой

Калифорнийской пустыне, были в числе погибших? Сколько из них могли бы прийти на собрания в Иидио? Сколько из них могли бы познать правду, которая разрешила бы для них все?

Затем наступила новая тревога. По всей южной Калифорнии в молочном деле создался кризис. Не хватало ветеринаров. Многие из них ушли на военную службу и среди коров стал распространяться туберкулез. Ежемесячно штатные и районные власти из отдела здравоохранения приезжали проверять наши стада. Всех коров окулировали в гладкое, безволосое место в корне хвоста. Если в течение трех дней после укула кожа оставалась гладкой, то животное считалось здоровым. А если на том месте поднимался бугорок, размером в стирательную резинку на карандаше, то корова ставилась в разряд "противодействующих", а если получался меньший бугорок, то она считалась "подозреваемой". Когда случай с противодействующими и подозреваемыми коровами достигал известного уровня, все животные, по закону, больные и здоровые, подлежали уничтожению.

Несколько стад в соседнем районе уже были уничтожены, когда первая из наших коров показала эти признаки болезни. Мы с отцом весьма усердно молились об этом Богу. Наш девятилетний Ричард так же молился, когда приходил в коровник помогать нам после школьных занятий. Проблема эта обнаружилась в Рилаенс Номер Три, в нашем образцовом коровнике. Около одной сотни коров, после испытаний, были признаны противодействующими и около двух сот подозреваемыми. Если бы к следующему приезду эти цифры увеличились, казалось, что уничтожение одной тысячи коров было бы неизбежным.

В день, когда мы получили это известие, мы с отцом были в коровнике номер три.

Мы задерживались на некоторое время после дойки коров, сидя безутешно около наших рабочих столов. Мы не слышали, чтобы стада, достигшие такого состояния болезни, не были уничтожены.

Для ободрения всех отец включил в коровнике ночную программу по радио из Лос Анжелеского Храма. В наполненную мрачным унынием комнату зазвучали слова Др. Келсо Гловера. В эту ночь Др. Гловер говорил о Божьей силе исцелять всякую болезнь. Мы встретились взглядами с отцом через стол.

На другой день рано утром я позвонил Др. Гловеру. "Когда вы сказали, Сэр, всякую болезнь, включает ли это болезнь коров?"

Наступила на телефоне продолжительная тишина, пока теолог, с образцовым образованием Берклейского университета, обдумывал ответ. "Всякую болезнь", наконец повторил он. "В людях и в животных".

"Поэтому, Сэр, смогли бы вы прийти и помолиться над одной тысячей дойных холстинской породы коров?" "Сегодня?" И я немедленно рассказал ему нашу ситуацию в коровнике Рилаянс Номер Три.

Он приехал в коровник в полдвенадцатого утра, и мы вместе пошли по загонам. В каждом загоне было шестьдесят животных. Большинство из них, с опущенными головами в ясли, жевали сено. Но когда мы с Др. Гловером прошли первые ворота, они перестали жевать и начали толпиться вокруг нас, что, обычно, делают коровы, отталкивая одна другую.

Хотя солнце было высоко над нашими головами, Др. Гловер снял свою шляпу. Я снял мою тоже. "Господь, Иисус", молился он. "Все стада на тысячах холмов Твои! Твоим именем, Господь, мы изгоняем все туберкулезные бактерии, которые поражают Твое творение".

Коровы, приподняв уши, своими черными, влажными глазами смотрели на него.

Мы провели три часа, пока обошли все загоны. Я беспокоился о Др. Гловере с открытой головой под горячим солнцем, так как он уже не молодой человек. Во время молитвы он всегда снимал шляпу и здесь у силосов и водопойных корыт была тихая и молитвенная атмосфера.

Все рабочие были под сильным впечатлением происходящего. Это были большей частью старожилы, мужчины старые по летам для военной службы и работы на фабриках. Они уже работали у отца долгие годы и были знакомы с обычаями пятидесятников. Я наблюдал, что поведение Др. Гловера произвело на них глубокое впечатление. Когда он запрещал болезни, можно было почти видеть, как разбежались бактерии.

Я с нетерпением ожидал следующей проверки коров, но она прошла обычным порядком.

Ветеринарные инспектора с угрюмыми лицами и видимой занятостью ходили между коров. Испытание происходило в стойлах после дойки. Они вытирали шприц после каждого вспрыскивания.

Они знали лучше всех о состоянии здоровья страны, в особенности детей, которое во многом зависело от молочных продуктов и как опасна была настоящая эпидемия.

Через три дня инспектора: два штатных врача и один районный, вернулись обратно для проверки реакции. Они молча одевали свои халаты и резиновые сапоги. Им предстояло самое трудное дело - сказать фермеру, что его коровы обречены на уничтожение.

Мы доили одновременно сто двадцать коров в коровнике Рилаянс Номер Три у тридцати стоек. В конце двух рядов два инспектора повстречались. Я подошел поближе, чтобы послушать их среди шума доящих машин.

"Странное явление", сказал один другому. В целом ряду не нашлось и одной противодействующей коровы и ни одной подозреваемой".

"Ни одной и в моем ряду" - улыбаясь, ответил другой.

Во всем коровнике, в котором было сто двадцать коров, не нашлось и одной, подверженной болезни. Когда вторая смена закончила доить следующих двести сорок коров и испытания туберкулеза оказались негативными, рабочие начали быстро собираться в коровнике: Др. Гловер молился, и Господь дал ответ на нашу молитву.

Бог ответил в это военное время на наши многие молитвы. Более двадцати лет наша молочная ферма была на одном месте. Когда Дауни разросся, мы вынуждены были переселиться на север от Лос Анжелеса. У нас за это время не было в стаде и единого случая туберкулеза или подозреваемого туберкулеза в коровнике Рилаянс Номер Три.

Кажется, что моя мать более всех была счастливой, когда мы с Розой обнаружили, что в ноябре 1944 года у нас будет следующий ребенок. Гери уже посещала детский садик и наши два домика рядом на небольших участках земли были слишком тихими, чтобы

удовлетворить мать. У нее были другие внуки, но мои сестры со своими детьми жили около километра подальше от нас, что по армянскому обычаю считалось очень далеко.

Были и другие причины ее радости нашей новостью. В возрасте сорока семи лет у матери был неизлечимый рак. Наши молитвы, которые были так действенными в молочном деле, были бессильными в семье. "Но я увижу твою вторую дочь, Демос", радостно повторяла она. В нашей семье было общепринятое предположение, что новорожденный ребенок будет девочкой. Поскольку было известно в прошлом, больше одного сына не было в каждом поколении Шакариянов. Поэтому мать немедленно начала шить маленькие розовые платьица и кружевные шапочки.

Летом 1944 года, находясь на одном собрании, мне казалось, что я разрешил вопрос, постоянно беспокоивший меня. Я сидел на возвышенности и смотрел во время проповеди на битком набитую людьми палатку. Всюду пастельные платья, платья в цветах, многие из мужчин в военном. Женщины.

Я спохватился, что мысленно отошел от проповедующего и старался включиться в его рассуждения. Но во время пения следующего гимна я опять занялся моими наблюдениями. Было ли это моим воображением или было ли это в действительности, что на каждого присутствующего мужчину было десять женщин? На следующий вечер мы вместе с Розой сделали подсчет. В рядах было по четырнадцать стульев, затем проход, согласно пожарному кодексу Лос Анжелеского района. Я занялся счетом правой стороны помещения. В первом ряду было восемь женщин, два мужчины и четверо детей. В следующем ряду было двенадцать женщин и два мужчины. В третьем ряду - четырнадцать женщин.

Три последующих вечера мы с Розой разделили палатку и посчитали людей. Вне всякого сомнения, что женщины численностью превосходили мужчин более, чем десять на одного.

Я был поражен этим наблюдением. В армянской пятидесятнической церкви, где посещаемость богослужений была целыми семьями, число мужчин и женщин было всегда более-менее равным. Здесь же в палатке все сидели так смешанно без подразделения на пол и возраст, что до сих пор я не замечал этого явления. Где же были эти мужья, братья и отцы?

"Я не могу себе представить", сказал я Чарльзу Прайсу однажды за блюдом лазании, как мало осталось мужчин в нашем районе. Полагаю, что все они за океаном".

Др. Прайс посмотрел на меня через свои круглые очки без оправы.

"Демос". Лос Анжелос никогда не был так наполнен мужчинами, как теперь! Солдаты со всех штатов Америки! Десятки тысяч рабочих, работающих на оборону".

"Так почему же так много женщин в наших палаточных собраниях?"

Др. Прайс, откинув голову назад, так громко засмеялся, что группа солдат морской пехоты с удивлением посмотрела на него. "Да будет благословенно твое наивное армянское сердце", сказал он. "В подобных случаях всегда больше женщин, чем мужчин. Большинство американских мужчин считают религию забавой для женщин и детей. Слышал ли ты, когда-нибудь о мужском миссионерском обществе? Мужской

Библейской группе? Женщины составляют американскую церковь, Демос. За исключением профессиональных служителей, как я. Но вся добровольная церковная работа, весь энтузиазм, вся жизнь - женская.

По ночам слова Чарльза не давали мне спать. Я вертелся в постели до такой степени, что Роза, которой нужен был дополнительный отдых, попросила меня перейти в другую комнату на диван. То, что женщины любили служить Господу, я знал. Армянская церковь всегда имела своих пророкиц. Но мужчины, исследователи

Библии, учителя, на которых лежала ответственность воспитания семьи. Как могли американские мужчины, так энергичные и успешные в других отраслях жизни отказаться от такого высокого служения? При всех моих стараниях я не мог этого понять.

Ноября 1-го 1944 года у нас родилась вторая девочка, темноволосый маленький херувим, с кучерявыми, длинными волосами, касающимися лица. Конечно, каждый ребенок особый

ребенок. Но с этим ребенком было нечто особое, что заставляло мало впечатлительных медсестер вертеться у окна детской в Дауни госпитале.

Мы назвали ее Каролиной. Когда мы с Розой, Ричардом и Гери принесли ее в церковь на Гудрич бульвар, вышли наперед и стали на колени на маленьком коврик для традиционного благословения, мое сердце наполнилось особым удовольствием моей семьей.

И конечно, с самого начала Каролина была особым дитем моей матери. Моя мать уже с трудом могла ходить, даже несколько шагов между нашими домами составляли ей большую трудность. И так как Роза приносила ребенка к матери несколько раз на день, мать открывала у девочки особые способности, как например: как рано она стала поворачиваться, как скоро стала сидеть, когда начала улыбаться. Мать утверждала, что на четвертом месяце девочка начала произносить имя матери "Зароуги", хотя никто другой не слышал этого чуда.

Зимой, во время наших еженедельных собраний, мы вместе с Чарлзом Прайс обсуждали отношение американских мужчин к религии, на которое он обратил мое внимание. Я поделился с ним некоторыми моими наблюдениями из армянской церкви.

"Я заметил, что когда у человека улучшаются торговые дела, он перестанет приходить в церковь. Я наблюдал это явление очень часто".

"Много раз", я говорил ему, "вся церковь будет на коленях молиться Богу перед выплатой очередного платежа за имущество или когда была необходимость одолжить деньги в банке. Но когда у этого же самого человека коммерческие дела поправлялись, церковь, которая его поддержала в трудное время, больше его не видит. Почему это так?"

Др. Прайс опять поднявши голову и упершись в деревянную перегородку сказал: "Я знаю, как отвечают на это церкви. Временный, житейский успех противодействует жизни по Духу, здесь Бог и маммона. Конечно, меня это не удовлетворяет". Он провел рукой по своей редющей седоволосой голове. "Какой ответ имеет церковь для мужчин и женщин, которым угрожает сложность современной коммерции? У этих людей большая ответственность за сотни разных предприятий, за которые они отвечают. Я имел друзей, которые проходили ко мне, Демос, за советом и, говоря откровенно, я не смог понять даже их вопросов и проблем. Что я знаю о контрактах и ценах? В коммерческих делах у меня нет ответа".

"Верно, мы проповедники можем сказать слово утешения и совета, тому, кто ослаб на жизненном пути. А что сказать тем, которые достигли успеха? Они так же нуждаются в Боге, но я, как проповедник даже не говорю их языком.

Иногда наша беседа была более приятной. "Демос", сказал мне однажды Др. Прайс.

"Ты будешь свидетелем одного из величайших событий, предсказанных в Библии.

И будет, после того изолью от Духа Моего на всякую плоть... Событие это случится во время твоей жизни, Демос и ты примешь в этом участие".

Пророческие предсказания Др. Прайса всегда приводили меня в недоумение. В моем церковном опыте пророческие предсказания считались движеньем Божиим, которое выравнивало плечи и поднимало голос пророчествующего. Но Др. Прайс делал самые необыкновенные заявления таким же голосом, как если бы он просил подать ему за обедом соль.

"Я могу сыграть лишь одну роль, Др. Прайс", был мой ответ, "а это поддерживать проповедника, подобного вам".

Он покачал головой. "Так оно не будет. Не профессиональными проповедниками.

"Всякая плоть", так говорит нам пророк Иоиль. Случится это неожиданно - по всему миру - среди людей в мастерских, фабриках и конторах. Я не доживу до этого дня, чтобы видеть происходящее, но ты увидишь. Демос, когда ты это увидишь, знай, что время явления Иисуса Христа близко".

Др. Прайс очень часто говорил о пришествии Христа на землю. Говорил он и о приближении своей смерти, хотя ему было всего шестьдесят два года. Я пробовал ему противоречить, но он, подняв руку, остановил меня. "Не будем сантиментальными, дорогой

друг. Есть вещи, о которых я определенно знаю. Я еще имею год, два времени. А после этого, Демос, какое великое преимущество уйти к Господу!"

Мы никогда не ожидали, что Каролина заболит инфлюэнцей, разве только потому, что в то время, в марте 1945 года в Лос Анжелесе многие болели ею.

Др. Хэйвуда уже не было в живых. Др. Стер, занявший его практику, заверил нас, что дома он может оказать ей лучший досмотр, нежели в госпитале, ввиду военных ограничений в службе и медикаментах.

Но круглосуточный досмотр больной не проявлял улучшения. Простуда осела в груди.

Девочка с трудом дышала. Когда мы прописали ее в госпитале вечером 21-го марта, ее состояние было весьма тяжелым.

Воспаление обоих легких.

Роза дежурила в госпитале следующих двенадцать часов. Я отлучался лишь позвонить друзьям и просить их молитв. Вся семья молилась. Церковь пребывала в молитве.

Чарльз Прайс пришел в госпиталь, и мы старались укрепить нашу веру воспоминанием о том, что Господь сотворил для Флоренс, которая лежала в одной из комнат немного дальше по коридору. На этот раз Др. Прайс ничего не говорил о сенсации теплоты на его плечах, и он вышел из комнаты с угрюмым лицом.

Все это случилось с поражающей быстротой. В семь часов утра, марта 22-го я принимал душ, когда раздался телефонный звонок. Звонила медсестра. Прошу немедленно прийти в госпиталь. И я знал, прежде чем я достиг госпиталь, что наша девочка ушла от нас.

Прошли недели и месяцы, прежде чем я осознал происшедшее. Каролина в пять месяцев была таким живым и жизнерадостным ребенком. Так скоро угасла ее жизнь.

Мы навсегда попрощались с ней в погребальном бюро, мирно покоящейся в белом гробике. Ее длинные веи, свернувшись лежали на кругленьких щеках.

Все родственники, собравшись, переполнили наш дом и большой дом наших родителей.

Соблюдая старый священный обычай, все собирались по вечерам, как бы доказывая семейное единство и связь. Вернувшись с кладбища, в церковном помещении был подан застольный обед с речами соболезнования и утешения, которые достигают скорее сердца, чем ума.

К нашему счастью наибольшую помощь и утешение проявили нам две странницы. Это были две женщины в возрасте тридцати двух лет, проживающие в Пасадине. Мы познакомились с ними через Др. Прайса, когда они посетили наш дом. Они ожидали в машине, но Роза убедила их зайти в дом. Позже Др. Прайс сказал о них следующее:

"Я знаю их очень хорошо. Они обладают редкими и чудными способностями чувствовать присутствие сонмов невидимых ангелов, о которых сказано в Библии, что они иногда посещают землю. "Как только они вошли в наш дом, сказал Др. Прайс, они обе: Дороти Доан и Алина Брумбах сейчас же почувствовали присутствие множества ангелов - больше, чем где-либо в другом месте.

"Они сказали, что весь воздух был наполнен ангелами".

Этот дар помог нам выйти из многих трудностей.

Наши трудности приходили к нам весьма неожиданно. Однажды во время воскресного собрания Роза бросилась к задней двери, перепрыгнув через скамейку на женской стороне. Когда я подбежал к ней, она стояла на тротуаре и плакала.

"Вот это маленькое дитя" - все, что она могла проговорить.

Мне стало ясно, когда я увидел сидящую рядом женщину с малым ребенком возраста

Каролины. Четыре молодых женщин в церкви имели детей возраста Каролины и присутствие их, вид их вызвали в Розе внутреннее сознание защиты ребенка.

С течением времени мы стали наблюдать перемену в нашей жизни. Как будто бы материальный мир все меньше и меньше интересовал нас. Война закончилась и наступило время начать постройку нашего нового дома. Мы годами планировали построить большой дом, когда не будет трудностей с приобретением строительного материала. Я хотел

построить себе рабочий кабинет; Роза хотела большую кухню. Мы определенно нуждались в комнате для проповедников, которые проводили с нами воскресные дни. В таких случаях мы всегда перемещали Ричарда, или Гери на диван.

Не говоря ни слова один другому, мы с Розой знали, что мы никогда не построим этот дом. Отчасти потому, что наш теперешний дом был полон воспоминаний о Каролине. Вот здесь в ее комнате стояла ее кровать, немного дальше на коридоре около туалета стоял ее купальный столик. Все эти необходимости, как рабочий кабинет, комната для гостей и большая кухня, почему-то утратили свое значение.

Часть нашей жизни была на небе, и земля постепенно приобретала для нас менее привлекающее значение.

Мы стали придавать значение еще одной особенности. Каждое утро после того, как Ричард и Гери уходили в школу, мы с Розой задерживались на некоторое время у гостиного стола и, склонив голову, проводили нашу утреннюю молитву. Мы открывали в молитве перед Богом наши заботы наступившего дня.

Мы очень скоро почувствовали, что наших молитв у стола недостаточно. Без слов между собой мы начали для молитвы склонять наши колени. В одно утро мы прошли в нашу переднюю комнату и склонили колени на восточном коврик, подарке десятилетней годовщины нашего супружества родителями Розы. С этого дня этот темно красный коврик с синими цветами по краям был местом нашей встречи с Господом.

Мы не были побуждаемы страхом Бога после смерти Каролины. Нам казалось, что Бог стал нам теперь ближе, более доступным и реальным. Его живое присутствие побуждало нас преклонять пред Ним колени с умилением сердца.

В этой комнате одного утра я сделал шаг, которого долгое время не решался сделать. "Господи", сказал я в молитве. "Я не знаю чувств Розы, но я знаю, что я никогда не позволил Тебе занять первое место в моей жизни. О, немножко палаточных собраний, часть моего времени, немножко моих средств. Но Ты знаешь, и я знаю, что моя семья занимала первое место в моей жизни и сердце. Господи! Я хочу, чтобы Ты был на первом месте".

Я почувствовал прикосновение рукой Розы моей руки. В таком подтверждении я только и нуждался. Роза никогда много не говорила.

Голливудский бовл

На первый взгляд в этом деле не было ничего особого. Мы этим занимались прежде, только теперь в большем масштабе. Предприятие это было весьма успешным среди пятидесятнических церквей - собирать районные собрания. А что было бы, если бы всем Лос Анжелеским районом, в котором около трех сот пятидесятнических церквей, заарендовать Голливудский Бовл на одно грандиозное собрание? Так как Бовл был всем хорошо известен, возможно те, которые стеснялись прийти на собрание в палатку, пришли бы в Бовл.

В нашей беседе с пасторами церквей, которую я проводил, мы скоро обнаружили наши трудности - средства. Задаток на Бовл на вечер в понедельник стоил 2,500 долларов. Расход на объявления по радио, ленточки, плакаты и другие, я рассчитал, стоили бы 3,000 долларов, вместе 5,500 только для начала, кроме расходов на освещение, обслуживание на паркинг машин и другие. Где взять эти средства?

Определенно не от пасторов церквей, которые и так были низко оплачиваемы.

А что сказать о коммерсантах в их церквях? И внезапно новая мысль осенила меня, которую я считаю чисто армянской. "Если я приготовлю обед курятины", я спросил пасторов, согласны ли вы послать сотню коммерсантов на этот обед?" Ведь всякий армянин знал, что самые важные вопросы в жизни обсуждались за обеденным столом.

Многие сомневались в моем предложении. "К нам не приходят на богослужение очень много коммерсантов, Демос", отказ, с которым я был так хорошо знаком. "Во всяком случае, не те, у которых торговые дела идут успешно".

Все же мы собрали одну сотню имен и пригласили их на обед курятины в Кнот Бери Фарм.

Когда наступил вечер, столовая была переполнена. Мы с Розой сидели у главного стола, откуда могли обозревать всех присутствующих. Наблюдая за всеми мне пришла в голову весьма необыкновенная мысль. А если бы пригласить некоторых из этих мужчин выйти наперед и попросить их сказать, почему они посещают церковь, так как другие, более преуспевающие, не интересуются. Какое впечатление производит на них Христос, что они готовы отдать для Него день своего отдыха. Какое влияние имеет Дух Святой в их личной жизни. Все это может послужить большим воодушевлением для всех нас.

Я окинул взглядом присутствующих. За третьим столом сидел человек среднего возраста в полосатом костюме, лицо которого сияло, подобно прожектору. Я глянул на Розу, но она не заметила моего взгляда. Невыразимая радость как бы подпрыгивала и разливалась вокруг этого человека в полосатом костюме, и я сразу знал, что с него следует начать.

Я с трудом дождался конца обеда. Подача кофе и пирога были весьма мучительными для меня. Мне так хотелось слышать, что этот человек имел сказать.

Наконец закончили пить кофе. Прислуга убрала со столов тарелки. Все отодвинули назад свои стулья и приготовились слушать мою просьбу денег. Вместо этого я обратился к мужчине в полосатом костюме.

"Сэр... да, это вы... вы в синем галстуке и Богом дарованной улыбкой. Будьте добры, пройдите сюда". Человек с удивлением посмотрел вокруг, все же начал продвигаться между столов и стал возле меня. "Не расскажете ли вы нам, что доброго Господь сотворил в вашей жизни?" сказал я.

Человек в недоумении покачал головой. "Я знаю", сказал он, "и это верно, что мы с женой имеем за что быть благодарными!" И он начал рассказывать, как отец его жены был исцелен по молитве, как утверждал доктор, от рака. В наступившей тишине я опять осмотрел зал. Около окна я заметил опять сияющее лицо. "Сэр", позвал я.

"Пройдите, пожалуйста, сюда, чтобы все могли видеть вас..."

И так мы провели полтора часа. Одно за другим шли свидетельства в столовой, которая, казалось мне, была наполнена видимой Божьей силой. Мы слышали о восстановленных браках, избавлении от алкоголизма, примирении партнеров в торговле. Я подумал о

выражении Чарлза Прайса полное Евангелие, когда говорилось о применении доброй вести ко всем нуждам человеческой жизни.

Краткими, скорбными, подлинными, такими были переживания и свидетельства этих практических людей. Никто из них не проповедовал, никто не говорил замысловатым языком, но общее впечатление было сильнее любой проповеди, которую я когда-либо слышал.

Когда десять или одиннадцать человек так высказались, я взял микрофон и сказал:

"Друзья, мы выслушали полное Евангелие, высказанное группой коммерсантов".

Полное Евангелие...коммерсанты. Что-то в этой фразе затронуло мое внимание.

"Не желаете ли вы", продолжал я, "чтобы многие другие в Лос Анжелесе поделились подобными переживаниями? Не желаете ли вы, чтобы всякий мужчина, женщина и дитя в Калифорнии знали Божью силу, подобно этим людям. Есть ли лучшее место, чтобы рассказать об этом, как в Голливудском Бовле?"

Это было буквально все, что я сказал. По всему залу мужчины стали подниматься на ноги, вынимали деньги из кошельков, подходили и клали на стол. Они клали бумажки в десять, в двадцать долларов и чеки. Чеки, нацарапанные второпях у столов, чеки, написанные стоя в длинной очереди, подходя к столу спереди зала. Когда все деньги были подсчитаны, то получилась потрясающая сумма в 6,200 долларов.

Несмотря на эту внушительную цифру, я знал, что нечто большее и более важное случилось в этот вечер. Здесь родилась новая идея, хотя я не вполне понимал еще ее значения.

"Подумай", я сказал Розе, на пути домой в Дауни. Ведь коммерсантов в мире гораздо больше, чем проповедников. Не начать ли коммерсантам проповедовать Евангелие?..."

Управители Холливуд Бовл позже сказали мне, что никогда раньше в понедельник вечером помещение не было наполнено. На нашем Полного Евангелия собрании все

20,000 мест были заняты и 2,500 человек стояли по краям. Здесь впервые мы провели часть собрания при освещении свечами. Мысль позади этого состояла в том, что одна маленькая свеча не дает много света в темноте. Не если всякий зажжет свою свечу, когда каждый применит, чем Бог его наделил, то это превратит ночь в день.

Для меня это послужило моментом просвещения, где, наконец, я получил ответ на вопрос, который в тринадцатилетнем возрасте мальчика я спрашивал у Бога:

Господи, какой особый труд Ты предназначил для меня? Я думал об этом, когда свет в помещении был закрыт и наступила полнейшая тьма. Я не стал проповедником и остался таким же путающимся в словах перед публикой. Я не стал пророком, как Чарлз Прайс. Не стал я учителем, евангелистом или исцелителем...

Где-то, сверху нас, заиграл рожок и своим пронизывающим звуком отозвался на темных холмах. Подобно искрам появился свет, когда стали зажигаться свечи.

Зарево света стало распространяться от одного человека к другому. И внезапно осветился весь Бовл тысячами маленьких огоньков, светящихся вместе.

Помощник. Слово это как будто бы горело в этих огоньках. Передать другому то, чем обладаешь. Жертвовать временем, местом или случаем для соединения свечей вместе. Вдохновитель искр, для того чтобы зажечь весь мир.

Переживание это вызвало у меня слезы. Позже, того же вечера, дома, я усердно принялся за чтение Первого Послания Коринфянам 12:28. Как часто я размышлял и молился над перечислением этих божественных назначений: "...сперва апостолы, вторые пророки, третьи учителя, затем чудотворцы, потом исцелители..." Да! Вот здесь: "...вспоможение..." Как я пропустил это слово, которое так почтительно стоит на ряду с другими? "Дары исцелений, вспоможения, управления, разные языки".

Здесь мой труд, назначенный мне Самим Богом, открытый мне в мгновенном сиянии света между Голливудских холмов. Бог призвал меня, меня быть помощником и с тех пор удивление моего призвания никогда меня не оставляло.

Хорошо, что такое подкрепление посетило меня, потому что очень скоро после этого пришло переживание, которое навсегда могло отравить мою радость быть помощником.

Спикер на одном из наших многих собраний был с востока. Он приехал к нам с очень высокими рекомендациями. Но он показался весьма необычайной личностью для евангелиста, с его густыми, седыми по самые плечи волосами и искусственной ногой.

С самого начала, мне казалось, что он начал проявлять особый интерес к денежным сборам, часто добавляя, что в других местах все сборы шли непосредственно ему.

"То же самое было бы и здесь", сказал я ему", если бы это были твои собрания".

Когда евангелист имеет свою организацию, я напомнил ему, оплачивает содержание своих сотрудников, объявления, дорожные расходы ночлежные - конечно он надеется, что все эти расходы покроются сборами. В таких случаях сам евангелист арендовал землю и оплачивал рабочих.

Когда же мы сами устраиваем собрания, у евангелиста здесь нет никакой заботы, даже его ежедневных расходов, так как он живет в нашем доме и питается хорошей домашней пищей, которую приготовляет Роза. Мы с Розой сказали ему, что мы затрачиваем сотни долларов на каждую кампанию и никогда не ожидаем их возврата.

После покрытия главных расходов все остальные деньги вручаются церквям.

Было лишь одно исключение. Раз в неделю мы брали сбор, который называли "сбором любви", сбор на личные нужды проповедующего. Нам хотелось, чтобы в конце шестинедельной кампании у него было достаточно средств начать ряд своих собраний.

Как я уже сказал, что я весьма детально объяснил ему положение, так как замечал, что это его беспокоило. Но даже после такого выяснения он продолжал в конце каждого собрания говорить о деньгах. "Таким образом, можно больше собрать денег", повторял он. "Вы не поступаете правильно. Вы должны задеть сердечные струны, если вы желаете, чтобы люди жертвовали".

"Мы не желаем, чтобы люди давали", сказала Роза за ужином, подавая ему в третий раз котлеты. "Не по той причине, что мы этого желаем. Если Дух Святой побудит их дать, тогда другое дело. И Он укажет им сумму.

Странно то с этим человеком, что несмотря на его чрезмерную озабоченность о деньгах, он был Богом помазанный проповедник. Мы никогда не имели больших собраний, как этого лета; никогда не вышло больше людей к алтарю и никогда не было столько чудесных исцелений. В один вечер глухое дитя получило слух впервые в его жизни. В конце недели доктор засвидетельствовал об этом исцелении с платформы. А еще при одном случае женщина была исцелена от большого зоба.

Наконец наступило последнее собрание в воскресенье после обеда. Более десяти тысяч людей набилось в палатку, когда Баб Смит (не его настоящее имя) сказал волнующую заключительную проповедь. Он был действительно даровитым проповедником, и я был рад, ради его блага, что финансово собрания были успешными, а то он так об этом волновался. "Сборами любви", которые мы ему сделали, он мог финансировать несколько таких кампаний на востоке или в другом каком месте.

Я наблюдал ряды сидящих в палатке. Преобладающее большинство из них все еще были женщины. Что необходимо было сделать, чтобы явить Бога живым и действенным для мужчин нашего времени?

"...Величайшие Божьи благословения", говорил Смит. Я размышлял о проповеди. "Он не может дать вам, пока вы не дадите сначала Ему. Опорожните ваши кошельки, друзья, чтобы Он наполнил вас богатствами неба!"

Почему он говорил о кошельках? Мы не имели намерения делать сбора в конце этого последнего собрания.

"Кто даст?" он настаивал. "Жертвуйте щедро, жертвуйте, чтобы Бог соединил Свои руки дать вам!"

Женщина в розовом платье шла по направлению к платформе. Смит вышел из-за кафедры и наклонился к ней через посаженные в горшках цветы, чтобы принять ее дар.

"Да благословит тебя Господь, сестра", возгласил он. "Бог весьма обильно благословит тебя за этот дар любви!" То там, то сям в палатке другие начали продвигаться по проходам к платформе. Я поднялся с моего стула позади платформы и сделал себя видимым на стороне. Позади платформы группировалась небольшая кучка пасторов и распорядителей.

"Что он делает?" Спросил Розы брат Эдвард Габриель. (Розы семья недавно укоротила свою фамилию с Габриелей на Габриель.) "Он не имеет права делать это!"

"Мы должны остановить его!" Я согласился.

Но как? Чувства отзывающихся людей были искренними, если даже проповедник был не прав. Он уже плакал, собирая пожертвования. "Благодарю вас, брат!" "Бог да вознаградит тебя сестра!" "Бог да благословит вас, и вас, и вас..."

Что делать? Они слышали слово Божие, проповедуемое этим человеком неделями, и видели исцеления, которые здесь произошли. Многие отдались здесь Господу в результате его проповеди. Если разоблачить его, это подорвет их веру.

"Но мы постараемся, чтобы он не ушел отсюда с деньгами этих людей", сказал Эдвард. Он был главным распорядителем мест в собраниях.

Бесстыдные призывы продолжались. Гери утомилась долгим сиденьем в собрании и начала капризничать, поэтому Роза взяла ключи от машины и отвезла ее домой.

Когда Роза вернулась, сделав сорок пять километров в два конца, он еще был занят своим делом. Он побуждал людей выходить наперед, "перед всеми" и "доказать" свою любовь к Богу через жертвование. Выйти второй и третий раз было еще большим проявлением преданности Богу.

Трудно поверить, что он занял для этого сбора два с половиной часа после окончания назначенного собрания. Я наблюдал на лицах некоторых людей удивление, подобно моему. Несколько сот людей вышли из собрания. Но большая честь собрания, казалось, была в восхищении от его поступка. Иногда вся палатка, поднимаясь одновременно на ноги, двигалась вперед, чтобы положить деньги в жертвенное ведро у ног проповедника.

Наконец, когда только последний доллар остался в кошельке или сумочке жертвователей, он склонил свою голову для благодарственной молитвы. С быстротой военного маневра Эдвард и его группа распорядителей двинулась к платформе. Не успел Смит запротестовать, как они подхватили ведерка и направились в заднюю часть платформы.

"Вы мужчины! Эй, братья!" Заикался Смит. "Я, я благословлял эти дары".

"Аминь" повторили распорядители и скрылись за занавес в маленькой конторке, начав считать деньги.

Не прошло и несколько минут, как ворвался через занавес Смит. Его лицо пылало гневом.

"Это мое!" он сказал. "Это все мое!"

Он держал старый, с мягкими боками чемоданчик, которым он ударил по столу. Я не видал этого чемодана в машине, когда мы трое ехали из Дауни на собрание. Он открыл чемоданчик и начал наполнять его бумажками, которые лежали на столе.

Эдвард схватил ручку чемодана, а другой мужчина ухватил Смита за руку.

"Не троньте его!" Я произнес эти слова. "Не троньте его даже пальцем".

Распорядители в недоумении посмотрели на меня. Я был в таком же недоумении, как и они. В миг мне показалось, что я смотрю не на весьма возбужденного и злого проповедника, а на Саула, царя Израиля и слышу слова Библии:

"...ибо кто, подняв руку на помазанника Господня, останется ненаказанным?"

(1Царств 26:9).

Я помнил, что это были слова Давида о Сауле, после того как Саул отошел от Господа, ослушался Бога и активно боролся с Богом. Все же Саул оставался в очах Давида человеком,

через которого изливалась Божья сила и благословения, так как я видел их изливающихся через Боба Смита.

Смит продолжал набивать деньгами чемодан, как только скоро он мог это делать.

"Демос!" сказал Эдвард, "разве ты не видишь, что делается?"

"Я вижу".

"И мы отпустим его с деньгами?"

"Почему нет, " - сказал Смит. "Это мои деньги, не так ли?" Он держал теперь чемоданчик ниже стола, загребая руками деньги.

"Да, Баб, они твои", я согласился, с трудом доверяя моему голосу. "Бог не посылает Своих денег такими способами".

"Способы", возразил Смит с пренебрежением. Вы ничего не знаете про способы. Вы глупец, Шакариян. Вы все глупцы!" Он щелкнул замочком чемодана и стоял, смотря на небольшой кружок проповедников и мирян. "Между вами произошли великие дела, а вы и этого не знаете".

Он начал отступать к двери, чувствуя раздвигающуюся занавеску. Через минуту он исчез.

Я вынужден был положить мои обе руки на плечи Эдварда и сдерживать его от погони за Смитом. "Оставьте его!" я повторял. "Чтобы мы делали с этими деньгами? Они не Божьи и я не верю, что Бог их благословит".

Опять я почувствовал, что выражал слова, которые не были моими. Когда все это закончилось, я почувствовал великую усталость людьми, собраниями, палаткой, платформами, громкоговорителями. Мы вышли опять в громадную палатку. Толпы медленно двигались по проходам к выходу. Группы добровольцев из церквей складывали стулья. После Смита не было и следа.

Я встретился с Розой и сказал ей ехать домой. Пройдут часы, прежде чем я закончу мою работу сегодня вечером. Мне следует организовать зачистку места, разбор палатки и выезд из города. Завтра я опять буду здесь с рабочими, чтобы выложить заново потоптанную траву. И я так заболел от всего этого, весьма крепко заболел.

Дома, в комнате Ричарда не было и следа человека, который жил с нами шесть недель. В чулане не было его одежды, не было его двух синих чемоданов, даже зубной щетки, которая висела около умывальника, и той не стало. Когда он сложил свои вещи никто из нас не заметил. И разумеется, никто из нашей семьи не услышал от него прощального слова до свидания и благодарности для Розы за все время ее гостеприимства.

Шесть лет позже я услышал о Бабе Смите. Затем, в одно утро он сам зашел в главную контору Рилаенс Номер Три, худой, небритый, бедно одетый - с видом человека без копейки. Он рассказал мне длинную, несчастную историю своей жизни и просил денег доехать до Детройта, чем я ему и услужил. Три года позже я услышал, что он умер.

Таким был первый, но не последний случай, который мы с Розой встретили. Здесь был человек с большими Божьими дарами служение ближним, но личная жизнь которого была неприличной. Иногда, как в случае со Смитом - деньги. В других случаях - алкоголь. А еще иногда - женщины, наркотики или сексуальное извращение.

Почему Бог чтит служение таких людей? Была ли это сила Священного Писания, которая действовала независимо человека, который цитировал Писание? Была ли это вера слушателей? Я не знаю.

Я был уверен только в двух вещах. Я знал, что люди, которые отдали свои сердца и кошельки Богу в таких собраниях не потеряют своей награды по причине погрешностей служащего им человека. Слова, которые я, не вполне понимая, сказал, стались верными.

"Не троньте его".

Такие люди находятся в Божьих руках. Я обнаружил эту истину без долгого раздумывания. Очень часто я размышлял над словами Чарлза Прайса, выраженные с глубокой скорбью в его очах:

"Солдаты, которые на первой линии фронта, терпят ранения".

И я думал об опасностях и искушениях в жизни таких людей и спрашивал себя, достаточно ли я молился о Бабе Смите...

Чарлз Прайс был покойным. Он умер, как ему было открыто, в 1946 году. Моя мать, хотя в постоянных болях, все еще жила. После смерти Каролины вся семья беспокоилась, что мама скоро уйдет. Толстые маленькие ручки Каролины, держась за высохшие руки матери, как бы удерживали ее, и были силой для ее жизни.

Было у нас еще одно незаконченное дело. Наша сестра Флоренс, в возрасте двадцати одного года была еще незамужней - что для армянской матери было невозможным в таком состоянии оставить земную жизнь. И когда Флоренс заручилась за статного молодого армянина, мать которого перед этим несколько лет умерла, моя мать приняла на себя заботу о свадьбе.

Ее сила в эти месяцы была тайной врачам, которые не могли понять, как она могла держаться на ногах. Она ходила за покупками, она шила, она почти приготовила все разнообразие пищи для банкета после бракосочетания.

И после всего, когда счастливая молодая пара уехала на медовый месяц, она опять слегла в постель. Ее болезнь, рак, прогрессировал за пределы, где медикаменты не могли уменьшить ее боли, хотя я никогда не слышал и единого слова огорчения с уст матери, лишь благодарность Богу за все, что она могла сделать для семьи.

Др. Джон Лири, специалист, который лечил мать последние месяцы, часто заходил в большой испанский дом по утрам, чтобы, как он говорил мне, правильно начать день. Он рассказал мне, что у него были десятки пациентов, менее больных, чем мать, переживания которых его утомляли. "Но пятнадцать минут с твоей матерью, Демос, в начале дня, укрепляли меня на всякие приключения дня".

Когда она умерла в ноябре 1947 года в возрасте пятидесяти лет, я узнал, как много людей укреплялось ее терпением. Ее похороны в Дауни были наибольшими в истории городка. Все пришли на похороны, начиная представителями общества до бездомных, проходящих городом людей. Здесь я узнал широту гостеприимства матери.

Но во многих других отношениях, самой важной личностью здесь был самый младший член семьи, беззаботно спящий на руках Розы четырехмесячный Стефан.

Когда мы узнали о приходе нашего следующего ребенка, мы чувствовали, что это совпадает с состоянием матери и что она еще будет держать на своих руках нашего ребенка перед смертью. И так случилось. После того, как др. Лари запретил другим посещать мать, мы приносили Стефана в комнату матери. Мать гладила его мягкие черные кудри и приговаривала: - мы вынуждены были склонять наши головы, чтобы слышать - "Второй сын... Никогда, никогда подобного не случилось, чтобы

Бог послал второго сына..."

Время испытаний

Отец опять занят делами в конторе. На последней неделе жизни матери он провел каждый день в ее комнате. Он за рабочим столом против моего в Рилаенс Номер Три, двигает бровями и морщится при чтении квартального отчета.

«Ты нагромождаешь зерна, сынок», - сказал он, указывая на цифры, показывающие наш запас зерна больше, чем мы на это время нуждались. Отец никогда не удовлетворялся нашими мукомольными делами по причине неустойчивой цены на зерно.

Но с таким противоречием вряд ли можно было согласиться в послевоенные годы роста цен. Зимой 1947-48 года всякий, кто имел дело с товарами, соглашался лишь в одном, что только государственное ограничение удерживало цены зерна на одном уровне. Овес, ячмень, кукуруза, хлопковые семена, соевые бобы, на все эти продукты цены стояли месяцами на одном уровне, готовые во всякое время подняться вверх. Как только снимется ограничение, они сейчас пойдут вверх.

Мои расчеты отец заметил своим острым армянским глазом, когда рассматривал цифры. Его нахмуренность увеличивалась еще сильнее, когда он заметил, что я закупил на сотни тысяч долларов зерна по теперешним ценам с доставкой на следующую осень.

Закончив такую сделку, я зажег фитиль бомбы.

ФРЕСНО. Имя это все время приходило мне на память при разных случаях.

Почему я должен думать о Фресно? Фресно был небольшим городком около трех сот километров на север от Лос Анжелеса, через который я проехал много раз. Но я никого не знал в этом городе и ни с кем не имел особых связей. Почему так неожиданно у меня на уме Фресно? Наше переживание с Бобом Смитом еще жалило нас, поэтому мы с Розой еще много не говорили и не имели планов на следующее лето.

Некоторые советовали нам опять держать собрания в Ист Лос Анжелесе, и, казалось, что это была добрая мысль.

Вернувшись однажды вечером домой, я решил поговорить с Розой, которая укладывала в спальне маленького Стефана в его кроватку. "Дорогая", я сказал, "на пути домой целый вечер я не могу избавиться от названия одного города. Я не могу перестать думать о нем".

Роза, приподнявшись, посмотрела на меня. "Не вспоминай названия! Со мной происходит то же самое!" Она выключила свет и мы тихонько вышли из комнаты. В коридоре она заговорила ко мне.

"Фресно, не так ли?"

"Да, Фресно".

Но чтобы определенно знать, где Бог хочет нас использовать, нам необходимо было разрешить следующий вопрос - как? У нас не было там связей и знакомства с местом.

Наконец через одного проповедника в Л. А я получил имя пастора церкви Божьих Собраний в Фресно. Я позвонил ему и расспросил его о возможностях устроить собрания следующим летом в их городе. На телефоне последовало долгое молчание.

Наконец он сказал, что обратно позвонит мне и через несколько недель он и тридцать три других пасторов были моими гостями на обеде бифштекса в Калифорнийской Гостинице в Фресно. Временем испытанный армянский метод кормить тело с душой выразился в доброй посещаемости, во всяком случае, не по причине энтузиазма в предприятии. Я никогда не наблюдал таких подозрительных лиц, которые смотрели на меня, когда я поднялся говорить.

Я рассказал о палаточных собраниях, которые мы устраивали в Лос Анжелесе семь летних сезонов, допуская, что тысячи людей познали Господа, благодаря этим собраниям. Наступила тишина. Недружелюбные взгляды. Наконец один проповедник поднялся на ноги и высказал то, что, очевидно, было на уме всех остальных: "Какая с этого польза, господин Шакариян? Что у вас позади всего этого в вашем рукаве?"

Прилив крови ударил мне в лицо, но я сумел удержать себя. Если какое основание для того, что они доверяли мне, полному незнакомцу? Я подумал о Бабе Смите и впервые

почувствовал удовлетворение от пережитого с ним. Бог знал, что я был малосообразительный. Может быть, Он хотел хорошенько натереть мне лицо и этим проучить меня. Пастор имеет право быть подозрительным, спрашивать вопросы, когда это касается благосостояния его народа.

И я перед этими тридцати тремя пасторами объяснил ход дела: я не был на содержании и покрывал все мои расходы. Здесь в Фресно расходы будут выше обыкновенных, так как нам с Розой придется поселиться и жить во все время этих собраний. После покрытия главных расходов - объявлений, разбивки палатки и других - остальные деньги, собранные во время собраний, будут обоюдной собственностью участвующих церквей. С другой стороны, если бы случился дефицит - я соглашаюсь покрыть недочет моими личными средствами.

"Какая мне с этого польза?" Я задал вопрос. Вынув из кармана Новый Завет, я прочитал вслух стихи из Первого Послания Коринфянам 12 главы, которые приобрели для меня особое значение. "Друзья", сказал я, "я уверен, что Бог имеет для каждого из нас, Его служителей, дар, особое служение для созидания Его Царствия.

Если мы его найдем и используем - мы будем наисчастливейшими людьми на земле.

Если же мы упустим эту возможность, независимо сколько добрых дел мы бы ни сделали, мы будем очень несчастными.

"Я счастлив", я продолжал. "Я нашел мое дело. Мой дар- дар вспоможения, как и сказано здесь. Мое призвание помогать другим делать то, что они наилучше могут делать. Я помогу вам собраться, найду помещение, помогу найти спикеров. Какая мне с этого польза - радость от применения моего таланта, который даровал мне Бог.

Я согнул мою левую руку и посмотрел в рукав пиджака. "Нет, ничего здесь нет" повторил я...

Последовал взрыв бурного смеха, который переменял настроение. Со всех концов помещения последовали совет для успеха собраний в Фресно. Один из них имел связь с местной радиостанцией, другой знал заведующего типографии. Осень будет лучшим временем для собраний, чем лето здесь, в Фресно, сейчас же в октябре после сбора винограда. В центре города был огромный зал - Мемориальная Аудитория, которая может быть более удобной, чем палатка.

"Кажется, что следующих несколько месяцев мы будем весьма занятыми Демос", сказал Флойд Хавкинс, один из пасторов, прощаясь со мной у моего автомобиля.

"Ты будешь много отсутствовать от твоей работы. Надеюсь, что твои коммерческие дела будут идти хорошо".

Я заверил его улыбкой. "Лучше быть не может, Флойд", я ответил ему. "Лучше быть не может". Я снял не меблированный деревянный дом на улице Г, всего пять кварталов от Мемориал Аудитории в Фресно. Мебель не составляла для меня трудностей.

Когда пришло время, я нагрузил один из наших больших дизельных грузовиков вещами, которые были нам необходимы, как стулья, столы, кровати - и, как Роза напомнила мне, "прачечную машину". « Я не справлюсь с пеленками без машины».

Дом был весьма просторным, так что многие проповедники жили с нами, как когда-то в Д Дауни. На этот раз мы имели нового проповедника каждую неделю.

Мы согласились держать собрания пять недель. Обычно мы приезжали с Розой на одну неделю раньше и после собраний дней на десять хватало работы, чтобы привести все в порядок. Мы решили, что нашей девятилетней Гери не составит никаких трудностей посещать в это время школу в Фресно, но для Ричарда, который был в восьмом классе, лучше не пропускать его регулярных классов на месте. Без слов, для нас это было очень удовлетворяющее разрешение вопроса, за исключением того, что сделать с отцом, которого мы не могли оставить одного. По смерти матери отец переживал такое сильное одиночество, что, как говорится, его можно было тронуть пальцами. Так мы и решили, что Ричард останется с дедушкой и что оба они в конце недели будут приезжать к нам.

Окончательное благословение нашего проекта выразилось в том, что практическая медсестра, Ньюман, которая заботилась о наших детях, когда они приходили из госпиталя домой, поедет с нами и таким образом даст возможность для Розы играть на пианино в собраниях.

И с полным сознанием, что Бог руководил нами в составлении этой программы, я заехал в понедельник утром в октябре в мельницу, чтобы сделать последние решения перед выездом в Фресно. К моему удивлению наш бухгалтер Маурис Врунах стоял у передней двери. Его лицо было такой же мучной мелкой пыли, которая покрывала все остальное в мельнице.

"Так и случилось, Демос". В своих руках он держал "Что случилось?"

"Ограничения на цены. Торговля товарами открылась сегодня утром в Чикаго без ограничений".

"Прекрасно, Маурис! Мы этого..." Выражение лица Мауриса меня остановило. Я тихо последовал за ним в контору и присел - и хорошо, что я сел.

"Я не думаю, что это хорошо, Демос".

"Ты думаешь, что цены не сменились?"

"Верю, они сменились. Они упали. Он сверился в бумагах, которые держал в руках.

На нашей теперешней закупке мы потеряли 10,500 долларов. Но поставка зерна к нам поступает ежедневно и у нас нет места для хранения такого количества зерна. Мы вынуждены продавать зерно и это все будет стоить нам деньги".

Я взял бумаги из рук Мауриса. Правила на торговой бирже разрешают понижение цены на каждой сессии. Через несколько минут после открытия биржи, я видел как цены на зерно пали на максимальный уровень. А мы заплатили высокую цену, когда закупили зерно несколько месяцев тому назад.

"На этом еще не конец с падением цен, Демос. Если цены на бирже будут падать, это погубит нас..."

Ошеломленный я вышел из мельницы. Трудно было себе представить случившееся.

Но оно случилось. Даже когда я садился в мой автомобиль, новый вагон зерна подгонялся на запасной путь. С печалью я посчитал, сколько долларов стоит мне этот вагон зерна.

На следующее утро, во вторник, я погрузил прачечную машину и немного мебели в грузовую машину и отправил в Фресно. Когда я вошел в дом, раздался телефонный звонок.

Маурис Врунах. "Опять все пошло своей дорогой, сказал он. Когда открылась на бирже торговля в Чикаго, цены на зерно снова непредвиденно пали на самый низкий уровень, допускаемый на бирже. Менее чем в один час мы опять потеряли больше, чем 10,000 долларов".

"Жаль, что все так случилось перед кампанией в Фресно", продолжал Маурис. "Я знаю, какое значение имела бы для тебя эта кампания!"

"Имела бы?"

"А теперь вряд ли ты сможешь уехать! Демос... ты слышишь меня?"

Да, я слушал, но мой ум ушел на три с половиной года назад к одному обещанию.

Божье дело должно быть на первом месте. Прежде семьи. Прежде молочной. Прежде всего другого в этом мире.

"Я должен ехать, Маурис", ответил я. "Смотри, здесь в падении этих цен какая-то подделка. Они должны выровняться. Мы будем держать связь на телефоне".

Всю дорогу в Фресно какой-то негромкий голос все время твердил мне с визгом колес: "Ты разоришься. Ты потеряешь мельницу. Ты разоришься..."

Я приготовлял кровать для Стефана в доме на улице Г поздно после обеда, когда раздался тихий плач в кухне, где Роза и госпожа Ньюман складывали тарелки.

"Мои часы!" Вскрикнула Роза, стоя на лестнице. Я не имею их на моей руке!"

Я второпях вошел в кухню и посмотрел на нее, припоминая тот вечер, когда я зашел в дом Габрилеянов и помог замкнуть часы на руке Розы. "Ты уверена, что имела их на руке! Я припоминаю, что смотрела на них, когда вышла из машины".

Мы перевернули кухню вверх дном. Я даже сходил к машине, искал на тротуаре между машиной и домом. Роза припомнила, что занималась распаковкой некоторых вещей в комнате Гери. Но прежде, чем мы начали поиски там, нас обоих позвала госпожа Ньюман в комнату Стефана, где она надевала на него ночную рубашку. "Троньте его голову", сказала она. "Он целый день не свой, нервничал всю дорогу в автомобиле."

Я измеряю температуру".

Мы трое тихо стояли в небольшой незнакомой комнате, когда она подняла термометр к свету синего цвета лампы. Ее глаза широко открылись.

"Сто четыре с половиной..."

Один из пасторов в Фресно дал мне имя доктора, но, когда он приехал, он только мог подтвердить высоту температуры, которую определила госпожа Ньюман и советовал продолжать вытирания алкоголем, что она уже начала.

Вытирание губкой, холодный компресс, аспирин, ничто не понижало горячки. К утру глаза Стефана были стеклянными, его кожа, при прикосновении, казалась сухой.

Врач посетил опять и написал несколько рецептов. Я упрасивал Розу прилечь и отдохнуть, но она вряд ли слышала меня.

Когда к вечеру положение Стефана не улучшилось, я позвонил домой, чтобы отец и церковь молились, и узнал, что на бирже с зерном произошла новая катастрофа.

Усталая, Роза, наконец, уснула, а мы вместе с госпожой Ньюман поочередно дежурили у колыбели.

Во вторник утром мы начали собрание планирования с распорядителями мест и советниками, но я не мог думать о том, чем мы были заняты. Я постоянно выходил к телефону и звонил на квартиру на улице Г, чтобы слышать: "Нет перемены". "Он в горячке". "Он не может глотать".

В продолжение трех дней не последовало улучшения. Нам жалко было смотреть на такого живого, маленького мальчика, который теперь так тихо лежал, вздрагивая грудью, чтобы схватить воздуха. Роза и госпожа Ньюман целыми часами стояли у колыбели и ложечкой поили его, освежая его высохшие маленькие уста.

Мысль о мельнице совершенно вышла из моей головы, когда после полудня в пятницу

Маурис Врунах позвонил мне и сказал, что за всю неделю мы потеряли 50,000 долларов. Пришла суббота. Собрания были назначены на следующий день, а положение Стефана не улучшалось. Местный магазин подарил нам светло синий ковер, чтобы покрыть переднюю часть аудитории перед платформой, размером 15 метров на 100. В субботу я пришел, чтобы распорядится его укладкой. Внезапно я почувствовал, что если я не уклонюсь в сторону, то я буду плакать.

"Вы не нуждаетесь во мне", пробормотал я человеку из Джозефин Мебельного магазина. Я быстро прошел к машине, сел и начал ехать. Я проехал городом в Сан Джааквин долину. В виноградниках желто-коричневые листья виноградных лоз печально шелестели, касаясь столбиков, продуваемых октябрьским ветерком.

"Господь Иисус, Ты Лоза. Мы только прутики и веточки. Без Тебя мы не можем делать ничего. На этой неделе я сделал меньше, чем ничего. Потому ли это, что Ты не участвуешь в этой кампании? Начал ли я все это дело без Тебя?"

Когда я говорил это, я уже слышал голос, отвечающий мне. Внутренний голос, но такой ясный, как если бы я слышал моими ушами.

Демос, оставь эту кампанию в Фресно. Тебе следует вернуться в Лос Анжелос и заняться необходимым досмотром твоего ребенка и коммерции. Ты причиняешь бесславию Моему имени болезнью мальчика и торговыми потерями.

Я съехал с дороги на сторону и выключил мотор дрожащими руками. Даже среди страха и тревоги я не ожидал такого ответа. Выходит, что все воодушевление, все ответенные молитвы, были как бы только в моем воображении.

Но... что мне делать теперь? Определенно, уже слишком поздно, чтобы задержать дело, которое продвинулось так далеко.

Здесь только твоя гордость, Демос. Ты боишься быть высмеянным.

Наконец я завел машину и приехал обратно к дому на улице Г. Температура Стефана все еще стояла 104 градуса. Госпожа Ньюман сообщила мне, что приехал Били Адаме, наш руководитель пения из Лос Анжелеса и ушел посмотреть аудиторию. Роза отдыхала в комнате Гери. Впервые я осознал мою изнуренность. Я прилеж, чтобы заснуть, но сна не было.

Ты должен оставить эту кампанию. Тебе следует вернуться в Лос Анжелос.

Всю ночь я беспокойно метался на постели. Я слышал тяжелый, сухой кашель Стефана. Я слышал приход Били Адамса. Я слышал, как Роза приготавливала холодный компресс на кухне.

Твоя гордость... твоя гордость...

На дворе уже светлело. Стефан начал плакать слабеньким, невыразительным, маленьким хныканьем. Вряд ли Бог начнет карать маленькое дитя, чтобы научить меня смирению. Но обвинительный голос продолжался.

Оставь кампанию. Вернись в Лос Анжелос. Ты разоришься...

Я сидел в кровати так прямо, как удар грома. Я распознал голос. Это был тот же самый голос, который шептал мне на пути во вторник, когда мы ехали в Фресно. И опять вчера в винограднике. Страх. Сомненье. Замешательство. Пренебрежение собой. Все эти явления не были признаками Божьего присутствия. Они были инструментом великого обманщика.

И так, как он против этих собраний, так Бог за то, чтобы они начались и продолжались.

"Роза! Били!"

Я бросился в переднюю комнату, где Роза прохаживалась со Стефаном. Били Адаме вышел из кухни с кофейником только что сваренного кофе.

"Это был сам сатана", я сказал им. "Сатана пробовал сорвать все наши планы. Бог желает, чтобы мы проводили эти собрания!"

Били поставил кофейник на покрытый стеклом стол. "Были ли у тебя сомнения, Демос?"

И такая была тонкая и разрушительная атака сатаны, что я должен признаться, что начал сомневаться.

"Но больше этого не будет!" "Мы после обеда пойдем в собрание, и будем славить Бога, и мы посмеемся в лицо сатаны".

И так мы сделали, проявляя Божью победу, как будто бы ничего и не случилось. Всю дорогу, пять кварталов расстояния к аудитории. Роза печалилась, что нужно было расстаться со Стефаном, но мы напомнили один другому, что с госпожой Ньюман он был в наилучших руках.

Когда же высокий занавес в аудитории раздвинулся, и Роза у пианино ударила первый аккорды радостного вступительного гимна, который наполнил весь городской зал, вряд ли, кто мог подумать, что у нее были переживания. Затем Били подошел к микрофону и попросил всю церковь встать на ноги для молитвы и просить Бога об исцелении Стефана. Мы все молились, пели и славили Бога. Так сильно было присутствие Духа в собрании, что когда мы вернулись домой на ужин перед вечерним собранием, мы все ожидали, что Стефан ковыляя встретит нас у двери.

Но, пока не было перемены. Госпожа Ньюман меняла его потные ночные рубашки, а Гери постилала свежие простыни в кровати.

Не было перемены и в полночь, когда мы вернулись с вечернего собрания. Высокая, как и прежде, температура и тусклые, невыразительные глаза.

Все же, все же, что-то особое случилось в этом небольшом деревянном доме. Первый раз после нашего приезда я уснул, как только моя голова коснулась подушки.

Утром меня разбудила госпожа Ньюман, постучав в мою дверь. "Горячки больше нет!"

Температура нормальная! Придите, посмотрите!"

Все мы: госпожа Ньюман, Роза, Гери и я столпились возле кровати. Стефан спокойно лежал на боку, бледный, с усталым видом, но его большие коричневые глаза сияли прежним блеском.

"Хочу пряника", сказал он.

Когда мы ушли на послеобеденное собрание, он уже сидел и заканчивал кушать целую коробку пряников. На следующее утро не было и признаков, что он был болен.

Во время этой болезни мы мало думали о нашем коммерческом кризисе, еще меньше о потерянных Розой часах. "А теперь", сказала Роза, "уже среда и я пойду опять искать мои часы. Нам следовало бы знать с самого начала, кто был позади всех этих неприятностей, Демос. Это он сатана сыграл над нами свои злые шутки.

Мы все занялись поисками часов, обыскивая всякий ящик, чуланчик, карманы, закладки в одежде.

Часов нет.

Не было и новостей приятных из мельницы. Падение цен на зерно не было случайностью, а всеобщим упадком цен на товары по всей стране. Каждый день наша мельница теряла тысячи долларов.

Когда отец с Ричардом в конце недели приехали к нам, он был весьма озабочен. "Мы не можем так дальше продолжать, Демос. Если пойдет так еще несколько недель, как прошлые, мы потеряем все наше предприятие".

В субботу утром мы с отцом и Ричардом ехали на районную выставку в Фресно. Для молочника нет большего удовольствия, как любоваться хорошими коровами. Я рассчитывал, что это поможет отцу забыть наши финансовые потери хоть на некоторое время.

Время прошло очень скоро, и нам нужно было торопиться на послеобеденное собрание.

У выхода с выставки Ричард остановился, очарованный человеком, продающим маленьких зеленых ящериц по одному доллару за штуку.

"Папа, купи мне одну..."

"Не будь глупым, сынок! Ты хочешь перепугать маму, этой слизкой ящерицей в доме".

"Пожалуйста, папа! Пожалуйста! Они не слизкие!" Он поднял одну из этих тварей и нежно погладил ее пальцем "Пожалуйста, папа!"

Я с удивлением посмотрел на Ричарда. Он никогда раньше не настаивал на своем. Я еще больше был удивлен, когда отец вынул из кармана доллар и дал ему.

"Пусть мальчик имеет ящерицу", он побранил меня.

Я со вздохом сел в машину. Отец никогда не был таким сочувственным, когда я был мальчиком. На улице Г. я обратился к Ричарду. "Теперь, Ричард, ты должен отпустить это существо в траву. Я не хочу в доме слышать визжащих женщин".

"О кей, папа, но я только хочу показать ее для Гери. Скажи ей, чтобы она вышла!"

Но к моему ужасу вышла госпожа Ньюман. Она заглянула в руки Ричарда и приятно улыбнулась "хамелеон", вскрикнула она. "О, какое красивенькое существо!"

Мы сейчас найдем коробочку, в которой будем держать его". Она быстро направилась к куче отбросов, которые имелись быть подобранными в субботу после обеда.

Хамелеон. Вот что это. Госпожа Ньюман рылась, в поисках коробки. "Эта слишком большая. Нет, нам нужна с высокими боками! А эта вот как раз то, что нам нужно".

Она подняла крышку с коробки, в которых упаковываются ботинки. Эту коробку через час увезла бы грузовая машина на свалку.

На дне коробки лежали бриллиантовые часы.

Так что в этот день вся семья, кроме одной весьма популярной ящерицы, еще приобрели познание того, что Бог вникает во все детали нашей жизни.

Наши собрания проходили с великим успехом уже третью неделю. Толпы росли с каждым днем и чудеса совершались на синем ковре в каждом собрании. Я начал думать о том, не угодно ли будет Господу выручить наше распадающееся мукомольное дело. Неприбыльная мельница была для Него не больше потерянных, но найденных часов. Мы продолжали

платить прошлогодние высокие цены за зерно и каждый день вынуждены были продавать за низкие цены.

Время шло, а перемен к лучшему не было, наоборот - становилось хуже. Настало странное время. Каждого дня в наших поучительных собраниях сотни новообращенных христиан были наставлены в их новой вере. Каждый вечер новые сотни выходили наперед, отдавали свою жизнь Христу, исцелялись или получали крещение Духом. И каждое утро я проводил время на телефоне с нашим торговым представителем и покупателями, теряя тысячи долларов.

Мне припомнилось наше первое палаточное собрание на Гудрич бульваре, где евангелизация была успешной, а мое коммерческое предприятие химического удобрения провалилось. "Господи, если Ты говоришь мне, что люди в Фресно более важны, чем моя кормовая мельница, с Тобой не буду спорить. Только, как было бы хорошо, если бы Ты сказал мне это перед тем, как я закупил зерно".

Я сидел в кухне в доме на улице Г. Было красивое позднее октябрьское утро. Все другие были заняты своими делами вне дома. В этой домашней тишине, лишь с гуденьем холодильника для компании, как будто я слышу голос, который очень нежно напоминает мне:

«Я говорил тебе, Демос.»

Я переменял мое положение, сидя на твердом деревянном стуле. Верно ли это?

Предупреждал ли меня Бог от начала через моего отца в этом случае?

В особенности в случае с мельницей... Слышал ли ясно от Бога, что это был Его план для семьи Шакариянов? Или это была лишь моя светлая идея? Часть логики, часть зависти, немножко желания создать империю, человеком, которого Бог уже благословил обилием. Теперь, когда впервые я сознательно и определенно спросил Бога о моих мукомольных делах, я услышал очень громко и ясно:

«Это не для тебя, Демос. Спекулятивная коммерция требует всего времени и Я никогда не дам тебе полного времени для коммерческих дел.»

Я сейчас же склонил мои колени у этого деревянного стула. "Господь Иисус, прости мне, что я забежал впереди Тебя .в торговлю, которую Ты мне никогда не поручал.

Где-то, Господи, есть человек, который может прибыльно повести это дело. Пошли его нам, Господь и Господь..." Я посмотрел вокруг себя с сознанием вины, но вокруг не было никого и было бесполезно таить от Бога, что было в моем сердце, так как Он знает каждый уголок сердца.

"Господи, пусть этот покупатель предложит нам хорошую цену".

Я ожидал, что отцу понравится мысль продать мельницу. Но когда я сказал ему об этом на следующей неделе, он только покачал головой. "Где ты найдешь покупателя в такое время? Никто не купит предприятие, связанное с зерном. Мельница теперь теряет свою стоимость с каждым днем. Остается лишь ожидать банкротства и некоторого сбережения на податях".

"Мельница будет продана, отец". Я сказал это, чтобы поддержать настроение отца.

"И мы возьмем хорошую цену".

Третья неделя собраний закончилась в воскресенье в Фресно при переполненном помещении. Вильям Вранам был проповедником на эту неделю. Когда пятилетняя глухонемая двойня получила исцеление (внезапно начала слышать и говорить между собою звуками без значения, так как они никогда не слышали настоящей речи), все собрание взорвалось от радости, которую мы никогда раньше не наблюдали.

На четвертой неделе в среду утром отец позвонил мне из Лос Анжелеса.

"Демос", сказал он, "ты может быть не поверишь, но мне только что позвонил Адольф Вейнберг. Он хочет купить наше мукомольное предприятие".

Вейнберг, подобно нам, был южно Калифорнийским фермером. Он был религиозным евреем, который был неон признает Божьим.

Адольф, рассказал господин Вейнберг, что голос обратился ко мне. Я хочу, чтобы ты позвонил Исааку и предложил ему купить его мельницу.

Покоряясь, он позвонил отцу. Он желал немедленной встречи и условий продажи.

"Я не могу себе представить" повторял отец.. "Теперь, в это время! Как он даже мог знать, что мы хотим продать. Говорил ли ты кому другому, кроме меня?"

"Нет, отец".

"Никому", добивался отец. Он готов немедленно приступить к делу. Как скоро ты можешь приехать?"

"Отец, ты знаешь, что я не могу этого сделать теперь"

"Ради Бога, почему ты не можешь приехать?"

"Потому, что еще остается две недели собраний, кроме времени для приведения в порядок остальных дел".

"Но собрания несколько дней могут проходить без тебя! Разве для тебя так необходимо все время быть там?"

"Не ради собраний, но ради меня. Бог меня здесь чему-то учит. Отец, с тех пор как начались собрания, нечто особое происходит здесь. По каким-то причинам для меня это является испытанием, более, чем я когда переживал прежде. Кто должен быть первым? Бог спрашивает меня этот вопрос, отец и я хочу дать Богу правильный ответ".

"А если Вейнберг передумает?"

"Если он покупатель от Бога, то он не передумает".

В течение последующих десяти дней, каждого дня звонил Адольф Вейнберг отцу. Для него было непонятным, что могло задерживать его, покупателя с наличным капиталом в руках, когда цены падали каждый день. Мне тоже это не было ясно. Я лишь знал, что Божье место для меня было здесь в Фресно.

Наконец, наступил последний день пятидневной кампании. Послеобеденное собрание было назначено на половину третьего. В половине первого все места в аудитории на 3500 мест были заняты. В два часа 1500 человек стояли у стен, сотни толпились на улице. В пять часов собрание должно закончиться, но дух хваления в громадной аудитории был так силен, что я не мог закончить собрания, если бы и хотел.

Шесть часов. Семь. И ни одна душа не вышла из собрания. Преобладающее большинство присутствующих были здесь еще до обеда, но никто не хотел идти на обед, опасаясь, что, вернувшись, не смогут войти в помещение.

Программу вечернего собрания мы вынуждены были переменить, после того как Дух занял руководство собранием. Келсо Гловер был спикером на этой окончательной неделе, но в этот вечер мы совершенно потеряли контроль собранием.

"Было нечто, подобное воде", сказал он мне. Сила текла по ковру, подобно воде.

Когда я подошел к тому месту, мне казалось, что я по колена бреду в воде".

Люди начинали выходить наперед и исцелялись на пути в проходах. Молодой человек приехал на собрание со страшной болью поврежденного глаза. День перед этим он пахал землю между персиковыми деревьями. Выхлопной трубой трактора он задел бельевую веревку, которая натянувшись порвалась и ударила его по левому глазу.

Доктор наложил на глаз большой бандаж, но не сказал ничего обещающего - будет ли он видеть на этот глаз или нет.

Ока Татам вышел наперед, как он сказал нам позже, почти падая в обморок от боли.

Как только рука Келсо Гловера коснулась его головы, боль моментально прекратилась, и сильная уверенность в исцелении ободрила его.

Перед 5,000 толпой Татам начал разворачивать повязку. Один за другим круги повязки спадали с его головы, пока не появился бугорок белого бинта у его ног.

Внутренний бандаж был прикреплен клейким бинтом. Он сорвал его.

Два здоровых голубых глаза уверенно смотрели, то на Келсо Гловера, то на меня. Не было царапин, не было синяков. Его левый глаз даже не был залит кровью.

Была полночь, когда это необыкновенное собрание пришло к концу. Оно продолжалось одиннадцать часов с половиною. Возвращаясь домой на улицу Г, я чувствовал себя свежее, чем утром перед собранием и Роза и Др. Гловер сказали то же самое. Я чувствовал внутреннее удовлетворение, как тот, который в рукопашном бою видеть своего врага бегущим. Опять мне припомнились слова Др. Чарлза Прайса:

"Мы участвуем в битве, Демос".

Может быть, размер победы и жестокость битвы не одинаковы. Может быть, враг борется более ожесточенно, где ему угрожает большая опасность...

Нам теперь оставалось только связать финансовые концы, начать воспитательную программу и закрыть дом. Вейнберг продолжал звонить по телефону.

"Я приеду домой в понедельник, господин Вейнберг, ответил я. Вы должны быть довольны, что не раньше. В каждый день ожидания цены падают ниже".

"Я предлагаю вам половину миллиона долларов наличными за предприятие, которое терпит убытки, а вы продолжаете задерживать. Я не вполне понимаю вашего мышления Шакариян".

"В понедельник после обеда", я дал мое слово. И в понедельник в два часа дня отец, Адольф Вейнберг и я начали торговый разговор сложной передачи мельницы, элеваторов и другого имущества. В конце первого заседания мы разошлись на 25,000 долларов.

"Это мое окончательное предложение", сказал Адольф Вейнберг. Я не могу пойти выше".

Я посмотрел через стол на отца, и он отрицательно кивнул головой, не соглашается.

"И это наше последнее слово тоже, господин Вейнберг".

Переговоры зашли в тупик. Мы так думали. На следующее утро в 6 часов утра позвонил телефон.

"Шакариян? Вейнберг. Согласны ли вы прийти ко мне на завтрак?"

Мы с отцом отправились к Вейнбергу на дом. За завтраком омлета он сказал нам, что Бог пробудил его опять посреди ночи и на этот раз с инструкцией: Позвони завтра утром Шакариянам и дай им просимую ими цену.

"Так вот мы здесь опять", сказал Адольф Вейнберг. Ваш покупатель. По вашей цене.

Дайте мне вашу руку Исаак и Демос. Я хочу спокойно спать опять целыми ночами".

И так Господь провел нас через самое трудное время в нашей жизни. Когда сатана атаковал нас, Господь позаботился, чтобы нам не потерпеть большой потери. Стефан вышел из своей болезни без повреждений. И Бог освободил нас от коммерческого дела, которое не было предназначено для нас. Под управлением Вейнберга мельница стала прибыльной.

У меня было сильное убеждение, что Бог допустил все эти переживания, как средство приготовления к новой работе, которую Он мне готовил. Что будет представлять из себя эта работа, я не имел представления. Но, без сомнения, работа эта будет сложной, если судить по приготовлению, которое я только что закончил и оно, без слов, было суровым.

Клифтонская кафетерия

Простые мужчины и женщины. Люди в магазинах, конторах и фабриках...

Я слышу слова Чарлза Прайса так ясно, так как будто бы он сидел против меня за столом. "Ты будешь свидетелем великих событий, предсказанных в Библии.

Прежде, чем Христос придет на землю, Божий Дух сойдет на всякую плоть".

И миряне, утверждал Др. Прайс, будут Божьими источниками - не священнослужители или теологи или весьма одаренные проповедники, но мужчины и женщины, простые рабочие в простом мире.

Др. Прайс начал говорить об этом пять, шесть, семь лет тому назад во время войны. Я мало обращал внимания. Казалось, что все это невозможное для обыкновенных людей, иметь такое же влияние, как и великий евангелист Чарлз Прайс.

Но в конце сороковых годов я сам начал думать о его словах все больше и больше.

Я размышлял о других вещах, как Кнот Бери Фарм, где лица присутствующих одного другим просвещались как бы от Божьей славы и влияния их рассказов на слушающих.

Какая непобедимая сила содержится в сотнях, тысячах таких мужчин, если они соединятся вместе для распространения Доброй Вести по всему свету..!

А потом я в мыслях моих опять возвращался к продукции молока и цифрам, которые были предо мною.

Но мысль эта не оставляла меня. Она пробуждала меня ночью. Она была со мной в конторе. Она горела во мне, когда я пел древние армянские мелодии в церкви на Гудрич бульвар.

Все это время мы с Розой не переставали приглашать проповедников на летние собрания. Казалось, что каждое лето собрания были более успешными, чем прежде.

Почему это странное беспокойство не оставляло меня, что эти собрания не были больше Божьим трудом для меня? В 1951 году мы помогли Оралу Робертсу начать его кампанию в Лос Анжелесе, самую большую, когда-либо проводимую в городе, которую посетили более 200 тысяч людей в шестнадцать дней. И все же...

"И все же", я сказал для Орала однажды, сидя за чашкой кофе и пирогом, во время всенощного обеда после собрания: " Я прихожу к убеждению, что Господь хочет показать мне что-то особое".

"Что это, Демос?"

"А это группа - группа мужчин. Не особых мужчин. Обыкновенных мужчин коммерсантов, тех, кто знают Господа и любят Его, но не знают, как это проявить".

"И что эта группа будет делать?"

"Они скажут другим, Орал. Не теории. Они расскажут о своем актуальном опыте с Богом для других, подобных им людей. Тем, которые, быть может, не поверят проповедникам, даже таким, как ты, но послушают водопроводчика, дантиста, торговца, потому что они водопроводчики, дантисты и торговцы сами.»

Орал поставил свою чашку кофе так сильно, что оно пролилось в блюдечко. "Демос, я понимаю, я слышу, брат! А как вы будете называть себя?"

"Я знаю и это. "Интернациональное Общение Коммерсантов Полного Евангелия".

Орал посмотрел на меня через стол, покрытый пластиковой скатертью. "Большой глоток такое имя".

"Да, но ведь каждое слово здесь необходимо". Полное Евангелие. Это значит, что в наших собраниях мы не будем уклоняться от учения Библии. Исцеления. Языки.

Избавление. В чем бы ни состоял наш опыт, мы будем говорить об этом, так как это случилось.

Коммерсанты. Миряне. Простые люди.

Общение. Так мы должны чувствовать себя. Группа людей, которые любят собираться вместе, управляющие собой не правилами, комитетами и собраниями, начинающимися "придем к порядку".

Интернациональное... Я знаю, что слово это звучит весьма странно". Я согласился.

"Но Орал, так я слышу, Бог говорит мне. Интернациональное. Весь мир. Всякая плоть". Я рассмеялся, слыша себя рассуждающего, как Др. Чарлз Прайс.

Но Орал не смеялся. "Демос", сказал он, "хорошее дело. В этом деле Бог. Могу ли я помочь тебе в чем-нибудь для начала?"

Так мы и решили. Собрание это мы согласились держать на втором этаже Клифтонской Кафетерии на улицах Бродвей и Седьмая. Там был большой зал, обычно переполненный в пик часы на неделе, но пустой по утрам в субботу. Я начал звонить по телефону всем исполненным Духом коммерсантам, кого только знал, объявляя наше первое собрание нового общения. Я просил их передать другим, что Орал Роберте будет нашим спикером и приглашать своих друзей на это собрание, чтобы сделать доброе начало. В одном углу этой большой комнаты стояло пианино, и Роза согласилась прийти и исполнить несколько гимнов.

Наконец наступил великий день. Движение в центре Лос Анжелеса в это октябрьское субботнее утро было очень большим. Мы с трудом с Розой и Оралом нашли стоянку для машины. С некоторым опозданием и возбуждением мы подошли к Клифтонской

Кафетерии и поднялись по широкой центральной лестнице. Сколько там наверху ожидает нас ? Три сотни ? Четыре сотни?

Мы уже были на самом верху лестницы. Я быстро посчитал. Девятнадцать... двадцать... двадцать один. Включая нас троих. Восемнадцать других были достаточно заинтересованы новой организацией, чтобы прийти даже при участии всемирно известного евангелиста.

Роза исполнила несколько гимнов на расстроенном пианино, но обстановка в комнате не вызвала энтузиазма в пении. Я посмотрел вокруг на собравшихся, все они были мои старые друзья. Посвященные и преданные христиане - все они по самую голову занятые в комитетах, клубах и общественных организациях. Все они были готовы помочь во всяком деле, где была нужна помощь, все они не желали затратить и минуты времени на предприятия, которых нельзя было сдвинуть с места.

Роза перестала играть, и я поднялся. Я объяснился в моем убеждении, что Дух Святой в очень недалеком времени будет искать новые источники для Своего действия. Я заметил, что некоторые из них начали посматривать на часы. "Ни органа. Ни цветных окон. Ничего особого, на что люди смогли бы направить свое внимание, как "религиозное". Лишь один человек рассказывает другому об Иисусе".

У меня никогда не было способности выразить мои мысли в словах, и я сел, зная, что ничего не сказал.

Затем поднялся Орал Роберте. Он начал благодарностью Богу за это малое собрание:

"Чтобы от начала это была Божья организация, выросшая в многочисленную из горчичного зерна, без славы человеческой способности. Он занял около двадцати минут времени и закончил молитвой. "Встанем", пригласил он.

Группка людей поднялась на ноги.

"Господь Иисус", молился Орал, "да растет это Общение в Твоей силе. Пошли его в Твоей силе во все народы. По всему миру. Мы благодарим Тебя теперь, Господь Иисус, за группку людей, которых видим в кафетерии, а Ты видишь их в тысячных отделах".

После этого случилось нечто необычайное. Маленькая группка, которая несколько минут до этого сидела подобно фермерским рабочим на заборе, внезапно ожила.

Мечты Орала о тысячах, высказанные в молитве, переменили настроение. Нам всем внезапно стало ясно, какое славное это будет явление, видеть Духом созданную маленькую группу, выросшую в мировую армию с тысячами отделов. Кто-то начал петь:

"Воины Христовы, в бой с Христом идут..."

Мы все подхватили: "...со крестом Иисуса мы за Ним пойдем..." Я взял за руку человека, стоящего около меня и внезапно, мы все держались за руки в кружке, маршируя на месте, и пели. Простота поведения, как будто в Воскресной Школе имеет в себе особую силу. Мы так

провели некоторое время в марше и пении. По закону Интернациональное Общество Коммерсантов Полного Евангелия началось несколько недель позже, подписью устава корпорации и наименованием пяти директоров комитета. Духовно Общение началось в то время, когда Орал Роберте поделился своими мечтами о тысячах отделов Общения и взялись за руки, как дети и маршировали на месте с пением военных гимнов.

"Роза", я обратился к жене на пути домой, "через год мы увидим чудесные результаты".

После этого в течение последующих 12 месяцев наступили самые невероятные неудачи, какие когда-либо я переживал. Как только мы вышли из Клифтонской Кафетерии мы почувствовали, что нам предстоит большое сопротивление.

Мы стали проводить собрания с завтраком в Клифтонской Кафетерии каждую субботу.

Мы наполняли наши подносы пищей на низу и поднимались наверх к столам и проводили около двух часов в молитве и общении. Иногда мы приглашали известных спикеров, но большей частью мы применяли наших коммерсантов. К моей радости, опыт, который я применил в Кнот Бери Фарм, повторялся здесь постоянно: я оглядывал присутствующих и "знал", кто имеет чем поделиться.

Да, собрания удовлетворяли мои ожидания. Лишь одно немного смущало меня, что в собраниях этих не было огня, не было роста. Тридцать человек, иногда сорок в одну субботу, а всего пятнадцать в следующую.

А затем началась оппозиция. Что это Шакариян пробует делать, стали спрашивать пастора с кафедры? Что он начинает новую деноминацию? Сторонитесь этого Общения, а то оно заберет людей и деньги с наших церквей.

Несправедливые обвинения причиняли нам боль. От самого начала мы с Розой всегда отмечали два принципа во всех собраниях, которые мы устраивали: "Первый, будьте в вашей церкви. Если ваша церковь знает силу Духа, вернитесь с намерением служить Господу сильнее, чем прежде. А если нет, поддерживайте миссионеров.

"А второй - не кладите в пожертвование и одного цента денег, которые принадлежат где-то в другом месте. Здесь не место вашей десятины. Ваша десятина принадлежит домашней церкви. Все, что вы кладете на тарелку, должно быть сверх и кроме десятины.

Мы знали по опыту многих лет, что люди принимали это близко к своему сердцу.

Все, кто посещал наши собрания, были самыми усердными работниками и жертвователями в своих домашних церквях. Все же церкви смотрели на Общение с подозрением.

Обвинение в связи с деньгами в особенности было ироническим. В том году мы не получили ни одного сбора. А тем временем я по почте рассылал объявления каждую неделю, звонил по телефону по всей стране, приглашая людей в общение с нами, когда они посещали Лос Анжелос в своих коммерческих интересах. По сути дела, всегда заканчивалось тем, что я покрывал расходы за завтраки.

Но даровой завтрак не был достаточным, чтобы привлечь человека. Все, что я делал, не было достаточным. Поэтому я начал делать больше. Я купил тридцать минут времени по радио в субботу утром и передавал часть наших собраний, чтобы шире осведомить слушателей. Я разъезжал по всему штату, а позже и по другим западным штатам и наконец по восточным штатам. Если люди не приходили к нам, я шел к ним, объясняя, что мы старались делать, убеждая их начать группу Общение Коммерсантов Полного Евангелия в их городе.

К июню месяцу я совершенно обессилел. После полного дня работы в молочной я проводил вечера для Общения, шел спать в три или четыре утра и стал чувствовать себя человеком, плывущим против течения.

Наконец, казалось мне, нам подали спасательную веревку. Один из спикеров, которого мы пригласили в Клифтон Кафетерию, был Давид ду Плесис, представитель Всемирной Пятидесятнической Конференции. После собрания на пути домой в Дауни, Давид с трудом мог удержать свое удовольствие.

"Демос", говорит Давид, " ты действительно начал что-то особое! Какая прекрасная мечта! Всемирное общение простых коммерсантов, исполненных Святым Духом.

Каждый из них будет миссионером для людей, с которыми он работает каждый день!"

"Спасибо, Давид", печально промолвил я, "но я опасюсь, что большинство людей не разделяют твоих..."

"Я думаю, - продолжал Давид, не обращая внимания на мое настроение, - что тебе следует приехать в Лондон в следующем месяце и рассказать там об этом. Я уверен, что Конференция включит это в свою программу.

Я внезапно насторожился. Вот здесь была спасательная веревка для моего тонущего предприятия. Пятидесятническая Конференция представляла около десяти тысяч церквей во всех частях мира. Если бы мы соединились с ними, мы не были бы больше маленькой борющейся группкой. Мы имели бы поручителей. Мы имели бы официальное лицо. Давид повторил свое предложение для Розы и мы охотно согласились приехать.

Мы немедленно почувствовали сопротивление со стороны семьи. Не на конференцию и не лететь самолетом.

"И как ты думаешь доехать до Лондона?» - спрашивал мой отец, когда мы затронули вопрос поездки. Мы все сидели за столом в доме Габриелян в воскресенье после вечернего собрания. Я смотрел на круг беспокойных армянских лиц. И хотя это было в 1952 году, я был единственным в комнате, кто уже летел самолетом и то маленьким и короткое расстояние.

"Послушай, отец. Поездом через весь континент, затем пароходом - это возьмет слишком много времени. Роза не очень любит разлучаться с детьми". Ричарду уже было семнадцать, Гери тринадцать, а маленькому Стефану почти пять и это было бы впервые для Розы отлучиться на некоторое время и лишь при условии, что госпожа Ньюман будет с детьми.

"Ты думаешь лететь самолетом", заключил отец, после некоторого раздумья.

На лицах присутствующих сдвинулись брови. "Я никак не могу понять, как они держатся в воздухе", сказала тетка Сирун.

"Они летят очень быстро", обеспокоился Сиракан Габриелян.

"И даже над водой", добавил Тирун.

И наконец мы заручились их неохотным согласием лететь, лишь при условии, что будем лететь отдельно в разных самолетах и будем сидеть на задних сиденьях в самолете. Я летел первым и, казалось, что вся церковь с Гудрич бульвара вышла провожать меня в Лос Анжелеском Интернациональном Аэропорту. Здесь были прощание и объятия, как будто бы я отправлялся на виселицу. Многие обещали молиться и последний совет:

"Не кушай ничего!"

"Надень спасательный пояс!"

"Откинь свое сиденье назад до отказа!"

Когда завизжали пропеллеры я все еще видел дядю Янояна, дающего предупреждение словами, сложив рупором руки.

На следующий день мы были в Нью Йорке на Ла Гуардия аэропорту, чтобы встретиться с Розой. Она с улыбкой сходила по ступеням. Ей так понравился ее первый полет, что она захотела еще проехаться в метро. Мы нашли вход в метро около нашей гостиницы и долго ездили во всех направлениях под городом, пока никого не осталось в поезде, кроме одного мужчины с бутылкой вина в бумажном мешочке.

На следующий день мы вылетели в Англию отдельными самолетами, выполняя обещание, данное нашим семьям. Но радость нашей встречи в Лондоне была немного омрачена, когда мы встретились с Давидом ду Плесис.

"Я сожалею", он сказал с некоторым замешательством, "я не имею большого успеха здесь с этими людьми. Они обеспокоены тем фактом, что ты молочник, а не проповедник".

"Ты говоришь, что они не поручатся за нас?"

"Я буду пробовать", все то, что Давид мог сказать.

Мы с Розой посещали общие собрания Конференции, слушали трогательные проповеди и принимали участие в живом пении гимнов. И в конце недели Давид признался в своем неуспехе. Он не смог убедить и одного пятидесятнического проповедника выслушать мои намерения.

Мы опять разделились с Розой и отдельными полетами улетели в Гамбург, Германия с тяжелыми сердцами. "Господи, не вполне понимаю", молился я на самолете. "Такая длинная дорога и расходы, разве все это напрасно? Или Ты хочешь открыть нам нечто в Германии?"

В Германию мы поехали по приглашению одного из наших друзей Хал Германа. Хал был фотографом, который впервые заснял Хиросиму после взрыва атомной бомбы.

Правительство Соединенных Штатов хотела знать меру разрушения, произведенного бомбой. То, что он видел в Японии побудило его искать Божьего ответа для блага мира. Мы снабдили его громадной палаткой, которую выслали в Гамбург и теперь он хотел, чтобы мы посетили его собрания.

В Гамбурге на аэропорту нас встретил пастор Роби, немецкий проповедник, в доме которого мы гостили. "Добро пожаловать в наш город", сказал пастор Роби на прекрасном английском языке. "Я хочу показать вам, что наш Бог продолжает быть Богом чудес". Мое сердце начало усиленно биться: не будет ли это причиной, ради которой Бог привел нас сюда?"

Я был поражен видом разрушения, которое еще было очевидным 1952 году. На пути из аэропорта мы ехали квартал за кварталом цементных грузов, разбитого кирпича и скрученных трамвайных рельс. Казалось, что ни одна живая душа не могла пережить такое разрушение. Наконец пастор Роби остановил свою машину перед кучей мусора, похожей на другие кучи.

"Здесь стояла наша церковь", сказал он.

Когда мы пробирались через обломки кирпича и кусочков стекла, он добавил, "вот на этом месте произошло чудо".

Он остановился перед огнем покрученных остатков ряда стальных дверей, ведущих в подземелье. Убежище от бомб, объяснил пастор Роби. "В одно воскресенье, в половине собрания", он развел руки и показывал, где однажды стояла церковь, "загудели сирены..."

Привыкшие к таким предупреждениям от воздушных налетов, пастор Роби велел людям выходить рядами на двор и торопиться в убежище. Стальные двери открылись и 300 человек укрылось в убежище под землей.

Потом двери были закрыты.

Немедленно начали взрываться вокруг их ужасные бомбы. Налет не прекращался, разрушая здания целыми кварталами вокруг церкви. Некоторые из них были зажигательными бомбами, которые жгли все, оставшееся от разрушения. Там в убежище слышно было потрескивание огня сверху.

В душном подземелье нам казалось, что мы сидели долгие часы, пока прекратилась тревога, рассказывал пастор Роби. Немедленно он поднялся по лестнице, чтобы открыть дверь, от которой он внезапно отскочил. Металлическая дверь была настолько горяча, что к ней нельзя было прикоснуться. Он нашел кусок дерева и начал бить в дверь. Дверь не открывалась. Другие мужчины били чем попало в стальную дверь.

Все старания были напрасны. Огненная буря сверху спаяла метал. Бить в дверь, означало прежде времени израсходовать драгоценный кислород.

Чтобы сберечь воздух подольше, пастор посоветовал всем склонить колени и молиться. "Господи", начал он молиться вслух. Мы знаем, что Ты сильнее силы смерти. Отец наш, мы умоляем Тебя, сотвори чудо. Отвори эти двери и освободи нас".

Все мы: мужчины, женщины и дети задержались некоторое время на наших коленях.

Вдруг слышим опять устрашающий гул самолета. Он летал кругами над разрушенным городом. И вдруг, опять взрыв бомбы. Инстинктивно мы все опять упали на землю.

Бомба взорвалась очень близко. Не так близко, чтобы поранить пойманных людей в подземелье, но достаточно близко, чтобы разбить спаянные стальные двери. Когда осела пыль, пастор Роби и его церковь вышла из убежища на дымящиеся развалины вокруг их. В зареве горящего города все они, триста душ, воздали Богу благодарение за спасение.

Вечером в гостиной пастора Роби, я повторил этот чудный рассказ для Розы. Я чувствовал, что в нем есть поучение для нас в связи с Общением. Только я еще не знал, в чем оно заключается.

Не видел я также связи между нашей ситуацией и палаточными собраниями пастора Роби. Все же нам было интересно сидеть в собрании, в котором мы не понимали ни слова и лишь наблюдать лица присутствующих. Вежливая и формальная, более трудная и недоступная была эта аудиенция, чем когда-либо мы с Розой встречали. Я почти пришел к заключению, что ничто не разобьет немецкую сдержанность, но, как и всегда, помогло исцеление. Совершенно глухой человек, хорошо известный на весь город, начал слышать и собрания стали бесконтрольными. Люди плакали, обнимались, поднимали свои руки к небу точно так, как армянские пятидесятники.

Но я все спрашивал, Господи, для чего Ты привел меня сюда? Я ни в чем не помогал здесь и не был уверен в том, что я чему-то здесь учился. Роза с большим нетерпением хотела скорей вернуться к детям. Но прежде, чем вернуться домой Роза хотела выполнить свою заветную мечту, чтобы увидеть Венецию. "И возможно", мы сказали один другому, что мы никогда больше не вернемся в Европу".

И так, мы направились в Италию, на этот раз поездом. Какой странный мир представился нам через окна поезда, по сравнению с широкими фермами в Калифорнии. Маленькие участки земли, окруженные древними, каменными домиками, где свиньи, гуси и куры расхаживают по двору. "Так как в Кара Кала!" я сказал Розе. "Такие фермы, о которых рассказывал нам отец".

В Германии я купил себе фотоаппарат. Несмотря на предупреждение для пассажиров на четырех языках не высовываться в окно, все же я это сделал. Я поднял окно в нашем отделении, и высунул мою голову и плечи, чтобы сделать лучший снимок.

Жгучая боль, как ножом, удалили меня в правый глаз.

Я потянулся в вагон и почти упустил мой аппарат. "Роза!"

Роза усадила меня и сняла мою руку с глаза. Мой глаз дрожал, так что я не мог его открыть. Роза осторожно подняла веко.

"Я вижу! Похоже, что это кусочек угля, сейчас же около зрачка".

Роза вынула платочек и пробовала снять кусочек угля, но он глубоко засел в глазе. Боль была невыносимая. Я все время держал платок на лице, вытирая слезы.

Оставалось еще час езды до Венеции, самый мучительный час в моей жизни.

Со станции, вместо романтического катанья в гондоле, мы взяли быструю лодку в гостиницу. Заведующий в приемной гостиницы очень быстро справился с ситуацией.

Через несколько минут я лежал на кровати в нашем номере, и доктор гостиницы осматривал мой глаз. Он поднял веко, осветил лампочкой и поднялся.

"Сожалею, синьор, ситуация очень серьезная. Кусочек угля очень большой и корявый".

"Не можете ли вы вынуть его здесь?"

"Здесь? Нет, синьор. Для этого необходимо пойти в госпиталь. Я сейчас же позвоню в госпиталь".

Пока он звонил, и быстро говорил по-итальянски, Роза сидела и держала мою руку.

"Демос", сказала она, "будем молиться".

К великому сожалению и моему стыду, находясь в боли, я забыл об этом молиться.

Роза начала благодарить Бога за чудеса исцелений, которые мы видели в Гамбурге.

"Господь, мы благодарим Тебя и знаем, что Ты здесь с нами в этой комнате в Италии, как Ты был в палатке в Германии. Во имя Иисуса мы просим удалить уголек".

Пока она еще молилась, я почувствовал теплоту в моем глазе. "Роза, я что-то чувствую! Что-то случилось!"

Я мигнул глазами. Ничего нет. Не болит. Нет помехи. "Роза, посмотри в мой глаз!"

Роза склонилась надо мной. "Демос, там ничего нет!" Она начала плакать.

Доктор повесил трубку телефона. "Госпиталь примет вас. Мы отправимся в приемную скорой помощи".

"Доктор, посмотрите еще раз в мой глаз".

Он вынул лампочку из чемоданчика и опять осветил в мой глаз. Он опустил вею и посмотрел в другой глаз. Затем вновь в мой правый глаз.

"Не может быть", сказал он.

"Моя жена просила Бога удалить уголек", ответил я ему.

"Не может быть", сказал он опять. Он не мог выйти сам по себе".

"Не сам по себе, Доктор. Бог вынул его".

"Вам не понятно. Там должна быть царапина. Прорыв оболочки, где он сидел. Но там ничего нет. Нет ранки и нет повреждения". Он направился к двери. "Я вам за это не посчитаю, синьор. Подобное не может случиться..."

Мы с Розой провели время в Италии весьма приятно.

Но какое значение все это имеет для Общения? Когда мы вернулись обратно в Лос Анжелос в конце июля, путь впереди не был яснее, чем до этого.

Пришел август. Сентябрь. Мы продолжали собираться в Клифтонской Кафетерии, та самая маленькая группка, скорее из верности мне, нежели другой какой причины.

Затем наступил октябрь, первая годовщина Интернационального Общения Коммерсантов Полного Евангелия. В прошлом году я говорил в интересах Общения во многих местах страны. Многие из других городов посещали наши завтраки. Но за весь год, видя "чудные дела", ни один из них не заинтересовался, чтобы начать вторую группу или отдел в другом городе.

Роза была осторожной не говорить о моей уверенности и предсказаниях прошлой осени, но я наблюдал в ней рост сомнения в необходимости продолжать это дело каждой субботы. Мы только кормим людей завтраками, Демос", сказала она мне. "Мы имели гораздо лучший успех с палаточными собраниями Мы достигали тысячи людей каждого лета, вместо нескольких дюжин, при наилучших условиях".

Я знал, что она говорила правду, все же... "Посмотрим, что станется в следующем месяце", сказал я.

Ноябрь пришел и ушел, а наши собрания проходили с трудом, даже стали уменьшаться.

"В декабре будет иначе", я заверял ее. Люди более заинтересованы в Рождественском сезоне".

Но Рождество имело противоположный эффект, так как люди не имели времени посещать наши собрания.

"В следующую субботу я еду с моей женой делать покупки, Демос".

"А у нас церковный базар".

"Я везу детей посмотреть святого Николая".

В субботу утром, декабря 20-го, только пятнадцать нас собралось наверху в Клифтонской Кафетерии, на шесть человек меньше, чем четырнадцать месяцев до этого. В конце этого печального собрания мой приятель Майнер Ар-ганбрайт говорил очень откровенно. Майнер был контрактером каменщиков на больших коммерческих и промышленных работах и один из пяти директоров Общения.

"Демос, мне не хочется быть негативным перед Рождеством", сказал Майнер, "но мне кажется, что вся эта идея с Общением мертва. Говоря откровенно, я не дам за нее и пятак".

Я посмотрел на него, не имея силы ему ответить.

Майнер протянул свою руку и продолжал: "Ты часто говорил, что это все является лишь экспериментом?"

"Не так ли?"

"Многие эксперименты не удаются. В этом нет ничего позорного".

Я все еще не мог ничего сказать.

"Что я хочу сказать тебе, Демос, это то, что, если не случится чуда к следующей субботе, не рассчитывай больше на меня".

"О-кэй. Правильно, Майнер. Я понимаю".

Мы с Розой без слов сошли по лестнице на низ. В большой комнате мигала перед нами Рождественская елка.

"Майнер прав", - нежно сказала Роза. - "Если Бог участвует в каком деле, то Он его благословляет, не так ли? И ты не можешь сказать, что Общение переживает благословения".

Я онемелый вышел с ней на улицу. Все старания на телефоне, поездки, почти что подкуп людей приходиться - все напрасно. Одно, чему я научился с 1940 года, это то, что если у нас с Розой не было о чем-нибудь единомыслия, Бог не открывался нам. Если она теперь была так уверена, что наше старание с Общением бесполезно, значит этому конец. Чем скорей я про него забуду, тем лучше.

Только... я о нем не мог забыть. Всю неделю после этого у меня текли слезы по лицу. Во время управления машиной я вдруг начну плакать. Я начал опасаться нервного расстройства.

Для блага детей я пробовал быть веселым на Рождество. Я возрадовался, когда на следующий день, в пятницу 26-го к нам приехал гость. Это был наш друг Томи Хикс, даровитый евангелист и весьма полезный человек на время переживания.

"Можете ли вы себе представить, Томи", я обратился к нему в пятницу за ужином, что завтра утром последнее официальное собрание Общения Коммерсантов Полного

Евангелия..." Я немножко поморщился... "Интернационального? Кажется, что все такого мнения. Только Майнер был достаточно смелым, высказать это. Поэтому остается лишь одно, чтобы официально закрыть его с каким-нибудь объяснением.

Может быть нам следует поговорить, как мы все сможем работать следующим летом в палаточных собраниях".

Я пробовал быть спокойным, но Томи, очевидно, понял тревогу в моем сердце и поэтому сказал: "Демос, мне кажется, что мы должны еще поговорить про это".

И так мы говорили, облокотившись на стол, вспоминая для него наши прежние переживания. Скоро Гери ушла спать. Стефан уже давно спал, а Ричарда не было дома, так как он руководил особыми собраниями молодежи в конце этой недели. Мы с Томи и Розой продолжали нашу беседу о разных людях, которые были у нас в Клифтонской Кафетерии, вспоминая о том, чем они делились с нами.

"Каждую субботу я чему-то научился", я сказал Томи. Чему-то, что помогало мне лучше любить Бога и людей".

Была полночь, когда Роза посмотрела на часы. "Посмотри на время, Демос! А я еще и стола не убрала! Пора в кровать, а то мы не поднимемся завтра на время в Клифтонскую Кафетерию".

"Ты иди в кровать, дорогая", сказал я. "Для меня будет очень трудно спать".

Годом тому назад я был так уверен! Я зайду в гостиную и склонюсь на колени, пока услышу от Господа Его веление".

"Добрый человек", сказал Томи. "А я помогу для Розы с тарелками, а потом мы придем к тебе и присоединимся к тебе в молитве. Но в основном, Демос, решение это между тобой и Богом".

Томи с Розой снесли всю посуду со стола в кухню. Я прошел через передний вестибюль и ступил в гостиную, когда это случилось.

Подобное со мной случилось, когда мне было тринадцать лет. Воздух вокруг меня стал весьма тяжелым, побеждающим, свалившим меня на пол. Я упал на мои колени, потом на мое лицо,, распростершись во всю длину на узорчатом красном коврик.

Я не мог стоять, подобно тому, как некогда в моей спальне в большом испанском доме возле нашего, двадцать лет тому назад. Поэтому я и не пробовал встать. Я почивал в Его побеждающей любви, чувствуя Его Дух, бьющийся по всей комнате в бесконечном потоке силы. Время исчезло. Места не стало. Я слышал Его голос, говорящий ко мне те же слова, которые Он сказал мне раньше:

"Демос, будешь ли ты сомневаться в Моей силе?"

И внезапно я увидел себя, таким, каким я, наверно, был в Его глазах: борющимся, напрягающимся, очень занятым и неугодным и здесь и там, едущим в Европу, чтобы заручиться поддержкой "официальной" группы, всюду зависящий от моей собственной силы, вместо Его силы.

С болью я припомнил молитву Орала Робертса на первом собрании Общения, молитву, которая побудила двадцать одного человека подняться на ноги и маршировать с пением гимна победы. "Да возрастает эта организация только в Твоей силе..."

Но я поступал, как будто все зависело от моей силы, как будто я должен был начать тысячу отделов, которые предвидел Орал. И, конечно, я смог начать один отдел.

"Господь Иисус, прости мне!"

Затем Он припомнил мне о том, что я видел в Европе - видел, только не понял: стальные двери бомбоубежища в Гамбурге и уголек в моем глазе в Гранд Отеле в Венеции.

"Я Тот, Демос, Который открывает двери. Я тот, Который вынимает бревно из невидящих глаз".

"Я разумею, Господь Иисус. И я благодарю Тебя".

А теперь Я дам тебе возможность видеть.

После этого Господь позволил мне подняться на колени. Он поднял меня силой, которая, мне казалось до этого держала меня на полу, а теперь поднимала меня вверх. В это время Роза вошла в комнату. Она обошла меня и подошла к Хамонд органу, который стоял в углу. Не сказав и слова, она села и начала играть.

Когда музыка наполнила комнату, атмосфера в комнате просветлела. К моему удивлению, мне казалось, что в комнате не было потолка. Светло-кофейного цвета штукатурка на стенах и свет в потолке исчез, и я смотрел прямо в небеса дневного цвета, хотя на улице, наверно, была полная темнота. Как долго она играла, пока я смотрел в вечное пространство, я не знаю. Внезапно она перестала играть, пальцы все еще на клавишах и начала громко молиться на языках, передавая прекрасную, ободряющую, текущую весть. На минуту она задержалась, затем таким же лирическим и ритмическим способом заговорила на английском языке:

Сын мой, я знал тебя прежде твоего рождения. Я вел тебя на всем пути. А теперь я покажу тебе цель твоей жизни.

То были дары Духа языков и истолкования, данных вместе. И пока она говорила, прекрасные вещи начали твориться. Хотя я оставался на коленях, я чувствовал, что я как бы, поднимаюсь. Я вышел из тела. Я поднялся вверх и вышел из комнаты.

Внизу меня я видел крыши домов в Дауни Вон там виднелись Сан Бернардинские горы, а в другом направлении - Тихоокеанский берег. Теперь я уже был над землей и имел возможность видеть всю страну с запада на восток.

И хотя я мог видеть так далеко, я так же мог видеть и людей на земле - миллионы и миллионы, стоящих плечо к плечу. И так внезапно, как камера быстро охватывает футболистов и их лица, в моем видении я видел лица миллионов людей. Я мог видеть малейшие детали на лицах миллионов людей.

И то, что я видел, страшило меня. Вертелся ли мир вокруг меня или я вокруг мира, я не знаю. Но подо мной виднелся континент Южной Америки. Затем Африка, Европа,

Азия. Опять поражающий вид, вблизи и всюду было тоже самое. Коричневые лица черные лица, белые лица, каждое из них суровое, несчастное, замкнутое в свою личную смерть.

"Господи"! взмолился я. "Что с ними! Господи, помоги им!"

Позже Роза мне сказала, что я ничего не говорил. Но в видении мне казалось, что я плакал и умолял в слух.

Внезапно Роза заговорила. Говоря по-человечески, она не могла знать, видел ли я

Что-нибудь или нет.

"Мой сын, следующее, что ты увидишь, исполнится очень скоро".

Земля поворачивалась или я вращался вокруг нее во второй раз. Подо мной были миллионы и миллионы людей. Но что за разница! На этот раз их головы были подняты. В глазах сияла радость. Их руки были подняты к небу. Люди эти, которые были разделены, каждый в тюрьме своей личности, соединились в общество любви и поклонения. Азия, Африка, Америка - всюду смерть превратилась в жизнь.

И наконец видение прекратилось. Я почувствовал, что возвращаюсь на землю. Подо мной были Дауни и Калифорния. Вон там наш дом. Я видел себя на коленях и Розу, сидящую у органа. А затем известные мне предметы в комнате окружили меня, и я почувствовал боль в коленях и твердость в моей шее. Я медленно поднялся на ноги и посмотрел на часы. Была половина четвертого часа утра.

"Что случилось, Демос?" спросила Роза. Что сказал тебе Господь?"

"Дорогая, я не только слышал, я и видел". И рассказал ей мое видение. Роза слушала со слезами, текущими из глаз:

"О Демос, разве ты не видишь, что Он хочет, чтобы мы продолжали Общение!"

Она отошла от органа и положила свою руку на мою. "Помнишь, Демос, как в этой комнате, почти восемь лет тому назад, мы на коленях решили, чтобы Господь у нас был на первом месте..."

Когда мы направились к спальне, мы заметили свет под дверью комнаты Ричарда, где ночевал Томи. Я постучал в дверь и Томи сказал: "войдите!" Он был распростертым на полу, все еще в своем сером костюме. Он обещал поддержать меня в молитве и сдержал свое слово.

"Демос", спросил он. "Скажи мне, что ты слышал? Никогда в моей жизни я не чувствовал силы, как в эту ночь, которая волнами проходила по всему дому".

Мы всю ту ночь не ложились спать. Пока я закончил описание видения для Томи, уже было время ехать на собрание в Клифтонскую Кафетерию.

Когда мы приехали в Кафетерию, там уже было два человека, ожидавших нас. Один из них Майнер Арган-брайт, прибытию которого я весьма удивился. Другого человека я очень мало знал.

"Я имею нечто для тебя, Демос, сказал Майнер. Он протянул руку в карман и вынул конверт. Я подумал, что это была его резигнация. Как жаль, теперь, когда я чувствую себя..."

Но это не было письмо резигнации. Это был чек. Мои глаза разбежались, когда я прочитал: Интернациональному Обществу Коммерсантов Полного Евангелия..."

"Одна тысяча долларов!" Я говорю: "Майнер, ведь на прошлой неделе ты сказал, что наша организация не стоит и пяти центов".

"На прошлой неделе была прошлая неделя", сказал Майнер. "Демос, я проснулся рано утром и слышал голос. Это был Бог, я уверен это был Бог. Он сказал, что эта работа должна продолжаться по всему миру и что ты первый должен пожертвовать эти деньги".

Я все еще смотрел на него, когда подошел второй муж чина. "Господин Шакариян", сказал он. Меня звать Томас Никель. Что-то произошло со мной прошлой ночи и я думаю, что вам будет интересно знать".

Я подвинул мой поднос ближе к нему и посолил мои яички, пока господин Никель рассказывал мне как Господь дал ему откровение среди ночи. Он работал поздно ночью в своей печатной мастерской в Ватсонвиле, Калифорнии около Сан Франциско.

По той причине, что Рождество выпало по середине недели, у него получилась задержка в выполнении заказов. Внезапно он услышал ясный голос Святого Духа,

Который сказал ему: "Садись в машину и поезжай в Лос Анжелос на субботнее утреннее собрание, той группы, которую ты однажды посетил.

Он посмотрел на часы. Было как раз двенадцать часов ночи, то время, я припоминаю, когда я ушел в гостиную помолиться.

Никель боролся со своим внутренним голосом. Ватсонвиль находится на расстоянии шести сот километров от Лос Анжелоса. Ему нужно будет ехать всю ночь, чтобы быть вовремя. Но слово продолжалось: будь в собрании. Осведомив Монте Виста Христианскую Школу, где он бы инструктором, он поехал на юг.

"Так вот я теперь здесь", - закончил Никель, " - чтоб предоставить тебе мою типографию и мои услуги".

Роза, Майнер и Томи внимательно слушали Никеля "Вашу типографию", переспросил Томи.

"Чтобы печатать журнал", ответил Никель. "Видит - , Дух повторял мне, что это Общение должно распространиться по всему миру. Но оно никогда не двинется с места без голоса".

"Голос..." повторила Роза. "Голос коммерсантов"...

Это утро собрание было малым, но одно из самых радостных, которое мы когда имели. Прежде чем мы разошлись, мы избрали Томаса Никеля редактором и издателем нового журнала, который мы назвали:

Голос Коммерсантов Полного Евангелия.

"Только подумай", я сказал Розе, когда мы на следующую ночь пошли спать: прошлую ночь в это время Общение почти что было закончено. А сегодня мы имеем ОДНУ тысячу долларов у казначея и журнал. Я не могу дождаться, чтобы видеть, что Господь дальше хочет сделать!"

Нога на столе

На ответ не пришлось долго ожидать. Скоро после нового года нам позвонили из Сиокс Фале, Норт Дакота. Звонил Томи Хикс из аудитории, где он держал собрания.

"Демос", сказал он, я думаю, что у тебя будет отдел номер два". В тот вечер он рассказал об Обществе и его целях. После его доклада человек поднялся в аудитории и сказал, что они хотели бы иметь такую группу в Сиокс Фале.

"Я им сказал, что они могут и пригласил интересующихся выйти наперед. Демос, мне казалось, что все собрание вышло наперед. Ты определенно имеешь группу номер два Здесь в Норт Дакоте.

Но это было только началом. Куда бы Томи не поехал в том году, он всюду говорил об Обществе. Он оставил за собой след энтузиазма в людях и летом в 1953 году мы уже имели девять отделов и готовились иметь первую Всеобщую Конференцию в октябре - точно два года от первого собрания в Клифтонской Кафетерии.

На конференцию съехалось шестьсот человек в конце недели, которая происходила в Кларк Отеле в городе Лос Анжелесе. Теперь, когда на конференцию собирается двадцать тысяч человек, наша первая всеобщая конференция кажется очень малой. Но для нас она была большой, равно как и ее ревность.

Например, мы обсуждали вопрос нашего бюджета. У нас теперь были рабочие на полном содержании. Флойд Хайфильд был занят ответами на запросы, которые поступали со всей страны, знакомил интересующихся и помогал организовать отделы.

В ближайшее время для Флойда понадобится секретарша. Кому-то следовало заботиться о журнале. Том Никель жертвовал свое время и печатные машины, но необходимы были средства для покупки бумаги и чернил. Мы сразу заметили, что нам потребуется печатать больше, чем пять тысяч экземпляров ежемесячно. На весь 1954 год нам нужно будет около десяти тысяч долларов.

На последнем собрании конференции один из спикеров, по имени Джек Коу, сделал очень простое заявление о необходимости средств, которое я когда-либо слышал.

Джек был большим мужчиной и имел дар говорить по существу.

"Нам нужны десять тысяч долларов", сказал он. "Я предлагаю одной сотне мужчин выйти вперед и каждому обещать одну сотню долларов". После этого он сел.

Немедленно мужчины стали собираться у стола спикера. Джек просил каждого из них написать свое имя и адрес на кусочке бумаги. В конце собрания мы посчитали обещания и имена. Было как раз сто обещаний. Наш бюджет был восполнен до копейки.

Наши собрания по субботам в Клифтонской Кафетерии создали нам новую проблему.

Первый год мы не могли убедить людей приходить на собрания, а теперь мы не могли их удержать от посещения собраний.

В "верхней горнице" вместимость была всего на четыре сотни, но мы вмещали между пять и шесть сот каждую неделю. Иногда приходило до семи сот душ, которые стояли у стен и загромождали проходы. Пять недель подряд пожарный отдел присылал инспекторов и угрожал закрыть весь ресторан.

Собравшись на заседание директоров - не имея еще чем управлять, - мы обсуждали проблему с помещением. Мы могли заарендовать гораздо большее помещение, как Кларк балрум. Или, мы могли посоветовать нашим людям, которые приходили на собрание в Клифтонскую, начать новый отдел в своем районе. Лонг Бич, Глендейл, Пасадина, почему им не иметь своих "Клифтонских" центров, из которых жизнь Духа распространялась бы на общество?

Я не хочу большой централизованной организации. Такова была весть Духа, данная нам. Конечно, иногда собирайтесь вместе для вдохновения и поощрения один другого, зажечь огонь так ясно, чтобы другие могли видеть.

Но для вашего ежедневного и ежегодного труда, Я хочу видеть вас маленькими поместными, отзывчивыми ко Мне. Я не желаю однообразия. Я никогда не явлюсь двум человекам или в двух местах одинаково. Дайте Мне место для Моего вечного разнообразия.

Таким образом, по субботам в Клифтонской Кафетерии собиралось четыре группы, потом пять, а затем десять. Некоторые собирались еженедельно, другие раз в две недели, а еще некоторые раз в месяц. Некоторые продолжали собираться по субботам утром, другие избрали посреди недели вечером. Когда эти группы в свою очередь стали большими - более трех и четырех сот человек в одном собрании - они формировали отдельные группы, так что теперь в районе Лос Анжелеса находится сорок два отдела и каждый со своей отдельной окраской.

Некоторые демонстративные, другие сдержанные, одни подчеркивают учение, иные исцеления, евангелизм, работу среди молодежи.

Но ни одна из этих групп не существовала бы без той кажущейся безнадежной борьбы первого года. И, казалось, что всюду, куда распространилось Общение, первый год был самым трудным.

Например, в городе Миннеаполисе в 1955 году хозяин ресторана пригласил тринадцать человек из Общения на начальный банкет первого отдела в Миннеаполисе. Мы путешествовали во время снежной бури со всех концов страны. Я прилетел с С. С. Фордом, строителем из Денвера, в его четырехместном Сесна. Я очень рад, что никто из нашей церкви не видел, как наш одномоторный самолет бросало в воздухе.

В Миннеаполисе в аэропорту нас ожидал Клейтон Сонмор. Он шутливо отзывался о буре. "Мы в Миннеаполисе привыкшие к снегу. Сегодня вечером в нашем собрании будет двести пятьдесят ведущих коммерсантов".

В ресторане мы обнаружили, почему он был так уверен в благополучном исходе.

Жареная курятина, домашнего изготовления хлеб, яблочный пирог - официантки накрывали длинный буфетный стол, со всей этой вкусной пищей. Нас из Общения приехало тринадцать душ, несмотря на плохую погоду и я был рад видеть всех, когда мы стояли вокруг и сравнивали заметки с нашего пути. Сонмор приветствовал местных людей, которые начали подъезжать.

Наступил седьмой час, время для начала банкета. Двадцать восемь человек собралось в гостиной - тринадцать нас и пятнадцать из Миннеаполиса, включая Сонмора.

Половина восьмого. Двадцать восемь голодных человек посматривали на заваленный пищей стол банкета. "Ради погоды люди остались дома", - кто-то припомнил.

Но через окна мы слышали непрерывный поток движения на очищенных улицах.

В восемь часов двадцать восемь нас сели за стол кушать. Нас было меньше, чем столов в столовой. Лицо Сонмора было озабоченным. Я знаю точно, как он чувствовал. Но мне было известно еще что-то другое. В этом был пример. Божий пример. Я рассказал хозяину ресторана наш опыт в Лос Анжелесе. Мы не смогли привлечь людей завтраками, как он не может обедами. "Но Бог не нуждается в большом количестве, чтобы начать Его дело. Ему нужно лишь несколько человек в каждом месте. Не обращай внимания на двести тридцать шесть пустых мест", я сказал ему. "Посмотри на четырнадцать, которые пришли. С этими четырнадцатью Бог может опрокинуть весь город".

Собрание вышло очень хорошим. Главным спикером был Хенри Краус, фабрикант из Хотчинсон, Канзас и председатель Комитета Директоров Общения. Хенри стоял и смотрел на пустые стулья, как будто бы они были все заняты людьми. Он не говорил проповеди. Как и все наши мужчины, он просто рассказал, как однажды он пахал свое пшеничное поле и молился, как это он часто делал, сидя на тракторе и Бог показал ему новый вид плуга.

Хенри Краус не был особенно механически одаренным человеком, но машина эта была перед его глазами во всех деталях. Вернувшись с поля домой, он нарисовал рисунок плуга. И чем больше он смотрел на него, тем больше он убеждался, что такой плуг, если он будет работать, может обработать в три раза больше земли этим же трактором и в это же время.

Хенри сделал более подробный чертеж и начал искать фабрикантов. Ответ технических экспертов был всюду один и тот же - плуг не будет пригодным для работы.

Хенри не был экспертом или техником. Но он верил, что чертеж плуга был дарован ему Богом и он знал, что Бог является экспертом, специалистом и мастером.

И в своей конюшне Хенри начал мастерить плуга сам, выковывая сошник за сошником из железного лома и использованных частей. Работа эта заняла несколько месяцев у горна своего изделия, пока он закончил плуг, так как его видел. Он прицепил его к трактору и выехал в поле.

И плуг работал. Краусовыми плугами теперь пользуются по всему свету и Хенри Краус был одним из наибольших фабрикантов сельскохозяйственных машин - коммерсант, который отдавал половину своего времени и все сердце на Божье служение.

Комната зарядилась электрической энергией. Во время речи Хенри можно было буквально почувствовать изливание Духа на собрание. Трое из Миннеаполиса были крещены Духом тут же у стола, без возложения рук и молитвы. Мы все, собравшись в кружок радовались вокруг них, когда внезапно влетела через дверь из кухни официантка.

"Господин Сомнор! Не можете ли вы немедленно прийти?"

Там в подвале, кажется один из рабочих переживает какие то схватки. Официантка не знала был ли это сердечный удар или приступ эпилепсии.

Некоторые из нас скоренько сошли в подвал. Около комнаты, где стояла печь, на стуле сидел человек, которого несколько других поддерживали.

Я рассмеялся, когда увидел происходящее. Он не больной. Он был, как называли в армянской церкви, "под осуждением".

"Брат", я сказал ему. Славь Бога. Благодарю Его, что Он искал и нашел тебя сегодня вечером!"

Человек открыл свои глаза. Он был перепуган до смерти и, этому не приходится удивляться. Пережить такую силу Божью, охватившую этот цементный коридор. Он даже не знал, что в ресторане происходило молитвенное собрание.

Он поднялся с нами наверх и вряд ли можно было, где найти более обращенного человека. Прежде всего он хотел многое из своей жизни исповедовать, а затем он не мог в достаточной мере сказать Богу, как он Его любит.

Случай этот был подобен Божьему приговору на собрания, которые по человеческим соображениям считаются неудачными. Случилось так, как Он нам сказал: Не беспокойтесь числом. Я найду людей, которые Мне нужны, где бы они ни были и я приведу их к тебе. Делай твое дело верно и оставь остальное Мне.

Так они и поступили в Миннеаполисе. Та оригинальная маленькая группа - включая механика, обращенного у печи - собиралась постоянно без видимого прироста и особого влияния на окружающих шесть месяцев. Затем, внезапно начали приходить люди. Две сотни. Пятьсот. Тысяча - нечто подобное Лос Анжелесу.

Миннеаполисский район стал таким живым, что полтора года позже, после этой снежной ночи, мы держали там нашу всеобщую конференцию. И на этой конференции, осенью 1956 года, мы видели прорыв преград между пятидесятниками и доминационными церквями.

Отдельные лица всех вероучений годами находили полноту Духа. Вообще им приходилось сделать одно из двух: быть в своих церквях и молчать об этом или присоединиться к пятидесятническим группам. Но пятидесятница сама вошла и выросла в исторически церквях.

Мы видели их в первый день конференции на задних рядах в зале Лимингтонского Отеля. Они сидели, как будто бы готовые бежать во всякое время. Пять лютеранских пасторов. Наверно то, что они слышали, не было слишком страшным, потому что на следующий вечер они сидели немножко ближе к платформе. На третий день, в среду во время завтрака они были готовы принять, так они сказали нам, "все, что Христос дарует нам".

Наша группа из Общениа подошла к их столу и начала молиться, чтобы Иисус исполнил их Своим Духом. Позже они вежливо благодарили нас и ушли. Все это произошло весьма тихо и спокойно с лютеранами, и мы не знали о результате наших молитв.

Наши молитвы были отвечены. Один из них получил крещение, управляя машиной на пути домой. Другой во время утреннего бритья. А третий припомнил слова одного спикера на конференции, который сказал, что мы получаем Божий дар не во время напряжения и борьбы, а когда мы наиболее спокойны.

"Когда я наиболее спокоен?" - он спросил себя, и через несколько минут позже под горячим душем он славил Бога небесным языком.

Так началось возрождение, которое охватило лютеранскую церковь с одного конца страны до другого. Не отрицание своей традиционной силы, но весьма противоположное: усиление лютеран, проповедников и мирян в одинаковой мере, свидетельствовать о своей вере в ежедневной реальности.

Позже, мы наблюдали, что та же сила охватила многие другие деноминации, как - пресвитериан, баптистов, методистов, римских католиков, епископатов. Вначале всегда группу на половину враждебных, которые приходили на собрания из любопытства. А затем ветер Духа веял на всю церковь, на всё окружение..

Только семь студентов из Нотр Дейм говорили на языках в понедельник вечером, в марте 1967 года, в демо Рея Буларда, президента нашего отдела Общениа в Саут

Бенд. Но радость и силу, которую они получили в подвальной комнате, были такие, что сегодня многие считают Рея духовным восприимчиком мирового католического пятидесятнического движения, начавшегося в Нотр Дейм.

Ключом для этого была маленькая, поместная группа, которая собиралась регулярно, часто удрученная. Она молилась за Саут Бенд и ожидала, как ожидал некогда св. Георгий, на Божье благоприятное время.

Никто не может видеть полного расписания, только фрагменты здесь или там. В октябре 1974 года такой фрагмент был предоставлен мне, когда я был приглашен в Ватикан, чтобы получить официальное признание за служение Общениа, в достижении "миллионов" римско-католических мирян.

Миллионы? Я размышлял в недоумении, когда шел мимо нарядных рядов швейцарской гвардии. Миллионы...?

Не беспокойся численностью. Таким было Божье слово ко мне от начала. Когда Дух управляет, численность превзойдет разумение человека.

А когда Дух не управляет...

В 1957 году С. С. Форд взял меня в двухнедельное посещение десятка отделов на юге. Мы в особенности вынесли хорошее впечатление после посещения группы в Хоустон, Техас. Более шестисот душ собралось тогда на субботний завтрак.

"Я не вполне понимаю", сказал один человек с печалью, когда мы после сидели и беседовали. "Мы должны бы достигать тысячи людей, а не сотни".

"Вы только что начали ваши собрания, всего лишь несколько месяцев. Для этого требуется время..."

"Не в Техас! Здесь в Техас мы все делаем большим и второпях". Он подскочил на ноги. Худошавый, стройный, коммерсант недвижимым имуществом, его профессия была доказательством его слов. "Давайте снимем зал! Найдем машину с громкоговорителем. Начнем передавать с радиостанции. Подыдем весь этот город на ноги!"

Анди Со Риль, президент отдела, сомнительно покачал головой, но другие не обратили на это внимания. "Мы снимем городскую Аудиторию! Она вмещает шесть тысяч шестьсот человек. Когда люди слышали, что к нам приехал Демос Шакариян, мы наполним помещение!"

Я с ужасом посмотрел на него. "Я? Кто пожелал слушать меня? Я не спикер. Между прочим, мне необходимо вернуться домой и заняться покупкой сена и..."

Но никто не обращал внимания на мои аргументы. Мы с С. С. Фордом проведем еще одну неделю в посещении отделов в штате Луизиана и Миссисипи, а затем вернемся обратно в Хьюстон. "Одной недели для объявлений в Техас будет достаточно".

Благодаря моей любви к Богу и большому штату Техас, я почти согласился. Во время последующих десяти дней я убеждал себя, что собрания в Хьюстоне не будут большими. Если я чему-либо научился за этих шесть лет в Общении, то это тому, что в этой мистической реальности, называемой Телом Христа, каждый отдельный член имеет свою функцию. Некоторые родились быть организаторами. Другие были вдохновенными проповедниками. Иные могли давать советы. И если кто займет не свое служение, он не только не сделает первоклассной работы, он помешает течению силы тому, кому она принадлежит.

Что же касается моего служения, то я был уверен в нем с тех пор, как прозвучали трубы на Голливудских холмах. Я был помощником. В мое служение входила обязанность приготовить место и время и возможность для других быть светильниками. Мой дар не был меньшим других. Он был исключительно моим.

Мое имя освещено над аудиторией. Все собрание сосредоточено на мне. Для меня это казалось неправильным, и чем больше я боролся с подготовкой моей речи, тем больше я приходил к убеждению, что такой подход будет неуспешным.

"В чем твои трудности?" - С. С. Форд спрашивал меня, когда я страницу за страницей рвал, комкал и бросал в мусорный ящик записки моей речи. "Ты говорил сотни речей".

Но это не совсем верно. Я никогда не говорил речей. Я вставал и говорил. Когда я делал то, на что я был призван, как представлять других, указывать другим на их возможности - у меня были слова. Но при мысли, что тысячи лиц обращены на меня и ждут моего руководства, я теряюсь.

Приехав в Хьюстон, я был в панике. Анди и Максин Со Риль перед собранием пригласили нас в свой дом на обед, но я волновался и не мог кушать. Чтобы не обидеть их повариху Лоти Джеферсон, я только прикасался к пище.

Четверть до семи мы в двух машинах отправились в Сити Аудиторию. Лоти Джеферсон, Анди и Максин, не могли поехать. Уехало нас пятеро: С. С. Форд со мной и еще трое гостей. На расстоянии километра мы видели свет на аудитории, который светил, как судный огонь. Распорядители стоянок, одетые в форму, подбежали открыть наши двери в машине.

На широкой площади автомобильных стоянок было всего точно пять машин. Мы посмотрели на часы: было пятнадцать минут восьмого. Собрание должно было начаться в половину восьмого. Через боковую дверь мы вошли в громадную аудиторию, поражающе светлую и тихую. В помещение не было никого, кроме сторожа у заднего выхода.

"Я поставил горшки с цветами так, как вы хотели", крикнул он коммерсанту недвижимым имуществом. Мы медленно прошли средним проходом, слыша наши шаги в пещерном зале. Очевидно, пять машин на стоянке принадлежали сторожу и рабочим.

На платформе стоял ряд стульев, на которые сверху падал свет, но никто не пожелал сесть там. Мы заняли семь мест на низу у платформы. Мы не заполнили даже одного ряда. Я посмотрел на часы - было двадцать пять минут восьмого.

Внезапно я исполнился необыкновенной эстетической надеждой. Возможно, что никто не придет! Ни один! Может быть, Бог вступает за меня, чтобы защитить меня от моего непослушания.

"Я уверен, что я подал правильное число в газеты", - повторял коммерсант имуществом.

В половину восьмого он тоже начал молиться, чтобы никто не пришел. Что мы им скажем и как объясним про наше "громадное собрание", на которое никто не пришел?

В восемь часов нам стало ясно, что Бог сделал невозможное. В городе, где шестьсот человек могут во время собраться на утреннее собрание в субботу, не могли прийти на собрание, на котором не было Божьего благословения, поэтому Бог покрыл его покрывалом.

Наш коммерсант по продаже имущества, с сердцем, величиной в штат Техас, был первым признать это публично и начал славить за это Бога.

"Что же мы будем делать теперь?" - спросил Анди. "Мы сняли это помещение на целый вечер. Будем проводить собрание хотя семь нас".

"Ты имеешь что-то, записанным, Демос? - спросил С. С. Форд. Но ничто не могло заставить меня вытянуть из моего кармана те много раз перечеркнутые страницы.

"Если так, то я буду говорить", - сказала Лоти Джефер-сон. "Я всегда хотела говорить в таком красивом помещении, как это!"

Она поднялась со своего места, вышла вперед аудитории и начала говорить. Сама она была очень маленькой персоной, весом не более сорока пяти килограммов, но когда она говорила об Иисусе, ее голос наполнил аудиторию в шесть тысяч шестьсот мест. Она проповедовала тридцать пять минут, как будто бы вся аудитория была заполнена людьми. Она была так преисполнена Божьей любовью, и каждое слово было так правдиво, что я освободился от напряжения, которое мучило меня целую прошлую неделю.

Я не мог понять лишь одного, почему она сделала призыв в конце собрания. Все шестеро нас в собрании давным-давно "отдали наши сердца Иисусу", как она просила нас сделать.

Ее речь была прекрасной, которую я никогда не забуду. Послышались чьи-то шаги.

Длинным пустым проходом шел сторож, слезы текли по его лицу. Он пришел вперед платформы, склонил свои колени и отдал свое сердце Иисусу. И Лоти Джеферсон, с манерой евангелиста, который каждый день принимает сотни людей в Царство Божье, положила свои руки на его голову и начала с ним молиться.

Кто знает ? Может быть, здесь не было никакой ошибки. Может быть Сити Аудитория на этом вечере была Божьим местом для всех нас и для этого человека, которого нашел Господь. Я еще узнал, о чем часто упоминалось, и думал, нуждаются ли другие об этом упоминании так часто как я, что только Дух может привлечь людей к Иисусу. И только дарами, которые Он применит для этой цели.

Он не надарил меня даром евангелиста. Я могу быть только свидетелем. Всякий христианин есть свидетель. Только место для моего свидетельства об Иисусе, по всей вероятности, будет коровником, нежели платформой. Вот какую первоначальную мечту дал мне Бог: быть торговцем автомобилями, как Линвуд Сафорд в Вашингтоне, Д. С., который говорит другим торговцам о Боге.

Быть адвокатом, как Кермит Братфорд в Атланта, Джоржия, свидетельствующий другим адвокатам.

Быть молочником, говорящим другим скотоводам.

Все это было так просто, начиная простым языком, в общих интересах...

Всякий молочный фермер заинтересован разведением хорошей породы коров. Для нас идея эта самая захватывающая в мире. Во-первых, найти это неуловимо совершенное животное, которое с течением времени передаст свои хорошие качества следующему поколению. Каждый месяц я прочитывал журнал Холстейн-фризиан Ассоциации, изучая карту генеалогии. И всякий раз я был под сильным впечатлением способа развития новой породы Борк на ферме Пабста в штате Вискансин.

Я припоминаю, когда мы первый раз проходили через чистые коровники для телят, с намереньем найти племенного бычка, который передал бы свои качества нашим стадам. Первое животное, которым я заинтересовался, стоило 25,000 долларов, гораздо больше, чем я мог заплатить. Были здесь животные между этими двух и трех месячными телятами в цене 50,000, а другие в этом же возрасте 1,000 долларов.

Наконец я его нашел. В ограде у южной стены коровника стоял крепкий небольшой бычек, который выделялся среди других, как будто бы свет сиял на него. Это было то же самое явление, которое не переставало поражать меня в собраниях нашего Общия, где в переполненной людьми комнате до четырехсот человек, я внезапно "увиджу", кого мне

позвать следующим. Теперь это животное в сто килограммов выделялось таким же способом.

Я подошел к его стойлу. Его звали Пабст Лидер, цена: 5,000 долларов. Я прочитал подробности о нем и мне он понравился. Его мать была в категории E (отличная продукция молока); его отец был отцом свыше пятидесяти дочерей категории E.

Сведения эти были лишь подтверждением того, что я уже знал, когда его увидел.

"Я возьму Пабст Лидера", я сказал, когда заведующий фермой подошел ко мне.

Господин Сильвестер посмотрел на меня с удивлением. Скотоводы никогда не делают скорых решений. Они решают после продолжительных совещаний со своими советниками.

"Вы уверены в вашем решении?" Я хотел показать вам других животных в следующем коровнике. Господин Пабст думает, что вы могли бы заинтересоваться ими..."

"Я весьма уверен, господин Сильвестер".

Животное было поставлено в особую клетку и доставлено к нам с добавочными 350.00 долларов за перевоз, и я заплатил полную цену в 5,350.00 долларов за Лидера.

Десять первых дочерей племенного быка дают весьма точную картину его способности в будущем. Каждая из первых десяти коров Лидера унаследовала его высшие качества: вид, сопротивление болезням, высокое качество продукции молока. Даже некоторые из наших небольших коров произвели телят не со своими недостатками, но с его добрыми качествами. В течение пятнадцати лет, в которые мы держали его для плода, он произвел около пяти тысяч дочерей, каждая из них с безошибочными качествами своего отца. Пабст Лидер был таким племенным быком, который случается один на миллион, со всеми способностями передать свои качества всякий раз.

Господин Сильвестер с печалью рассказал нам, что животное, которое в том же сезоне он продал за 50,000 долларов не оправдало ожидаемых от него результатов.

А маленький бычок, которого ты выбрал стоит два раза по 50,000 долларов.

Такие случаи не являются исключением. Каждый племенной бык, которого мы купили на Пабст ферме, оправдал свою стоимость. Свидетельствую, потому что не могу молчать.

Я припоминаю одного дня господин Сильвестер склонился над столом в фермерской столовой весьма серьезный и задуманный. "Подойди сюда, Шакариян. Ты не делаешь этот выбор на месте, как ты показываешь. У тебя есть советник, не так ли? Кто-то едет перед тобой и дает тебе советы".

"Да; господин Сильвестер, сказать по правде, да, я имею советника".

Он с удовольствием посмотрел вокруг стола. "Я так и знал! Кто он? Скажи! Мы не набавим цены лишь потому, что будем знать твоего советника".

"Ты говоришь, что не знаешь моего Советника?"

"Конечно, нет! К нам приходят купцы и маклеры десятками во всякое время. У тебя очевидно советник профессиональный".

"Наверно знает про животных больше всех нас, вместе взятых в этой комнате".

"Старожил, не так ли?"

"По всей вероятности он дольше в этой коммерции, чем кто другой из нас".

"Специалист по Холстейнам, не так ли?"

"Определенно".

Я воздерживался так долго, как мог. Наконец я рассказал им про моего Советника.

Мои слушатели слушали меня, затаив свое дыхание. "Господь Иисус сотворил эти животные", - я сказал им. Я с вами вижу только наружные качества, а Он видит что внутри животного. Он видит внутреннее содержание человека также".

Слова эти были прекрасным подходом к сердцам и умам этих людей. Всякий случай рассказать о живом Боге для людей, с которыми встречаемся - вот в этом цель Общения.

Людей, которых мы знаем. Мне припомнился наш отдел в Ланкестер, Пенсильвания. У них были большие трудности заручиться доверием весьма консервативно настроенной

фермерской общественностью. Главным противоречием был тот факт, что Общение пришло "со стороны", и что их нужды и проблемы были здесь иными.

Однажды мы с Розой были приглашены в Ланкестер, Наш отдел пригласил несколько десятков фермеров как гостей на обед. После обеда я поднялся и как фермер пробовал вовлечь их в беседу, чтобы выяснить некоторые вопросы.

Мертвая тишина.

Вы знаете, как подобное случается. Чем хуже мы что-нибудь делаем, тем хуже оно выходит. С уменьшением моей уверенности в словах, большими стали мои жесты. Я развел обе руки, а потом свел их к себе, желая показать, что "Общение зависит на участие в нем всех нас". Но мои руки схватили лишь одно - кувшин молока, который стоял посреди стола.

Кувшин опрокинулся, и струи молока залили мой новый костюм и ботинки.

Растерявшись, я не знал, что я делал. Я поставил ногу на стол и начал вытирать белой скатертью.

Роза ахнула. "Демос! Что ты делаешь?"

И глянув на сидящих за столом, я понял.

Моментально я опустил кою ногу на пол. Лицо мое горело и мне хотелось исчезнуть под столом. "Мне казалось, что я в коровнике на время, друзья". Я извинился.

"Вы знаете, как иногда бывает, когда вы доите корову, и она неожиданно ударит ногой и прольет на вас целое ведро молока!"

Кто-то сдержано засмеялся в конце комнаты, а потом все присутствующие разразились смехом. Комната гудела от смеха несколько минут и настроение переменилось. Седые старые фермеры поднимались и свидетельствовали, как Бог помог им во время зимних бурь и летней засухи и прежде, чем кончилось собрание в группу Ланкестра вступили новые члены.

"Знаешь ли ты, что переменило их настроение?" сказал один из них мне. "А это, когда ты поставил ногу на стол. Мы тогда сразу поняли, что ты фермер, подобный нам..."

Мир начинает обращаться

В 1956 году мы зарегистрировали наш первый канадский отдел в Торонто и слово Интернациональное в нашем имени приобрело большее значение. Все же Канада и Соединенные Штаты не так уж большой кусок мирового пространства. Я все думал о вселенной, как она вращалась передо мной в видении в 1952 году. Миллионы людей на всех континентах смотрели вверх, живые и с любовью ожидающие пришествия своего Господа.

Декада пятидесятых годов была на исходе, и я не видел исполнения этого пророчества. И когда пришла возможность, я почти упустил ее.

Приглашение поступило в декабре 1959 года. Через Организацию CARE Общение послало помощь пострадавшим от голода в Республику Гаити. А теперь поступило приглашение от президента страны Фракоса Дувалиера провести трехнедельные собрания в его стране.

"Все что я знаю о Дувалиере", я сказал группе в Клифтонской Кафетерии в субботу, это то, "что он один из самовластных диктаторов в мире". пытки, тайная полиция - все там знают по разным рассказам о "Папе Док". Если поехать туда по приглашению его правительства, то все скажут, что мы поддерживаем то, что он делает".

Но Роза не согласилась с нами. "В твоём видении, Демос, была ли какая часть мира не включена лишь по причине правительства, которое там правит?"

Я старался припомнить пророчество. Нет. Всякий континент, всякий остров был наполнен людьми, плечом к плечу, безжизненными и безнадежными - первый раз, а радостными и живыми второй раз. "Политические подразделения не имеют здесь значения.

"Я не думаю, чтобы это имело значение теперь. Чем хуже политическое положение, тем больше люди нуждаются в уповании на Духа".

И конечно, Роза была права. Так и случилось, что в феврале 1960 года двадцать пять человек из Общения отправились самолетом в Гаити. Мы не знали, что этим первым полетом мы устанавливаем обычай посещения на следующих пятнадцать лет.

Мы только знали, что мы сумели как-то сберечь денег на билет и взять наш отпуск на две недели зимой, "а жена моя рассчитывала на свой отпуск летом" и благополучно вернуться домой по молитве наших домашних отделов.

Не успел наш самолет еще подъехать к остановке в Порт ав Принс, как в переднюю дверь вошла группа военных, разукрашенных медалями и лентами. "Др. Шакариян здесь?" - спросил один из группы, который наверно был переводчиком.

"Я Демос Шакариян", - я ответил. - "Я только молочник, а не..."

"Приветствуем вас в Гаити, Др. Шакариян. Ваш багаж доставят в гостиницу. Будьте добры, следуйте за нами, пожалуйста".

Мы сошли с самолета перед недоумевающими пассажирами и прошли через двойную колонну солдат на вытяжку. Целый ряд черных лимузинов ожидал нас. Мы даже не видели таможен, хотя и выполнили так много бумаг на самолете. В сопровождении охраны на мотоциклетах мы с гуденьем проехали городом до Ривера Отель. Там сенатор Артур Бонгом, руководитель большинства в сенате, ожидал нас.

"Все приготовлено для ваших собраний", сказал он нам на хорошем английском языке.

Узнав, что я молочник, он предложил мне поехать на местный скотной базар. Я был очарован людьми, которых мы встречали по пути, некоторые из них вели коров или одну козу. Женщины на своих головах балансировали высокие корзины с ананасами, арбузами, даже курами, без всяких трудностей. Но к моему удивлению, когда мы достигли базара, я видел, что животных резали и продавали там же на месте. Мухи тучами летали по площади. "Страшная засуха", заметил сенатор Бонгом. "Самая страшная, какую я помню. Мы вынуждены убивать скот, потому что нет травы на пастбищах".

Сильвио Като Стадион в Порт ав Принс вмещает 23,000 и когда наша группа двадцати пяти человек приехала к половине восьмого вечера, стадион был почти полным.

Большая деревянная платформа, размером 7 метров на 20 была поставлена для нас посередине стадиона. Я был бы очень доволен, если бы было с нами на платформе меньше людей в военной форме, но сенатор Бонгом заверил нас, что присутствие генералов и государственных лиц придает нам важность в глазах публики.

Мы пробовали открыть собрание пением гимнов, но скоро обнаружили, что между нами нет ничего общего. Поэтому мы вернулись на главную тему всех собраний Общественного - отдельных лиц, дающих свои свидетельства. Опять наш коммерческий подход показал свою ценность. Разницы в теологии, политике, расовой - мы этого не касались, когда члены нашей группы давали свои свидетельства через переводчика.

Мы затрагивали проблемы общие всем людям, как недоразумение среди друзей, болезнь в семье, борьба за существование.

На следующий вечер все места в стадионе были заняты и тысячи сидели на траве около стадиона. На третий вечер сенатор Бонгом определил толпу в тридцать пять тысяч. Конечно, не все из них пришли молиться.

Во время речи Эрла Прикета произошла неприятность. Эрл управляет индустриальными водоемами в связи с засорением атмосферы и имеет свою коммерцию в штате Нью Джерсей. В этот вечер он рассказывал о своей борьбе с алкоголем. Его рассказ должен был произвести хорошее впечатление на слушателей.

Сенатор Бонгом сказал нам, алкоголизм был первой проблемой на острове.

Эрл говорил, как он начал выпивать со своими покупателями, потому что, "если не будешь пить, не продашь". Оказалось позже, что Эрл не мог оставить водку. Его жена по этой причине оставила его. Доктор сказал ему, что алкоголь угрожает его здоровью, но он был бессильным перестать пить.

Шум в аудитории начал усиливаться до такой степени, что совершенно заглушал речь Эрла. "Наконец моя печень и мои почки перестали работать", - сказал он, - "так что доктор дал мне только шесть месяцев жизни. В это время, он напоминает, что кто-то из его друзей пригласил его на завтрак в собрание Общественного, которое происходило в Бродвуд Отель в Филадельфии. В этом отеле хозяин пивной прошлой среды сказал, чтобы я больше к ним не являлся".

Я вытянулся вперед, чтобы разобраться в нарастающем шуме. Мне пришлось быть на том завтраке и собрании, и я не забыл Эрла, когда он в чистеньком костюме протянулся на полу, умоляя Бога простить его.

Один из переводчиков наклонился ко мне и сказал: "Видите ли вы тех людей, Др. Шакариян?"

Я посмотрел в сторону, куда он показывал и впервые увидел ряд мужчин, одетых в красные халаты и в красных покрывалах на голове. Их было около трехсот. Они медленно двигались по жужельной тропинке, которая окружает поле, а за ними шли люди, одетые в обыкновенное платье.

"Вуду священники", - сказал мне переводчик. Они идут с намерением помешать нашему собранию".

К этому времени я уже мог различать их стаккато пение поверх шума толпы. Сотни из толпы бежали присоединиться к ним в процессии.

Генерал по правую сторону меня дал приказ и солдаты, которые стояли позади его, сошли с платформы.

"Что он сказал?" - я спросил переводчика.

"Он сказал солдатам быть готовыми. Они знают, что с ними делать".

"Нет, нет, я не советую". - Я обратился к генералу. - "Пожалуйста, не вызывайте войска!"

Через переводчика генерал сделал такое объяснение. "Если мы их не остановим, то я вам скажу, что случится. Они будут ходить вокруг, пока соберется за ними большая толпа, а затем они начнут кричать, и этим закончится ваше собрание".

Я обратился к сенатору Бонгому за поддержкой, но он только пожал плечами. "Я не знаю другого выхода". Я знаю, что сенатор думал не только о присутствующих, а может быть и сотнях тысяч слушателей по радио, по деревням и горным дорогам на острове. Мы видели некоторые из этих селений, проезжая по горам, где громкоговорители висели на деревьях или на стенах домов и были единственным развлечением для публики длинными, темными ночами.

Ерл пробовал описать чудесную перемену в своей жизни, которая произошла в ту субботу: примирение с женой, "невозможное", по словам врачей, исцеление тела. Он перестал говорить и обратился ко мне за советом. Змеиная линия, следующая за вуду священниками, выросла в более чем тысячу человек и увеличивалась с каждой минутой. И если бы мы применили местный способ силы, чтобы защитить наше собрание, мы бы противоречили тому, чего ради приехали на остров. Мы приехали сюда, чтобы продемонстрировать силу Божью, а не силу оружия.

"Пожалуйста, генерал", - я умолял. - "Подождите. Есть лучший способ".

Но когда двадцать пять нас из Общения второпях собрались в конце платформы, я хотел бы знать этот лучший способ. Перед глазами этой тысячной толпы, которая смотрела на нас, что мы будем делать, мы стали в кружок, положили руки один другому на плечи и начали молиться.

Через некоторое время я открыл мои глаза и посмотрел на толпу по всему стадиону.

Положение ухудшилось. Марширующих стало около двух тысяч, и они начинали рукоплескать. Поредевшая публика в рядах начала тоже рукоплескать, качаясь взад и вперед в неприличной ритмической форме. Начали подниматься крики.

"Я их успокою", - сказал генерал.

"Нет", - я сказал. - "Еще подождем".

Я опять склонил мою голову. "Господи, это Твое время! Господи, сохрани Твое собрание!"

Где-то в рядах позади нас раздался крик. Я быстро повернулся и подумал, что, наверно, кто-то был поранен ножом. Солдаты быстро побежали на крик. Затем мы все увидели мужчину и женщину - мужчина нес в руках дитя и торопился через траву к платформе.

По другую сторону поля марш превратился в ритмический танец. Пара с ребенком подошла к платформе. Сенатор Бонгом очень скоренько подошел к краю платформы и посмотрел на них.

Через несколько минут он вернулся, держа в руках тоненького мальчика лет восьми или девяти, который с изумлением смотрел своими впалыми темными глазами.

"Этого мальчика", он сказал, "я знаю! Он из моего района - Я знаю его родителей всю мою жизнь!"

Он смотрел на нас, то на одного, то на другого, дрожа от волнения. "Он видит!"

Случилось это когда ты говорил", - обратился он к Ерлу. - "Его глаза открылись! Он может видеть!"

Я не мог понять происходящего. "Ты говоришь, что он был слепой?" Проговорил я.

Сенатор проговорил ко мне с раздражением. "Родился слепым! Был слепым всю свою жизнь до этого времени!"

С мальчиком на руках он подбежал к микрофону. Сперва никто его не слышал из-за гула и треска в ладоши. Но постепенно, видя перед собой высокую и стройную фигуру сенатора у микрофона с мальчиком на руках, некоторые успокоились.

Переводчик был настолько поражен происшедшим, что с трудом мог переводить то, что говорил сенатор для толпы. Но очень скоро мы заметили перемену в настроении толпы. Хотя маршировки еще продолжались, но шум и гул утихал. Рукоплескания становились реже. Все теперь смотрели на сенатора.

С быстротой электричества реакция прошла по рядам. Люди начали плакать, то здесь, то там я видел людей с поднятыми к небу руками. Наконец даже одетые в красные халаты жрецы перестали петь и стояли в замешательстве.

Маленький мальчик, который был причиной благодарения Богу, со вниманием рассматривал окружающих, немного волнуясь в руках сенатора. Что он думал, видя впервые мир, трудно сказать, но не было и малейшего сомнения, что он видел, потому что он всматривался то в один, то в другой предмет, а в особенности он рассматривал цветные ленты на мундирах генералов. Иногда он смотрел на яркий свет в потолке стадиона, пока яркий свет не утомлял его зрения, и он вздрагивал и хныкал.

Его родители поднялись по лестнице на платформу и стояли рядом с сенатором. Он повернулся и поставил мальчика между родителями.

Я продолжал всматриваться в молящуюся толпу. Плечо к плечу, с головами, поднятыми в поклонении - где я раньше видел эту картину? А потом я припомнил...

Когда сенатор отошел от микрофона, мы попросили переводчика занять его место и сделать обыкновенный призыв: Все, кто желает познать этого любящего Иисуса, выйдите на поле.

Они стали подниматься со своих мест сотня за сотней. Даже многие из тех, которые ходили с вуду, второпях вышли на середину поля. Скоро толпа заполнила все пространство от платформы во всех направлениях. В течение двадцати минут собралось здесь до пяти тысяч человек.

На следующий день стадион был заполнен людьми с полдня и тысячу вышли на поле, когда был сделан призыв. Было больше исцелений, некоторые на наших глазах, тут же на платформе, другие среди людей в стадионе. На третий вечер после исцеления слепого мальчика, мы определили, что около десяти тысяч людей вышли на призыв познать Иисуса.

Многие из них, кто мог ближе подойти к платформе, плакали, исповедуя свои грехи, в особенности те, кто занимались чародейством и поклонением демонам. Разные вещи были положены на платформу и оставлены. Свертки волос, кусочки обрезаного дерева, мешочки с костями и перья. То, что больше всего меня порадовало, смотря на эту противную кучу, это сотни красных халатов поклонников вуду.

Мы только что закончили наше последнее собрание. Я стоял у окна в моей комнате в гостинице и смотрел на залитый лунным светом залив, слишком усталый уснуть.

Довольный... и озабоченный. Что в действительности случилось на наших собраниях?

Своего рода массовая истерия. Реакция толпы, которая в одну минуту отзывается на пение вуду, а в другую на христианский евангелизм и подобное может повториться еще раз. Чему эти тысячи научились за три недели собраний о Христе? Что станет с ними теперь?

Теоретически я знал, что мы оставляем их во всемогущих руках Бога. Но у меня не хватало веры, что этого достаточно.

"Покажи мне, Господи, что с ними что-то произошло".

Я заметил его через террасу на следующее утро. Мы сидели за завтраком на широкой открытой веранде в Ривера Отеле. Наша группа из Обшения, сенатор Бонгом и другие представители власти, несколько человек военных - ми встречались здесь за завтраком и молитвой каждое утро. Я сидел за столом вместе с сенатором Бонгом и шестью другими членами, когда вошел официант и с улыбкой сказал нам:

"Бонжюр мисье" и начал наливать нам кофе. Это был первый случай, что он заговорил к нам. С унылым лицом он каждое утро подавал нам у стола без слов.

Когда он подошел на сторону сенатора, он заговорил опять, прикладывая свою свободную руку все время к груди.

"Он говорит", передал нам сенатор Бонгом, обращаясь ко всем нам, "что сегодня утром когда он проснулся, ему казалось, что как будто бы тяжелое бремя, которое его давили, было снято с него".

Он был на собрании прошлый вечер, продолжал переводить нам сенатор, но не вышел наперед, но когда мы молились за тех, что вышли, он в своем сердце сказал:

"Иисус, если Ты являешься Тем, что говорят о Тебе эти люди, я хочу следовать за Тобой".

Заметив, что все смотрят на него, он поставил свой кофейник. Сенатор продолжал переводить: "Всю мою жизнь я носил это бремя. Мысли. Ужасные, злые мысли. Я боялся самого себя, боялся лечь спать от мыслей, которые приходили".

К этому времени он уже плакал. Сенатор перевел его слова: Сегодня утром, когда я открыл мои глаза, у меня уже не было тяжести. Мне кажется, что я стал подобен свету, что я могу подняться и улететь с кровати. Я не чувствую тяжести.

Еще кто-то плакал. Я повернулся посмотреть — это был второе официальное лицо, по лицу которого текли слезы. Сенатор продолжал переводить: "Я познал этот свет! У меня тоже были такие мысли. Четыре вечера тому назад я вышел к платформе, когда было сделано приглашение и кто желал новой жизни. Я ожидал, что эти мысли придут опять, но они не пришли. У меня теперь мысли человека, а не зверя".

А теперь была моя очередь вытереть слезы, когда я сказал: "Господь Иисус, прости мне! Прости мне, что я усомнился в Твоей силе".

Позже, того же утра нам сообщили, что Др. Дувалиер примет нас троих в своем президентском дворце.

Один из сияющих лимузинов был прислан за нами. "Обычно аудиенция с президентом задерживается не больше пяти минут", сказал нам чиновник, который встретил нас у ворот. "Я не знаю, когда он примет вас, но вы можете подождать здесь в этой комнате".

В комнате сидело около пятидесяти человек за круглым столом, многие с портфелями у своих ног. Мы все приготовились к долгому ожиданию, но к нашему удивлению дверь в кабинет президента немедленно открылась, и нас всех пригласили войти. Я не знал, как представлять себе диктатора. Но уж не таким, каким был этот маленький человек, в больших круглых очках, который поднялся со своего кресла приветствовать нас. На свободном английском языке он спросил нас, было ли наше пребывание в стране нам приятным? Мы говорили о наших собраниях, о больших толпах народа и влияние вуду на страну.

Пять минут растянулись на десять. Потом на двадцать. Др. Дувалиер спросил несколько вопросов о скотоводстве и продукции молока в Соединенных Штатах. В конце тридцати минут он посмотрел на часы. "Я хотел бы продолжить наш разговор", сказал он, "но еще многие другие ожидают".

"Прежде чем мы уйдем", - я пробормотал, можем ли мы помолиться за вашу страну, ваш народ здесь с вами?"

Мы все склонили головы, включая Др. Дувалиера и его советников. Трое нас из Общания помолитесь, призывая Божье благословение на тысячи, которые посетили собрания лично или по радио и на начатую ими новую жизнь. Затем один из нас спросил Др. Дувалиера есть ли у него особая просьба для молитвы.

"Молитесь о дожде", он ответил внезапно. Просите Бога, чтобы послал нам дождь".

Мы неуверенно переглянулись, но опять склонили наши головы. "Господь Бог, Который излил Твой Дух в жаждущие сердца, пошли дождь, мы просим Тебя, на иссохшую землю".

Последнее собрание в тот вечер было самым малым за все время собраний.

Причина для этого была очень простая.

Никто не хотел быть мокрым, так как шел проливной дождь.

Золотая цепь

Мая 24-го 1975 года мы опять с Розой отправляемся самолетом из Лое Анжелеского Интернационального Аэропорта.

Толпа нас больше не провожает, только наш сын Стефан и его жена Дебра, которые привезли нас на аэропорт. Нет больше беспокоящихся старейшин армянской церкви, нет заботливых лиц. Зачем им заботиться! Прошло двадцать четыре года с тех пор, как мы сделали первый полет. За это время мы с Розой пролетели больше трех миллионов километров.

Мы обменялись некоторыми словами со Стефаном о телевизионной программе, которую он снимал для Общения в Портланд, Оригоне в нашем отсутствии. Роза последний раз обняла Деби. Затем мы с Розой прошли через посадочную трубу в самолет. Мы летели в Гонолулу через Аукланд, где наших шестнадцать отделов приготавливали событие, названное "Иисус '75. По последним сведениям, так много тысяч намеревалось приехать, что Общение вынуждено было заарендовать на семь вечеров ипподром, называемый Александра Парк.

Поднявшись в воздух, нам скоро подали обед, после чего Роза приклонила голову к окну для обычного в самолете отдыха. Для меня же здесь была хорошая возможность приготовить ответ на первый вопрос, который тысячи людей спрашивают: Что из себя представляет Общение?

Какой ответ я могу им дать? Статистически? Ответы эти были весьма интересными. Я вынул записную книжку и начал писать:

Лет существования: 24.

Число штатов с отделами: 50.

Число стран с отделами: 52.

Общее число отделов: 1,650.

Месячная посещаемость отделов свыше половины миллиона.

Быстрота роста: один новый отдел ежедневно.

Я улыбнулся, припоминая слова Орала Робертса: мечтай о тысячах отделов, которая в одно время казалось невозможной. Я продолжал писать:

Месячная циркуляция журнала Голос: 800,000.

Телевизионных станций, с программой "Добрая Весть": 150.

Еженедельная аудитория зрителей: четыре миллиона.

Число полетов: три ежегодно с 1965 года.

Я опустил мое перо. Разве таким образом описывать Общение? Считая головы, события? Нет, не так.

А что сказать о различных служениях?

Исцеление, одно из них. Мы никогда не подчеркивали исцеления в Общении, потому что это сразу привлекало внимание. Но исцеления все же происходили. Все время.

Иногда мы приглашали человека с даром Святого Духа исцеления, чтобы проводить особые собрания. Большею частью это были обыкновенные члены, совершающие свое обычное служение, применяемые Богом в исключительное время.

Мое служение, например, было вспоможение, не исцеление. И все же...

В мае 1961 года Общение послало большую делегацию на Всемирную Конференцию Пятидесятников, которая состоялась в том году в Иерусалиме. Как приятно было ходить и видеть места, о которых мы знаем всю нашу жизнь из Библии. Масличная гора, красные ворота, Силоамская купальня - мы с трудом расстались, когда нужно было идти в аудиторию. Три тысячи людей присутствовали на конференции. Нам с Розой казалось, что все они приехали в вестибюль гостиницы в одно время, пробираясь в то же самое время в зал лекций. Конференция была такой популярной, что для входа нужны были пропуска.

Здесь мы встретились с нашим другом Джимом Брауном, делегатом Общения из Парксбург, Пенсильвания и вместе ожидали, чтобы поредела толпа.

"Дее-мос Ша-кarr-ян!" Голос был женский, с русским или польским акцентом. Я осмотрел зал. Кто мог меня звать?

"Вон там она".

Джим показал мне. Они пробирались через толпу в нашем направлении, мужчина и женщина. Она была невысокой, широкой, в возрасте свыше пятидесяти. Мужчина с нею был калека; вряд ли я когда в жизни видел подобного ему. Он был согнутым в цифру 7. Он ходил с палкой, за которую держался обеими руками, его туловище было параллельно пола.

"Вы ищете меня?" - я спросил женщину. Я даже не мог видеть лица мужчины.

"Да, господин Шак-arr-иян. Этому человеку нужна помощь". Она объяснила, что она встретила его на краю города. Он попросил ее взять его в аудиторию, потому что он слышал, что там Иисус исцеляет людей. Когда же они узнали, что все места уже заняты, то кто-то им посоветовал обратиться ко мне.

Мне стало жалко этого несчастного человека. Женщина сказала мне, что оба они были евреями. Я сейчас же подумал о еврее в нашем Общении - Давиде Ротшильде, который был президентом нашего отдела в Беверли Хилс. Я знал, что Бог имеет особую любовь к Своему народу обетования. Но что я мог сделать в этом случае? Я не имел особых притязаний на ход конференции.

А затем мысль осенила меня. А если бы я дал мой билет этому человеку на послеобеденное собрание. Джим Браун был одним из спикеров на этом собрании сегодня, но что я... "Вот, здесь", - я сказал, снимая мой значок. Тебя с ним пропустят".

Я стал на колени в вестибюле и склонился, чтобы достичь отворота его пиджака.

Наконец я нацепил мой значок и хотел подняться, когда внезапно я услышал несомненный голос: Нет, Демос, не оставляй этого человека. Ты должен молиться о его исцелении. Сейчас же, здесь!

Я был поражен. Здесь. Теперь. В вестибюле, полном народа и высоких руководителей пятидесятилетнего движения со всего мира? Я глянул на Джима Брауна. Джим имел больший опыт с исцелениями, чем я и он...

Ты, Демос, тут же.

Оставаясь на коленях, я проговорил в ухо калеки: "Сэр, вы хотели бы, чтобы я помолился о вас сейчас же?"

В ответ на мои слова он положил свою голову поверх палки, на которую опирался и закрыл глаза.

"Дорогой Иисус", сказал я "Мы благодарим Тебя, что Ты соделал хромого, прыгающим от радости на этих холмах. Сегодня, Господь, другой хромой приходит к Тебе - один из Твоего избранного народа".

Слезы текли по его шишковатым кулакам и падали на пол. Вокруг нас начала собираться толпа.

"Во имя Иисуса Христа", - я сказал ему, - "выпрямись!"

Я слышал, что-то треснуло.

Сперва я подумал, что слабенький человек что-то сломал. Но стон, который вырвался с него, когда он поднял свою голову и спину был стоном освобождения, а не боли. С таким старанием, выраженном в стоне, он еще немножко приподнялся. Еще один треск. Опять борьба, как будто бы с невидимыми цепями. Еще выше.

Если до сих пор толпа в вестибюле не знала, что здесь происходит, то крик женщины обратил внимание всех на нас. "Чудо!", она продолжала кричать. "Чудо, произошло чудо!"

Маленький человек поднялся еще раз и торжественно посмотрел мне в лицо. Вокруг нас со всех сторон раздался возглас хвалы и благодарения Богу на многих языках.

Я, тоже, встал. Взял его палку. "Только в силе Иисуса", я сказал ему. И верно, сперва немного шаркая ногами, затем смелее, крепче, он начал ходить взад и вперед, выровняв спину и плечи.

Вместо речи, которую Джим Браун собирался говорить на следующем собрании, он рассказал о том, что случилось в вестибюле. Для этой пары уже не было трудностей получить место в аудитории. Для них и для нас нашлось место в переднем ряду на балконе. Иногда, когда Джим рассказывал, маленький человек подпрыгивал со своего стула:

"Это я!" - выкрикивал он. - "Это я!"

Он прыгал и танцевал по проходу до такой степени, что я начал бояться, что он опять станет хромым от переутомления.

Да, я мог рассказать это в Александра Парк, хотя я не мог его объяснить ни тогда, ни теперь. Не так, как с людьми особого дара исцеления, я не искал этого дара. Я не проводил дней и часов в посте и приготовлении. Не пребывала и сила со мной постоянно, а лишь иногда, на время, хотя многие нуждающиеся приходили ко мне до конца конференции.

Самое лучшее, что я мог сказать людям в Аукланде, что исцеление является нормальной функцией Тела Христова, и что любой член Тела может быть позван, чтобы совершить исцеление. Когда появляется в этом потребность, то ключом для этого, кажется, служит повиновение.

Я посмотрел виновно на Розу, которая прикрылась одеялом в самолете, и припомнил одну ночь в Дауни.

Была полночь. Мы пошли в постель. Время выключить свет. Но по неизвестной причине Роза весьма беспокойная. Она встает, подходит к окну, приходит и опять садится на край кровати.

Для меня такое ее поведение было непонятным. Обычно, я бываю ночной совой. Роза всегда скоро засыпает. "Что с тобой, дорогая?"

"Вивиян Фулер!" Фулеры жили в южной части штата Нью Джерсей. Херб Фулер был президентом нашего отдела в Филадельфии. Я припоминаю, что при нашем последнем посещении их, его жена имела трудности с глазом. Но в это время ночи?... "Роза, ты знаешь какое теперь время в Нью Джерси? Три часа утра".

Роза вздохнула. "Я знаю", сказала она. Да согласилась она, лучше будет подождать до утра. Но я никогда не видел, чтобы Дух Божий так волновал человека. Роза не могла успокоиться. Она опять зачесалась и легла в постель. Вернулась, чтобы проверить выключена ли печь и опять в постель. Поднялась опять проверить закрыта ли дверь.

"Для твоего добра, дорогая", я наконец сказал ей, "иди и звони, прежде чем ты вытопчешь дыры в половике".

Роза подумала немного, а потом говорит мне. "Демос, а ты слушай на другом телефоне".

Я ушел в переднюю комнату и поднял трубку добавочного телефона.

"Вивиян", - говорит Роза, - повтори то для Демоса, что ты только что рассказала мне".

Без малейших признаков сна или удручения, Вивиян Фулер рассказала мне, что диагноз ее глаз показал весьма усиленное развитие глаукомы и что она не поддавалась лечению. Зная, что она слепнет, она старалась примириться с положением и проводила часы времени, учась ходить в комнате и не сталкиваться с предметами. Но, наконец страх и разочарование овладело ею. В эту ночь в особенности она мучилась неизвестностью. Она лежала без сна и думала, что даже оставлена Богом. "Боже", наконец она взмолилась. "Если ты меня любишь, прояви это в том, чтобы кто-нибудь позвонил мне. Теперь, вот в это время ночи!"

Некоторое время было слышно только гуденье проводов.

"Вивиян", - ответила Роза. - "Бог не только повелел мне позвонить тебе. Он сказал мне нечто больше. Он сказал мне, что ты исцелишься. Совершенно".

Надеюсь, что мой глоток не был слышен на телефоне в Нью Джерси. Роза продолжала рассказывать Вивиян обо всех чудных проявлениях Божьей силы, которую мы вместе все эти

годы переживали в Общении. Позже трое нас молились о полном исцелении Вивиян в этот же час. Мы кончили в 1:30 утра в Дауни и 4:30 утра в Нью Джерси.

Вивиян позвонила нам несколько дней позже. "Я не имею ничего определенного сказать", - сказала она. - "Но через час, после нашего разговора по телефону, что-то лопнуло внутри моей головы. Я не знаю, как другими словами это выразить. На следующий день я пошла к специалисту. Он сказал, что после моего последнего посещения не было ухудшения в моем состоянии".

Через несколько недель позже Вивиян позвонила опять. Не только задержана болезнь, но улучшилось зрение.

Прошли месяцы и мы встретились в Статлер Хилтон Отеле в Нью Йорке на районной конференции. Я поделился в переполненном зале рассказом Вивиян, как наилучшие врачи в восточных штатах определили ее состояние, как неизлечимая глаукома. "А теперь..."

Вивиян поднялась по ступеням к микрофону. Она рассказала о мучительном развитии болезни. Как она каждый день напоминала себе, что, наверно, это будет последний день, в который она видит лицо Херба. Затем она припомнила самые трудные переживания ее депрессии, когда она лежала в кровати в три часа утра и молилась, чтобы кто-нибудь ей позвонил. Она рассказала, как Роза ей позвонила, последующее посещение врача и его удовлетворение, что ее глаза стали поддаваться лечению. "Я благодарю Бога каждый день за хорошее зрение!"

Господь продолжал применять повиновение Розы. Еще Вивиян продолжала свою речь, как люди начали вставать и выходить наперед к платформе. Двадцать шесть, страдающих глаукомой, вышли и стояли на платформе. В атмосфере, зараженной верой, все собрание молилось о них. Через шесть месяцев семеро из этих двадцати шести посещали конференцию в Вашингтоне, Д.С. Мы все еще не знаем об остальных девятнадцати, но этих семеро были полностью исцелены.

На всех конференциях происходят подобные случаи и даже более удивительные, чем эти. Больные неизлечимым раком исцелялись на месте. Больной сердцем получил новое сердце, (не исцеленное, а новое, без признаков пластических кровеносных сосудов и клапанов, вложенных прежде хирургом). Молодой человек, умерший от пули 38 револьвера, поднялся и сел в госпитале в Джексонвиле и попросил воды, после молитвы директора Общения. Другой случай произошел в Южной Африке. Доктор признал человека мертвым, который после групповой молитвы из Общения ожил и носит свидетельство смерти в своем кармане. Подобное случалось всякий раз, когда кто-нибудь повиновался, независимо от того, насколько безнадежной, казалось бы, ситуация.

Или... наше служение достижения всего мира.

Для группы, которая молилась в декабре прошлого года было дано число - один биллион, 250 миллионов людей необходимо достичь в 1975 году. Число это кажется астрономическим и нереальным. Но ведь наш век электроники не совсем кажется нам реальным, все же, благодаря электронике, мы уже достигаем неслыханные массы людей.

Радиопередачи Общения еженедельно передаются на двадцать одном языке по всей Европе. Южной Америке и Азии. Дома, наши получасовые телевизионные передачи, серии "Добрая Весть", начали передаваться четвертый год по всей стране, с новыми отделениями в Канаде, Бермуде, Австралии и Японии.

Очень важную часть этого служения выполняет наш сын Стефан, который является главным производителем. Микрофоны, циферблаты, ленты - все это для него так естественно и ясно, как неясно для меня. Я страшился, когда был первый день перед камерой. Наша цель состояла в том, чтобы другие на "Доброй Вести" делились переживаниями так, как я делился когда-то на собраниях Общения. Все это кажется очень просто, но так как время в студии очень дорого, мы надеялись заснять первых тринадцать получасовых программ в одну неделю.

Но когда я вышел на телевизионную платформу, посмотрел на кабели, камеры, рабочих с секундомерами, я испугался, как корова перед новым стойлом. Текст указаний всегда меня беспокоил. Стоять здесь. Сидеть там. Поверните вашу голову теперь. Когда зажглись горячие световые лампы в семь часов утра, я начал потеть и к обеду, мне казалось, что с меня делали киносъемку в ванне.

Но всего хуже для меня было читать телепромттер - это коробка со словами у камеры. Я всегда путал мои слова. Я переставлял слова в предложениях, так что те, с кем я вел беседу, были настолько же смущены, как и я. В конце двухнедельного заснятия я потерял десять кило весу и мой энтузиазм на это предприятие. В отчаянии я пошел к производителю первоначальной серии, Дику Ману.

"Освободи меня от чтения текста", я умолял его. "Я хочу говорить с людьми".

Вы не можете этого делать на TV, терпеливо объяснял мне Дик. Здесь приходится считать время до секунд, и работники с камерами должны знать, где делать следующие снимки. И конечно, его экспертиза превозмогла, пока не вернулись снимки. Они показали механического человека со стеклянными глазами и деревянным лицом.

Следующую серию мы засняли в любительском стиле. Без текста, без подготовки, лишь с молитвой перед началом, с молитвой во время киносъемки и с молитвой в конце. Я не думал о механике, а о человеке, с которым вел беседу. Мы все почувствовали немедленно перемену - движение Божьего Духа в нашей студии. Камеры перестали защемляться, люди приходили на время и четыре интервью в получасовых отрывках сделали хорошее заключение. Дик Май не мог прийти в себя. Всякий раз, когда он давал мне одноминутный сигнал, я заканчивал точно на время.

Случались еще более трудные вещи для объяснения. Однажды мы делали киносъемку в Порто Рико. Местный отдел избрал для этого восемнадцать рассказов. Нам предстояло много работы, которую необходимо было производить днями, а тут шел дождь.

После обеда мне предстояло иметь беседу с человеком, который излечился от проказы. Рабочие покрыли свои киноаппараты от дождя брезентом и мы все сидели и ожидали. Рогелио Парила подошел ко мне и протянул руку. Вначале я подумал, что счастье, которое было на его лице, сделало день светлее, а потом я заметил луч солнца, который пробивался через тучи. Кинооператоры сняли покрывала и Рогелио с женщиной переводчицей, стали перед аппаратом.

С помощью Салы Олсен он нам рассказал о своей жизни, когда в девятилетнем возрасте он узнал, что у него проказа. Физические страдания ему было легче переносить, нежели отчуждение от семьи и жизнь в лагере прокаженных. До этого времени он никогда не видел прокаженного. Внезапно он очутился среди них, чей вид страшил его. Но худшее было впереди. Через несколько лет он был так обезображен, хуже всех остальных, со страшными ранами, что даже другие прокаженные сторонились его и не ели с ним.

Когда ему наступил двадцать первый год, группа христиан пришла посетить лагерь прокаженных, и он впервые услышал весть об Иисусе. Весть эта переменяла Рогелио из несчастного и безнадежного человека в полного любви и радости христианина.

За это время болезнь уничтожила его голосовые связки. Он начал просить Бога, чтобы Он опять даровал ему голос, чтобы он мог сказать другим о его новой жизни.

Однажды он узнал, что в пятидесятнической церкви около Рио Педрас будет происходить собрание исцеления. Невыразимая надежда начала наполнять его сердце.

Он стал умолять заведующих лагерем разрешить ему посетить это собрание, сидя в сторонке, подальше от других людей.

Когда формировалась линия больных для исцеления, он задержался, чтобы все остальные прошли раньше к исцелению, которое совершалось, как он заметим, возложением рук. Никто, он думал, не осмелится положить на меня руки. Никто не прикоснется к прокаженному.

Наконец у алтаря стало свободно. Рогелио быстренько вышел наперед и склонил свои колени. Пастор Торес подошел к нему и возложил на его голову обе руки. Затем он положил их на его лицо, на его плечи, он обнял его в две руки и в этот момент, свидетельствует Рогелио, он был исцелен.

Прошло много времени, пока доктора поверили своим испытаниям, что Рогелио не был более активным прокаженным. Позже его выписали из лагеря и последних двадцать пять лет Рогелио проповедует по всему Порто Рико. Бог даровал ему обратно красивый голос не только говорить, но и петь. В сопровождении музыканта, который ему аккомпанирует, живым темпом Рогелио вышел и спел для славы Божьей.

Не успела замолкнуть последняя нота, как тучи опять закрыли солнце. Кинооператоры и музыканты убрали свои инструменты под укрытие, и полился сильный ливень.

Мы обменивались переживаниями в собрании того вечера в Сан Хуан. "Как было хорошо, что дождь подождал, пока мы закончили нашу работу!" Некоторые с удивлением переглянулись. В Сан Хуан дождь того дня лил без остановки даже на одну минуту...

Таким образом мы теперь приготавливаем наши телевизионные программы три года подряд, без текста, без подготовки, уповая на Духа. Они не совершенные, но в них мера правды, которая трогает людей.

После программы каждая телевизионная станция подает номер телефона местного представителя группы, для желающих, посоветовать или добавить что-нибудь новое.

У меня было подсчитано где-то, сколько человек нам звонили по всей стране. Я сложил эти записки в карман сиденья впереди меня, чтобы потом положить в мой портфель.

Роза к этому времени проснулась и с интересом посмотрела на колонки номеров, которые я записал. "А что значит "TV 13/3"?" спросила она.

"Тринадцать программ в три дня", сказал я. Столько, обычно, времени требуется на киносъёмку теперь, не так ли? И мы никогда не повторяемся". Я начал искать отчеты. "Я хочу знать, сколько людей звонят нам по телефону после каждой программы".

"Демос", сказала Роза позже. "Не важно, сколько людей звонят, а важно, что с ними случается. Важен даже один человек и какая происходит в нем перемена".

Один человек, но который рассказ из тысячи рассказать вам? Я мысленно прошел от Порто Рико на запад. Восточное побережье. Средний Запад. Через горы и до Калифорнии. И еще дальше на другую сторону страны, в Гавайи, я подумал о Харольде Шараки.

Харольд был первым человеком, который позвонил на телевизионную станцию в Гонолулу, когда начались программы в сентябре 1972 года. Он не собирался слушать в то воскресенье утром. Он хотел сделать что-то совсем иное.

Харольд родился на кофейной ферме в Кона на острове Гавайи, шестым из шестнадцати детей. По добрым японским обычаям он был научен усердно работать, уважать других и почитать властей.

Харольда отец был парализованным. Когда, он заболел, все старшие дети оставили школу и начали работать для поддержки семьи. Благодаря усердию всей семьи, которая не боялась работать даже под горячим солнцем, Харольд смог продолжать свое образование и был первым в семье, который закончил среднюю школу.

После этого Харольд начал работать и помогать остальным своим братьям и сестрам учиться. Он поднимался каждое утро в 4 часа утра, одевался при керосиновой лампе и шел много километров на ту или другую кофейную ферму, где он работал. Когда все его братья и сестры закончили школу, тогда он женился и обзавелся своей семьей.

К этому времени Харольд переселился в Гонолулу и работал портовым грузчиком, потом служащим в магазине, и наконец он начал свое коммерческое предприятие. Его трудолюбие принесло ему успехи. К 1970 году он собрал значительную сумму денег.

А затем средства эти от него были взяты в очень деликатный способ.

С улыбкой.

Людьми, которым он доверял. Когда он осознал случившееся, его вера, на которой он строил свою жизнь, рушилась.

Конечно, это была вера в человеческое достоинство и старание - не в Бога.

Номинально Харольд и его семья считались буддистами, но как и другие жители острова они верили во множество богов и духов. Один из богов, по имени Одайсан, был весьма важным у них. Каменное изображение этого бога было в японском храме в Кона, к нему они семейно обращались за советом во всех решениях. Когда бог одобрял решение, его изображение было легко поднять. А когда его с трудом можно было сдвинуть с места, ответ был отрицательный.

Уже долгие годы Харольд сомневался в своих традиционных верованиях, замечая порабощение, в котором они держали его и семью. Его мать, уже старушка, вдова, жила в постоянном страхе обидеть то или другое божество.

Когда Харольд переехал в Гонолулу он присоединился к церкви епископатов, потому что в ней, ему казалось, было больше свободы от страха. Он даже убеждал свою мать стать христианкой, но она объяснила ему, что хотя Иисус был одним из богов, к которым она молилась, Его заинтересованность была только в белых людях. На каждой картине Он был изображен с бородой, сказала она, что есть доказательством того, что Он не заботится о жителях востока.

Разорившись денежно, Харольд обратился за советом к своему проповеднику. Тот весьма сочувственно выслушал его, согласился с ним, что поступок с Харольдом был весьма несправедливым, но посоветовал ему не судиться. "Подобные вещи в коммерции случаются очень часто, и ты ничего не сможешь сделать. Пробуй забыть всю эту сделку".

Но Харольд обнаружил, что он этого не может сделать. Он перестал есть, встречаться с друзьями, сидел в гостиной с завешенными окнами и чувствовал рост ненависти в своем сердце. Честность, жертвенность, длинные часы тяжелого труда - если все это не привело к добру, то какой смысл в жизни? Лучше умереть. Мертвые могут спокойно спать. Мертвых никто не обманывает и не грабит.

У Харольда был друг, у которого было ружье. Харольд не хотел умереть сам.

Прежде, чем он покончит с собой, он покончит еще с двумя другими. Даже с тремя, если он успеет, а потом покончит с собой.

Мысль эта не давала ему покоя, пока она не стала одержимостью, единой мыслью в его голове. Воскресенье. Это должно быть в воскресенье, потому что он скажет своему другу, что он хочет поехать на охоту. Воскресенье в сентябре, как только откроется сезон на охоту...

Воскресенье, которое Харольд избрал, пришло. Жена опять упрашивала его идти в церковь. Он не был в церкви с тех пор, как он говорил, с проповедником. Харольд только покачал головой.

"Открой хотя телевизор", - упрашивала его жена. - "Посмотри на бейсбол". Его странное безразличие ее страшило.

Харольд опять покачал головой и уныло посмотрел на жену. Она никогда и не подозревала, что было у него в уме. Верно. Открою телевизор. Буду смотреть в телевизор, пока она перестанет беспокоиться и уйдет в церковь. Он посмотрел на часы. Было 10:35. Послеобеденные игры начались опять на континенте. Он включил канал номер четыре.

Два человека вместе вели беседу. Один был белый, а другой - он не был уверен.

Возможно полинезиец. (Я засмеялся при вспоминании, что не раз я благодарил Бога за интересные черты армянского лица. Евреи принимают меня за еврея. Арабы думают, что я араб. В Южной Америке меня считают испанцем, а на востоке меня признают индусом. А здесь в Гонолулу на меня смотрят как на Гавайца.

Будучи расстроенным, Харольд не мог понять, что эти два человека говорили.

Протянувшись ближе к телевизору в своем кресле, он смотрел на их лица. Они выглядели счастливейшими людьми во всем мире.

Он пробовал разобраться в их словах, но его мысли были рассеяны. Но он не переставал смотреть. Внезапно чудный мир снизошел и наполнил полутемную комнату.

Любовь. Согласие. Надежда - как будто эти качества вытекали из телевизора.

В конце программы был показан номер телефона. Сидя перед телевизором с того момента, как он включил телевизор, Харольд повторил для себя номер телефона.

Несколько минут позже он говорил по телефону с Рой Хичкоксом нашего отдела в Гонолулу, слыша слова, которые были трудными, чтобы поверить. "Иисус знает всю твою ситуацию... Иисус поможет тебе в твоих трудностях... Иисус любит тебя".

Сегодня Харольд является не только руководителем в своей епископальной церкви, но и в Общине по всему острову. Он никогда не выручил обратно свои деньги, но Община помогла ему освободиться от бремени огорчения и гнева и одержать победу над собой. Он не только помог себе, он помог сотням других сделать новое начало в жизни.

Первой была его восьмидесятитрехлетняя мать. Смотря на перемену в жизни сына, она поняла, что здесь была сила большая той силы, которую она старалась так долго умиротворить. Она и другие члены семьи сложили разные изображения и объекты поклонения, которые они хранили в своих домах, на большую кучу и сожгли их на церковном дворе. Харольда мать умерла в 1973 году счастливой и довольной христианкой.

Случаи, подобные этим, убедили нас, что телевидение имеет место в видении, открытом мне о пробуждении всего мира.

Такое же значение имеет и реактивный самолет для путешествий. Я начал считать страны, которые мы посетили с Доброй Вестью: Англия, Швеция, Норвегия, Франция, Италия, Япония, Филиппинские острова, Вет Нам, Индия - более пятидесяти. Во многих из этих стран нечто большее, чем несколько недель собраний, осталось после нас - местный отдел, иногда несколько отделов, как центры для дальнейшей активности мирян.

В таких странах, как Финляндия, Эстония и Югославия мы не могли молиться или рассчитывать на долгие результаты нашего труда. Я думал о моем первом посещении коммунистической страны и решение, которое родилось во мне.

Наша небольшая группа квартировалась в Гавана Хилтон, переименованную в Куба Либра, после того как Кастро пришел к власти в Кубе. В этом отеле Кастро имел свою квартиру и отель был переполнен военными, но самого вождя трудно было увидеть. В одно утро, около двух часов утра собираясь ложиться спать, я внезапно почувствовал, что если я оденусь и спущусь лифтом в ресторан, я встречу лицом к лицу с Кастро. У меня был большой опыт с Духом, чтобы теперь противоречить такому необъяснимому откровению, поэтому я очень тихонько оделся.

Роза открыла свои глаза. "Куда ты идешь?"

"Вниз, встретиться с Кастро".

Роза тоже была знакома с такими побуждениями от Духа.

"Это очень хорошо", - сказала она спящим голосом.

В ресторане сидела группа весьма молодых солдат, в возрасте пятнадцати или шестнадцати лет. Они сидели у прилавка и пили апельсиновый сок. Годы тому назад, сказал мне официант, место это было переполнено в эти часы. "Севере американцы", сказал он со вздохом. "Из казино". Он показал рукой по направлению опустелого помещения под сценой. "Им было безразлично, сколько они проигрывали".

Он взял мой заказ на тарелочку мороженого и ушел со вздохом на кухню.

Вернувшись, он задержался у стола с видимым удовольствием поговорить. Кубанский испанский язык разнился от мексиканского, среди которого я вырос, но у нас не было трудностей понимать один другого.

"Когда придет премьер Кастро сегодня вечером", - я сказал официанту, - "скажи ему, пожалуйста, что я, владелец молочной фермы из Калифорнии, хочу с ним поговорить".

"Сегодня вечером?" - повторил официант. - "Его не будет сегодня. Он никогда не приходит так поздно". Я кончил мороженное. "Сегодня он придет". Официант с удивлением посмотрел на меня.

"Разве вам кто сказал, что он придет сегодня?" Я немножко задержался с ответом.

"Да", - я согласился, - "мне кто-то сказал".

Человек покачал головой. "Невозможное", заметил он. "Он никогда не приходит позже десяти часов вечера".

И, казалось, что официант был прав. Прошло других пять минут. Десять. Молодые солдаты ушли. Я взял мой счет и подошел к кассе. Кассир считал мою сдачу, когда я услышал стук сапог по коридору. Скоро через дверь вошло восемнадцать или двадцать чернобородых мужчин в оливково-зеленой форме. Некоторые из них имели при себе винтовки, другие с американского изделия автоматами. В центре группы был Фидель Кастро.

Кастро сел у стола и заказал бифстейк, а охрана расселась вокруг по всей комнате. В комнате не было на кого другого смотреть, как только на меня. Я заметил, как официант нагнулся и что-то шепнул на ухо Кастро. Он посмотрел на меня, а потом пальцем кивнул мне, чтобы я присоединился к нему у стола.

Я сел по его правую сторону, при сознании, что дула всех винтовок через комнату следовали за мной. Кастро спросил меня несколько вопросов о молочном деле в Калифорнии и был немного разочарован, что не мог угостить меня бифстейком.

"Когда я приеду к вам в гости, я выпью у вас целых четыре литра молока".

По всей комнате раздался взрыв смеха. К моему облегчению ружья опустили и некоторые из них закурили.

Я знал революционного вождя только по его бесконечным радио речам. Я удивился при личной встрече с ним, что он был внимательным и осторожным слушателем. "И что привело вас в Кубу?" спросил он меня позже.

Я сказал ему, что мы приехали группой, чтобы познакомиться с кубинцами в нашей отрасли работы и рассказать им, что Святой Дух совершает среди людей, подобных им в других странах.

Опять, к моему удивлению, он проявил искренний интерес. Он сказал мне, что однажды ему пришлось быть в госпитале в Бровнсвилль, Техас. "Каждый день там было два человека на программе телевидения. Один из них был Били Греем, а другой - Орал Роберте. Я думал о них, что они частные люди и то, что они говорили, было правдой".

Мы провели в разговоре тридцать пять минут, когда очень пьяный и очень злой Североамериканец появился у стола. "Разве вы никогда не отвечаете на письма?" добивался он. "Я ожидал три месяца на ответ от так называемого правительства".

Я не мог вникнуть во все подробности того, о чем он говорил, но я понял, что он был владельцем ночного клуба, перед тем как он был закрыт теперешним правительством. Пришлось удивляться смелости этого человека в комнате, полной вооруженных солдат. Но он был слишком занят собой, чтобы их замечать. "Вы теряете деньги", говорил он. "Не забудьте, что я вел хорошую торговлю здесь".

Лицо Кастро позеленело, почти как цвет его туники. "Хорошая торговля?" сказал он. Вы считаете это хорошей торговлей? Картежная игра и проституция? Разве это то, чем были заинтересованы ваши люди в нашей стране?"

Я пробовал встретиться взглядом с прошлым хозяином ночного клуба. Вряд ли можно было быть настолько пьяным и поглощенным собой, чтобы не понять этого вопиющего вопроса.

Заботились ли вы о нас? Сколько вы нас знали?

Пьяный не был в состоянии слушать. "Не читайте мне морали! Кубинцы имели хорошую прибыль. Почему всякий раз..."

Кастро поднялся не окончив ужина. Он был на полдороги к двери, солдаты с ним.

Внезапно он повернул в мою сторону и протянул мне руку.

"Я рад вашему посещению", - сказал он. - "Я бы хотел..."

Его лицо все еще выражало неудовольствие, и он не окончил своих слов. Через минуту они все ушли; владелец ночного клуба последовал за ними, все еще с обидой на случившееся. Я остался один у стола. На часах было пять минут третьего.

Я бы хотел...

Я бы хотел, чтобы больше людей приехало из вашей страны в Кубу молиться, а не картежничать.

Если бы так было, думал я, когда лифтом подымался вверх. Каким был бы мир сегодня, если бы миллионы путешествующих американцев ехали с Божьей любовью к людям, которых они посещают?

Если бы они поехали сегодня...

С того вечера я включил мысль эту в мою просьбу, где бы я ни был с друзьями Общения. Идите. Говорите добрую весть. Путешествуйте для Бога. Помогите возместить путешественников по свету, которых мир очень часто видит.

И наши люди пошли. Пошли, как те, которые получили по верности других мест и других стран и пришли к ним, чтобы отплатить свой долг.

Я думал о сентябрьском, вечере в Москве в 1966 году, семь лет после моего посещения Кубы. Здесь я мог сказать двум тысячам и двумстам, собравшихся в церкви Ев. Христиан и Баптистов, как русские пятидесятники пришли через горы в Армению своими крытыми возами. Две тысячи двести человек поднялись со своих мест, подняв руки к небу, плакали от радости, когда Дух повеял на это собрание.

На следующий день я имел возможность записать этот рассказ для Московского радио и благодарить русских людей от глубины моего сердца за принесенный нам невыразимый Божий дар.

Я опустил мое сиденье ниже и закрыл глаза. Люди по всему свету просыпаются от смерти в жизнь. Да, вот в этом цель Общения.

И я видел это в нашей гостиной в Дауни. Что еще было показано в видении? Люди воскресали не только для Бога, но и для других людей. Те, которые были изолированы друг от друга, собирались вместе, находя один другого. Вот это Общение.

Начиная заседание Конференции, мы просили поднятием рук дать знать, сколько епископатов, сколько пресвитериан, сколько баптистов на этом собрании? Самым приятным для меня было то, что не только мы имели ответы на наши вопросы, но что по всему зданию подымались руки. Католики сидели с методистами, квакеры с адвентистами и когда Дух сходил на собрание, в двадцатом ряду братья обнимали друг друга, те, которые в своих церквях долгие годы не говорили друг с другом.

Расы тоже соединяются. Много перемен л ось в наше время. В пятидесятых годах сегрегация была проблемой во многих местах страны. Я припоминаю наше приготовление на мировую конференция в городе Атланта. Мы заарендовали громадный зал в центре города и, более одной тысячи комнат на пять дней и ночей; заказали время на радио, напечатали регистрационные формы - все необходимое, чтобы собрать эту громадную конференцию.

Через месяц перед конференцией отель узнал, что мы ожидаем, как и всегда, на конференцию несколько черных коммерсантов. Они обещали нам приготовить иное, так называемое одинаковое помещение по соседству. Наши собрания могли быть на телевизионном соединении в роскошных залах гостиницы.

Потребовалось очень много телефонных разговоров, чтобы перенести конференцию в Денвер, Колорадо. И там мы заметили странную вещь. Посещение черными конференции было гораздо большим, чем мы ожидали. Наконец коммерсант мануфактурного магазина в Атланта пролил свет на ситуацию. "Мои друзья уже долгое время спрашивают меня почему я посещаю молитвенные собрания с завтраками белых людей? Но когда они узнали, что случилось с отелем - мне нужен был автобус, чтобы забрать всех моих друзей, которые хотели быть здесь со мной. (Летом

1973 года мы проводили районную конференцию в Атланта Хайат Хаус, которую посещали 1,500 человек каждый вечер, белые и черные вместе.)

Поколения объединяются. Под руководством Ричарда и его красивой жены Евангелины мы имеем теперь полную программу молодежи на всякой конференции.

Много раз, проходя мимо в коридорах отеля, я наблюдал длинноволосую молодежь и опрятно одетых в костюмы людей среднего возраста, проливающих слезы примирения на груди один другого.

Люди разного воспитания объединяются вместе. Черные и белые собираются вместе в сотнях наших южноафриканских отделов. Протестанты и католики просят друга прощения, обнимаясь в радости в наших отделах в Белфесте, Ирландии.

Все стены, которые разделяли нас с другими людьми, разрушаются. Я припоминаю одну женщину, которая буквально отгородила себя стеной от других людей, чтобы быть удовлетворенной. Сара Илайас была музыкантшей, которая изучала пианино в Джилиарде в Нью Йорке и пела под руководством Леопольда Стоковского. Высокая, влиятельная Сара, казалось, не имела проблем в мире. Когда она заказала одноместную комнату для районной конференции в Индианаполисе, никто не мог даже подумать, какой мучительный страх владел ею всю жизнь под прикрытием этого отказа.

Случилось, что все кровати в гостинице Индианаполис потребовались, чтобы удовлетворить людей, приехавших на уикенд в мае 1972 года. "Сожалею", сказал регистратор в гостинице. Мы вынуждены поместить вас в двухместную комнату". Он проверил список. Другой женщиной в вашей комнате будет Сестра Франсис Клер из Школы Сестер Нотр Дейм. Я уверен, что вы будете довольны ею".

Сара Илайас определенно знала, что она не будет довольной. Воспитанная людьми Святости в маленьком городке западной Пенсильвании, она была научена не доверять монашкам. Но ее основной проблемой было ее трагическое детство. С того времени, как ее отец застрелил мать, когда она еще была маленькой девочкой, и через все годы в приюте, до дня, когда от нее отказались приемные родители, она знала, что люди ей не доверяют. Поэтому, со своей стороны она не доверяла людям и исключала их из своей жизни. Таким было ее отношение к людям, где бы она ни работала. Между нею и миром была всегда стена.

Никто не знал этих подробностей, пока она, придя к своей комнате, думая что она пустая, обнаружила в ней другую женщину. Сестра Франсис Клер, очень разумная и нежная женщина и христианка, с особым дарованием лечить память, выразила свое желание помолиться о Саре. В результате этой молитвы несколько часов позже, страх, противление и огорчение сменилось в любовь и принятие Бога.

Когда я встретился с Сарой того вечера - ее лицо было преображенным. Я попросил ее выйти к микрофону и рассказать что случилось. Позже, она играла на пианино.

Когда она окончила играть, вся конференция поднялась на ноги и аплодировали ей, пока она не начала играть опять. Ей было сделано четыре стоячих оваций и в конце всего мы все знали, что Дух Сам играл нам в тот вечер.

Сара Илайас является одной из целой категории подобных людей, которые служат в Обществе. Коммерческие и профессиональные женщины. В начале я был озабочен мужчинами, которые проводили бесплодно свою жизнь, так что я даже не замечал других. В первые годы работы Общества женщины были только христианскими женами своих мужей, которых они старались привести к Господу.

Когда Общение стало более известным, появилась новая группа женщин. Замужние и незамужние, молодые и старые, они были рабочими людьми, которые, подобно мужчинам, чувствовали, что им нечего делать в традиционных церквях. Классы шитья, продажа поношенного платья, утреннее кофе и беседы - все это было неприемлемым для врачей, учительниц, конторских рабочих, как оно было когда-то другим. Мы теперь имеем женщин адвокатов, посещающих наши собрания, актрис, фабричных рабочих. "Продавщиц", я написал в моих записках. "Медсестер.

Корреспонденток".

"Демос!"

Роза толкнула меня и подняв глаза я увидел стюардессу с подносом бутербродов.

Через час мы будем в Гонолулу.

"Стюардессы", - я добавил к моим запискам, которые лежали перед мной. Я перечитал написанные от руки страницы. Достижение людей по всему миру, в разные способы, всяких людей. Не есть ли это образ Общения?

"Что это было?" сказала Роза. Расскажи еще про одну особу и как она переменялась. Верю, все статистики мира не могут передать того чуда, когда Дух перерождает жизнь.

Но где начать или остановиться? Если я начну рассказывать баснословный рассказ о Джорже Отисе или Волтере Блэке, или генерале Ралфе Хаинсе, у меня не хватит времени и я должен буду пропустить столько же баснословные рассказы о Джими Вате, или Ото Кундерте или Доне Локс.

Общение имеет теперь миллион рассказов, и каждый из них чудный, каждый уникальный и каждый, присоединенный к другому золотой цепью.

Каждый присоединен...

Почему не рассказать про одно такое звено, одно чередование в бесконечной цепи реакции, которая есть Общение Коммерсантов Полного Евангелия...?

В пятницу утром в начале шестидесятых годов, мне позвонил молодой человек, который сказал, что мы недавно повстречались на конференции в Оклагоме.

"Господин Шакариян, - сказал молодой человек, - я бы хотел, чтобы ты поговорил с моим дядей. Мне кажется, что он готов принять Господа".

"Кто ваш дядя?"

"Шанон Вандруф".

Имя мне показалось малознакомым. "Где он живет?"

Он дал мне адрес в весьма роскошной части Дауни.

"Чем он занимается? Я спросил неспокойно.

"Он строитель. Слышали ли вы когда о Синдерела Хомс? Это его предприятие".

В начале я подумал, что я никогда не смогу поговорить с ним! Все в нашей части города знали Синдерела Хомс - это было большое, большое коммерческое предприятие.

Все же я обещал позвонить Шанону Вандруфу и на следующий день, в субботу я позвонил. Господин Шанон Вандруф оказался весьма разговорчивым человеком, с которым было весьма приятно беседовать. Его племянник был прав: Шанон был готов слушать добрую весть об Иисусе. Он и его жена Вета пригласили нас с Розой в тот же вечер в свой большой дом около поля для игры в гольф. Позже они оба с нами поехали в Финикс, Аризона на конференцию Общения, где оба получили крещение

Святым Духом.

Теперь новое имя вошло в цепь реакции. Др. Рэй Чарлз Джарман был пастором большой церкви в Соут Гейт, Калифорния, которую Вандруф посещал четырнадцать лет. Под прекрасным руководством Др. Джармана и его проповедями, церковь выросла в миллиондолларовую институцию, с мягкими сиденьями, толстыми коврами, кондиционированным воздухом, импортными статуями. Др. Джарман вел ежедневную радиопередачу и считался двигателем интеллектуальной жизни в Южной Калифорнии.

Но Вандруфсы никогда не слышали, чтобы он проповедовал о Христе. Подобно многим другим хорошо образованным проповедникам, он давно перестал верить в Божество Христа, в чудеса, и другие "ненаучные" понятия. Но он был честным пастором, который всегда хотел дать своей церкви что-то настоящее.

И пятьдесят лет он искал эту убегающую реальность. Он посещал Религиозную Науку, Новую Мысль, Христианское Единство, Христианскую Науку. Чувствуя в своей жизни растущую пустоту, он обратился к Восточным религиям. Он изучал три года эти религии под

руководством Парамангана Егананда и других. Он обращался к Росикрусинанизму, а потом к Теософии.

В 1961 году, прежде чем эти наркотики были признаны вне закона, он пошел в клинику в Сан Франциско, где нанял на свои средства доктора, медсестру и психиатра быть с ним во время суточного эксперимента с ЛСД. Вместо того, чтобы помочь ему найти Бога, он был мучим кошмарами целый месяц.

После своего обращения к Богу Шанон Вандруф начал спокойное старание привести Др. Джармана на собрание Обществу. Ученый пастор был выразительно не заинтересованным.

Около четырех лет Шанон беседовал с ним. Дошло до того, что Джарман не мог переносить посещения Шанона.

Однажды общий друг пригласил Др. Джармана на вечер "Христианской музыки и общения" в доме Вандруфа.

Пожав плечами Др. Джарман согласился. Нечего терять. Еще будет одно переживание.

Случилось, что в августе 1965 года Рей Чарлз Джарман, с тремя другими членами своей церкви приехал к Шанону. Большая передняя комната в большом доме Вандруфа была так переполнена, что было трудно найти место сесть. Джарман обратил свое внимание на веселое настроение этих людей, что его весьма удивило. Они все были оживленными, как будто за выпивкой. Все происходящее его удивляло и беспокоило.

Если бы он не привез других людей с собой, то он немедленно уехал бы.

В продолжение вечера Джарман все больше и больше чувствовал себя стесненным.

Пение, молитвы, свидетельства чередовались одно за другим с восклицаниями "Слава Господу!" Джарман все думал, что сказали бы на это его университетские друзья?

В половине вечера открылась передняя дверь и, поддерживаемая двумя мужчинами с обеих сторон стояла весьма изнуренная женщина, какую когда-либо он видел.

Глубокие круги выделяли ее глаза; ее платье висело на ней, как будто бы под платьем не было тела. Женщина эта была моя сестра Флоренс.

Джарман в ужасе смотрел, когда мужчины перенесли ее через комнату и посадили в кресло. Прошло двадцать пять лет после автомобильной аварии, в которой была Флоренс. Какая чудная четверть века служения были эти годы. Очень часто с Розой около пианино или органа, Флоренс пела в церквях и в собраниях Обществу по всей стране. А теперь точно, как было ей предсказано во сне, она умирала от весьма исключительного вида рака.

"Флоренс Шакариян Лалаян", - сказал Шанон, - есть ли у тебя сила спеть нам что-нибудь?"

Флоренс улыбнулась. "Я попробую", сказала она. Она положила обе свои руки на свой лоб и отвела его назад, не имея силы поднять свою голову. Затем она начала петь.

И Рей Джарман обнаружил себя лицом к лицу с Реальностью, которую он так долго искал. Джарман был любитель оперы, и он слышал большинство оперных голосов его времени. "Но я никогда не слышал такого голоса", он сказал мне позже. Когда она пела, мне казалось, что ангел стоял в комнате". Флоренс попросила всех в комнате присоединиться к ней на припеве "Великий Бог". Когда все пели, ее голос поднялся выше всех голосов, все выше и выше, подобно жаворонку, до такой степени, что Джарману казалось, что он стоит у ворот неба.

Для Флоренс это была ее последняя песня, а для Рея Чарлза Джармана это был первый случай в его жизни, где он публично заплакал.

Но его разум был так наполнен научными суждениями, что ум его продолжал противиться тому, что знал его дух. Прошло еще несколько месяцев, после чего он сделал устрашающий прыжок сверх своего понимания. В его вдов-цовой квартире, в присутствии Шанона Вандруфа, как свидетеля, он склонил свои колени, еще одно, чего он никогда не делал и просил Иисуса управлять его жизнью. Он поднялся с колен преисполненный радостью, как до этого он всегда был пустой и в страхе.

Его, Рея Джармана, слушали сотни тысяч людей в собраниях Обществу по всему свету.

"Я проповедовал пятьдесят два года", он говорил нам, "прежде чем я познал Иисуса". Но кто знает, сколько душ достиг Рей Джарман в последних девять лет, и как много тех, в свою

очередь, достигли других? Где кончается золотая цепь, которая соединяет нас одного с другим?

Где она начинается?

Я думал о звеньях, выкованных прежде моего рождения. Магардич Мушеган пророчествовал в Кара Кала: "Через год у тебя будет сын". Я думал о том сыне, который сидел на возу, нагруженному овощами и фруктами, позади лошадки по имени Джек. Какое сильное звено соединило жизнь Шакариянов и Мушеганов. Внук Магардича Хари, в одно воскресенье в 1955 году получил откровение в армянской пятидесятнической церкви на Гудрич бульваре. В этом видении он видел святилище, наполненное светом и ручейки масла изливались с неба на Исаака Шакарияна. Это было рукоположение, единственное, которое признавала наша церковь. И почти десять лет отец исполнял служение пастора церкви безвозмездно, по армянской традиции, заботясь о том, чтобы получить права от штата венчать и хоронить, а также проповедовать каждое воскресенье и заботиться о других нуждах народа.

Опять, в пятницу вечером, осенью 1964 года Хари Мушеган получил второе видение.

В тот вечер я был в Коронадо Отель, на юг от Сан Диего. Ноября 6-го мы начали здесь трехдневную районную Конференцию. Наша дочь Гери пришла ко мне и сказала, что мы все должны вернуться в Дауни.

"Дедушка", сказала она. "Он... в госпитале!"

"В госпитале? Но он не болен. Он чувствовал себя хорошо, когда я вышла из конторы после обеда!"

В приемной госпиталя мне сказали, что отец находится в здании через улицу.

Странно, подумал я, когда вошел в малый одноэтажный дом, чтобы они положили его в этом темном и забытом месте. Где же медсестры? И я внезапно понял, что это небольшое здание было моргом.

Отец лежал на высоком белом столе. Не удивительно, что никто не мог ничего сказать мне о нем. Никогда отец и сын не были так близки. Я стоял в пустой маленькой комнате и слышал его голос, как это было сотни раз многие годы. Когда предоставлялась возможность где-нибудь в мире сказать людям об Иисусе, отец говорил: "Ты иди, Демос, я позабочусь о нашем предприятии".

Дома Др. Дональд Григе ожидал нас. Я был прав, отец не был болен. Он умер подобно тому, как умирали древние патриархи", сказал Др. Григе. "В силе, не в болезни. Он читал вечернюю газету и уснул".

О смерти отца еще никто не знал, кроме Др. Григса и ближайших членов семьи. Мы удивились, когда Хари Мушеган позвонил из Атланты, Джорджия, где он был пастором церкви.

"Старички", сказал он. Я только что встречался со всеми ими! Мой дедушка, мой отец, все старички, которых я помню с детства. А некоторых я никогда не знал.

Около часа тому назад я видел всех их с длинными белыми бородами; они смеялись и бегали с распростертыми руками, как будто они кого-то встречали. А потом я видел Исаака, бегущего им навстречу".

Затем наступала телефоне пауза. Исаак ушел, не так ли?"

Мы пристегнулись ремнями для приземления. Самолет пошел на крен и начал снижаться.

Иди, Демос...

Так сказал Бог каждому из нас, не так ли? Идите, Ефим, Иван, Мария. Он не всегда говорит нам? куда идти в начале дороги. Я подумал о втором откровении, которое получил юноша-пророк много лет назад. Оно все еще запечатано и не открыто. Предсказывает ли он великое гонение, грядущее на христиан в Америке, перед пришествием Господа? Я лично думаю так. Я думаю, что нам дарован Дух для подготовки к тому времени, чтобы соединить нас в Тело и назначить каждому из нас служение по нашим способностям для добра Тела. Я часто думаю, кто откроет и прочитает это предсказание для церкви.

Но это не так важно. Важно то, что Он говорит каждому из нас идти. Иди с тем даром, которым Он тебя наделил, зная, что, если мы обнаружим этот дар и используем, независимо, чтобы ни случилось вокруг нас, мы будем наисчастливейшими людьми на земле.

Самолет приземлился с маленьким прыжком и подъехал к аэропорту. Роза начала собирать наши вещи.

"Ты готов, Демос?" сказала она.

"Я готов, Роза."

Мы вышли в проход и вместе направились к новому приключению.

Кто наисчастливейшие люди на земле?

Те ли это, у кого много денег? Наиболее друзей? Красоты? Славы? Доброго здоровья?

Ни одно из этих, согласно Демоса Шакарияна и ответ, который он дает в этой весьма личной книге, может удивить вас. Его рассказ заставит вас смеяться и плакать и укрепит вашу веру. Вы будете с Демосом.

когда он посватает 15-тилетнюю Розу Габрилеян... по-армянски.

Когда он будет размышлять над пророчествами, которые будут казаться "несодержательными".

Когда они с Розой будут переживать трагическую утрату маленькой дочери.

Когда он будет бороться с коммерческими трудностями, узнает о смертельном заражении в его молочном стаде, встретит оппозицию со стороны своей семьи - желая узнать Божию волю для своей жизни.

Наисчастливейшие люди на земле - книга, которая отвечает на вопросы христиан нашего времени.

О пророчестве. Пророчество привело Демосового отца и дедушку из маленькой деревни в Армении в Лос Анжелос, Калифорния - как раз вовремя, чтобы избавиться от резни, в которой погибло миллион с половиною армянских христиан. Книга спрашивает: придет ли мировое гонение на христиан в наше время? Как Бог prepares Свою церковь для этого переживания?

О направлении. Имеет ли Бог точный план для каждого человека на земле? Какие условия мы должны выполнить, чтобы узнать этот план?

Книга эта предлагает ответы:

Тем, кто смущен. (Читай, как Демос научился различать голос Божий, от голоса врага.)

Для тех, кто делает ошибки. (Читайте, как Бог исправляет ошибки, которые чуть ли не разрушили мечты Демоса организовать общение христиан-мирян.)

Для тех, кто нуждается в практической помощи. (Читайте, как Бог послал покупателя на предприятие, которого "никто не хотел", когда Демос поставил Божье дело на первом месте.)

Книга эта раскрывает великую тайну, которую всем нам необходимо знать. И познавши ее однажды, как пишет Демос, "неважно, что бы в мире ни случилось, мы будем наисчастливейшими людьми на земле.

Об авторах:

Демос Шакариян - Калифорнийский молочник, основатель Интернационального Общениа Бизнесменов Полного Евангелия. Через телевидение и радио, через "воздушные операции доброй вести" и через 1,700 отделов во всем мире Общение достигает свыше биллиона людей ежегодно, с изменяющей жизнь вестью Христовой любви.

Джон и Элизабета Шерил являются авторами таких ходких книг как: "Крест и кинжал", "Божий контрабандист" и "Потаенное место".